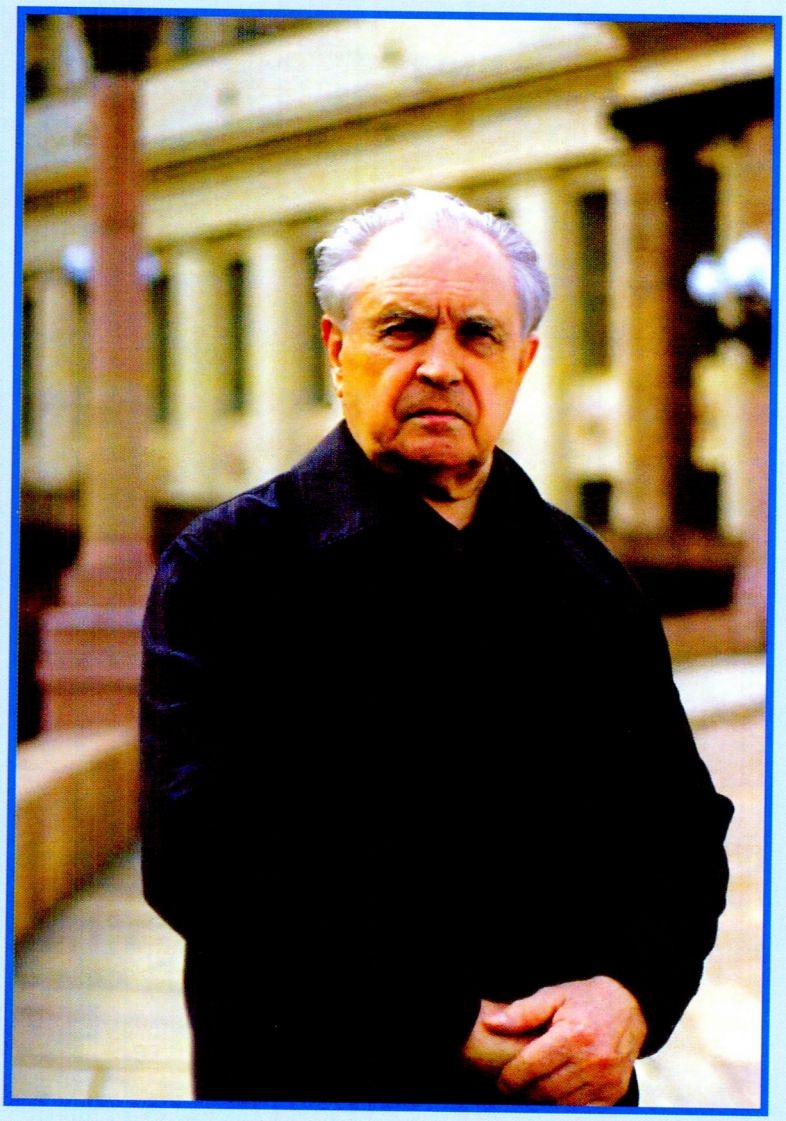
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова

Философский факультет

ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Материалы Международной научной конференции
(6 – 7 ноября 2008 г.)

Москва
2009



Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
Философский факультет

ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Материалы Международной научной конференции
(6-7 ноября 2008 г.)

Москва
2009

УДК 316.3/.4
ББК 87.6
З 635

З 635 **Зиновьевские чтения в Московском университете. Материалы Международной научной конференции (6—7 ноября 2008 г.) /** *Под ред. Миронова В.В.* — М.: Современные тетради, 2009. — 160 с.
ISBN 978-5-88289-375-9

Редакционная коллегия:
Член-корреспондент РАН Миронов В.В.
(отвественный редактор),
академик РАН Гусейнов А.А., Зиновьева О.М.,
профессор Маркин В.И., доцент Скворцов А.А.

Конференция «Зиновьевские чтения в Московском университете» была посвящена наследию выдающегося ученого, мыслителя и гражданина, профессора МГУ, лауреата премии «Звезда университета» Александра Александровича Зиновьева.

УДК 316.3/.4
ББК 87.6

ISBN 978-5-88289-375-9

© Философский факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009
© Издательство «Современные тетради»,
2009

Предисловие
О конференции «Зиновьевские чтения в Московском университете» 4
Философское наследие А.А. Зиновьева
Вступительное слово В.В. Миронова на конференции «Зиновьевские чтения в Московском университете» 6
В.В. Миронов. Философия поступка 9
Э.-Й. фон Штуднитц. Особенности российско-германских отношений: вклад в Европу 18
А.А. Гусейнов. Построить идеальное общество в себе самом 26
В.С. Степин. Творчество А.А. Зиновьева и любовь к мудрости 32
В.А. Лекторский. Мужество мысли 39
А.А. Лиханов. Воспитывать детей по Зиновьеву 43
В.А. Луков. Тезаурусный подход в социологии и зиновьевская идея человейника 45
И.А. Михайлов. Момент истины для России 54
Е.В. Катышевцева. Александр Зиновьев о двух исторических версиях «сверхобщества» 60
Л.В. Давыдова. Зиновьев А.А. о марксизме 68
С.Н. Бабурин. Зиновьев сегодня 71
М. Кирквуд. Понятие идеологии в творчестве Зиновьева 75
Д. де Кошко. Александр Зиновьев и французские студенты 84
Ю.Н. Солодухин. Мировой финансовый кризис или кризис сверхобщества? 87
Н.И. Бухтеев. Методологические аспекты изучения глобализации 93
Ф. Хэнсон. Взлеты, падения и всемирный экономический кризис 100
Т.А. Зиновьева. Информационные технологии и развитие мышления 103
Н.В. Иванчук. Александр Зиновьев как глобальный и национальный мыслитель. Актуальность культуры памяти 116
А.В. Фоменко. От сараевского выстрела до перемирия 1918 года. Четыре года, которые сокрушили Европу 121
А.А. Скворцов. Социальная теория А.А. Зиновьева и судьба нормативности . . . 129
Е.И. Рачин. Природа и поэзия 135
Ф. Фассио. Мыслители западнизма 143
Ю. Филиппов. Антанта — крестная мать СССР, или Революция и Гражданская война в России 147
А.И. Фурсов. Глобализация — мир на краю пропасти (истоки и последствия) 155

ПРЕДИСЛОВИЕ

О КОНФЕРЕНЦИИ «ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ»

6—7 ноября 2008 года в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Зиновьевские чтения в Московском университете», посвященная памяти выдающегося русского мыслителя Александра Александровича Зиновьева.

Инициатива проведения конференции принадлежит ректору Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, вице-президенту РАН, академику РАН Виктору Антоновичу Садовничему, который возглавил Оргкомитет. Активное участие в подготовке и проведении конференции приняли Институт философии РАН и Исследовательский центр им. А.А. Зиновьева Московского гуманитарного университета.

На открытии конференции с докладами выступили директор Института философии РАН, акад. РАН, проф. Гусейнов А.А.; посол ФРГ в Российской Федерации, ныне президент Российско-германского форума, д-р Эрнст-Иорг фон Штуднитц (ФРГ); ректор Российского государственного торгово-экономического университета, профессор, д.ю.н. Бабурин С.Н.; главный редактор журнала «Вопросы философии», акад. РАН, проф. Лекторский В.А.; декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, чл.-корр. РАН, проф. Миронов В.В.; президент Международного детского фонда, писатель, почетный доктор Лиханов А.А.; профессор, заведующий кафедрой славистики Университета Глазго (Шотландия) Майкл Кирквуд; профессор, писатель Фассио Фабрис (Франция — Буркина-Фасо); директор Института русских исследований Московского гуманитарного университета, к.ист.н. Фурсов А.И.; профессор, писатель Михайлов И.А.; действительный государственный советник 1-го класса, к.филос.н. Солодухин Ю.Н.; проф., д.ф.н. Иванчук Н.В., Академия государственной службы (Екатеринбург); доцент кафедры этики философского факультета МГУ Скворцов А.А.; доцент, к.ист.н. Катышевцева Е.В. (Глазов); доцент кафедры социологии Донецкого государственного университета управления, к.филос.н. Бухтеев Н.И. (Украина); писатель, журналист, режиссер Дмитрий де Кошко (Франция); директор Российских и азиатских программ Николай Злобин (США); директор Исследовательского центра им. А.А.Зиновьева МосГУ Зиновьева О.М. и другие.

Гостями Международной конференции были президент государственного Университета г. Аугсбурга (ФРГ), профессор, д-р, д-р юр.н. Вильфрид Боттке; Кристиан Форстнер, глава представительства Фонда Ханнса Зайделя в России (ФРГ); руководитель библиотеки Гуверовского института Стэнфордского университета, д-р Анатоль Шмелев (США); вице-президент издательской группы

АСТ Радовицкий А.М. и другие преподаватели, ученые, студенты, профессора московских вузов, журналисты, общественные деятели России и зарубежья.

Помимо пленарного заседания, в рамках работы конференции были проведены ***открытые лекции*** и ***мастер-классы:***

— Дмитрий де Кошко (Франция) — «Новая Россия в фокусе западных СМИ»;

— профессор Майкл Кирквуд (Шотландия) — «Основы зиновьевизма»;

— Николай Злобин (США) — «Россия в складывающемся новом мировом порядке».

Международная конференция завершилась ***Концертом-посвящением Александру Зиновьеву,*** в котором принимали участие хор «Gloria», лауреат международных и всероссийских фестивалей (Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова); лауреат международных премий и премии «Триумф-2007 г.» Ксения Зиновьева, студентка Академического колледжа при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского; лауреат российских конкурсов Анна Ерилина, студентка Академического колледжа при МГК им. Чайковского и солист Москонцерта, доцент Московской государственной консерватории им. Чайковского А.М. Малкус.

В конференции «Зиновьевские чтения в Московском университете» приняло участие более 200 человек. По результатам конференции подготовлен к печати настоящий сборник, в котором опубликованы выступления ее участников.

В адрес Оргкомитета «Зиновьевских чтений» поступили многочисленные письма, телеграммы с поздравлениями и поддержкой инициативы, необходимой как осознание и освоение огромного творческого наследия, оставленного мировой науке и культуре великим русским гражданином и мыслителем.

Накануне открытия конференции, 31 октября 2008 г., в г. Костроме, на набережной р. Волги был заложен памятник великому русскому мыслителю, сыну Костромской земли Александру Александровичу Зиновьеву.

Конференция освещалась в средствах массовой информации как в России, так и за рубежом.

Международная научная конференция проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-03-14035г), за что приносим свою глубокую благодарность.

Член Оргкомитета
Международной научной конференции
«Зиновьевские чтения в Московском университете»,
руководитель Исследовательского центра им. А.А. Зиновьева
Московского гуманитарного университета
О.М. ЗИНОВЬЕВА

Вступительное слово В.В. Миронова,

чл.-корр. РАН, декана философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Философское наследие А.А. Зиновьева

Дорогие коллеги, уважаемая Ольга Мироновна! Я хочу выступить не только от своего имени, я, прежде всего, передаю приветственное слово Виктора Антоновича Садовничего. Он очень хотел в этом участвовать, но, к сожалению, не смог. Сейчас он находится в Японии. Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов уже об этом сказал: Виктор Антонович Садовничий принял живое участие в судьбе Александра Александровича, я об этом скажу чуть ниже. Я бы сказал так: он многие годы курировал и его жизнь здесь, и во многом жизнь его семьи. Я надеюсь, что мы извиним нашего ректора, что он не смог присутствовать.

Наша конференция посвящена А.А. Зиновьеву, и поэтому, конечно, нельзя здесь обойти его как личность прежде всего. Это профессор философского факультета Московского университета. Безусловно, он является одной из выдающихся личностей нашего времени, значение мысли и работ которого мы начинаем по-настоящему оценивать только сегодня.

Потому, прежде всего, мне бы хотелось обозначить масштабы творчества А.А. Зиновьева.

Конечно, надо признать, что каждый, кто открывает такой форум, каким является наша конференция, имеет своеобразную льготу высказаться более образно и оценочно, чем в строго заданной тематике, и обозначить яркие грани личности философа, его идеи и содержание философско-культурного наследия.

Хочу особо подчеркнуть, что среди российских философов А.А. Зиновьев занимает особое место. Как известно, он выходец из простой российской семьи. С первых шагов сознательной жизни его отличительной особенностью было стремление к масштабному образованию, к проявлению личностного вмешательства в сложнейшее российское бытие.

После окончания средней школы А.А. Зиновьев служил в рядах Красной армии (1940—1946 годы), сражался на фронтах ВОВ. В 1946—1954 годы он — студент МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1955—1976 годы — сотрудник Института философии АН СССР, одновременно профессор МГУ, зав. кафедрой логики Московского университета. Получил признание как специалист в области логики и методологии науки. Его работы были переведены на иностранные языки и получили известность. В 1976 году, после публикации социологического романа *«Зияющие высоты»,* в котором гротескно обрисовал контуры тоталитарного общества, он был уволен из Института и Университета, лишен наград и степеней.

В 1978 году с семьей выслан из СССР и лишен советского гражданства. В период до 1999 года проживал в Германии, читал лекции в университетах Европы и Америки, выступал с публикациями во многих странах. Опубликовал свыше 30 книг, большинство которых были переведены на 20 языков мира и признаны бестселлерами. Отмечался многими литературными и научными премиями, был избран в ряд академий и научных обществ, включен в Римскую и Баварскую академии. В 1990 году восстановлен в советском гражданстве, ему возвращены степени и награды. В 1999 году вернулся с семьей в Москву и продолжил свою работу в нашем университете и других научных институтах России. Таковы вкратце биографические события А.А. Зиновьева.

Специалистами в разных областях, представителями широкой общественности отмечены как самобытные его философские, литературные и художественные работы.

Зиновьев А.А. признан замечательным художником-карикатуристом в плане философско-политической карикатуры.

Сегодня это известные факты, и мне бы хотелось обратить особое внимание на то обстоятельство, что А.А. Зиновьев предстает в нашем понимании как философ-событие, как философ, стремящийся воздействовать на корректировку национального бытия в сторону утверждения гуманизма и создания основополагающих условий для свободного развития личности. Трудно назвать другого отечественного философа, кто бы в своей деятельности проявил последовательность в утверждении своих идей. Уточню образным примером: любой философ, в том числе российский, по своей природе является диссидентом и, как правило, бывает непонятым и окружением, и общественностью. В такой ситуации оказался и А.А. Зиновьев. Но в его диссидентстве проявилась замечательная плодотворная идея: он всегда возвращался к выдвинутому тезису, пересматривал его и стремился внести философскую поправку на уточнение, на специфику развития советского общества. Особенно красноречиво говорят его работы и заявления последнего периода жизни. В этих работах он пришел к утверждению мысли, что Россия, испытавшая масштабные политические и социальные потрясения, заявляет о себе, как особо значимый феномен человеческой цивилизации. Это, на мой взгляд, является актуальным философским завещанием А.А. Зиновьева. Мне думается, что участники сегодняшней конференции в той или иной степени не обойдут стороной эти вопросы и, разумеется, со своих позиций постараются ответить на них.

Мне посчастливилось некоторое время работать с ним рядом, как-то участвовать в его судьбе по возвращении на родину. И главное, что навсегда останется в моей памяти, — я имел возможность беседовать с ним по разным поводам и без поводов, даже незадолго до смерти. И для меня эти беседы остаются наиболее ценными воспоминаниями, ибо Александр Александрович был блестящим собеседником, о чем бы он ни говорил, будь то воспоминания, или зарисовки из нашего времени. Сегодня можно лишь сожалеть, что этих бесед было так мало.

Главное достоинство Александра Александровича, — что он был настоящим гражданином не только, так сказать, на уровне смысла текстов, что может прочитать каждый, но и на уровне поступков, что позволяет, как я уже говорил

однажды, называть все, что он делал в своей жизни, зиновьевской философией поступка. Часто именно по поступкам мы можем реконструировать философские взгляды мыслителя, может быть, даже более адекватно, чем только по теоретическим рассуждениям. Попробую это проиллюстрировать на ряде примеров, которые я, наверное, уже приводил в другом контексте, но которые справедливы.

Философы достаточно давно обратили внимание на то, что масштаб личности может влиять на время, в которое эта личность оказалось помещена. Это лишь в физике время представляет собой некую абсолютную длительность. Вполне реально для каждого человека субъективное переживание времени, которое способно за счет скорости и количества восприятия информации как бы сжимать время внутри восприятий субъекта. Время, таким образом, можно как сжать, так и ускорить на уровне восприятия, заставив реальное физическое время замедляться или убыстряться. Таким образом, время может иметь личностные характеристики, личностное измерение, оно может реально управляться личностью. Это наглядно видно по жизни выдающихся людей, жизнь которых не просто складывается из некой совокупности событий, но конструируется ими. Действительно, описывая время физическими характеристиками, мы лишь складываем секунды в минуты, минуты в часы, часы в сутки, а сутки в годы, получая в результате искомые годы жизни конкретного человека. Но когда мы начинаем все эти характеристики наполнять событиями, составляющими ипостаси личности (ведь именно события, а не физические характеристики переживает человек), то перед нами раскрывается иное время, время событийное, которое далеко превосходит количество обычных прожитых лет. Перед нами раскрывается своеобразная личностная бесконечность, некий собственный внутренний космос событий, который не может быть умещен в обычные пространственно-временные характеристики. Не случайно про таких людей мы говорим, что они пережили несколько жизней, ибо слишком велика совокупность огромного числа событий для обыденного разума и стандартного человека. Таким образом, человек способен через сознательное наполнение своей жизни событиями стать демиургом собственной жизни, которую никто не может помешать конструировать согласно некоторому внутреннему плану. А в зависимости от масштаба личности, такое бытийное конструирование может стать конструированием реального мира и общества. Эта установка мыслителей эпохи Возрождения, например Данте Алигьери, сконструировавшего для нас образ ада, который вошел в европейскую культуру, став культурной данностью, безусловно, присутствовала и в творчестве Зиновьева, создавшего образы культурной данности нашего общества.

Уверен, что наша конференция позволит расширить диапазон осмысления творческого наследия А.А. Зиновьева.

В.В. МИРОНОВ,
член-корреспондент РАН,
декан философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Философия поступка

Одной из важнейших особенностей философии выступает широкий исходный квазиэмпирический базис, на который она опирается в поисках сущности бытия и мира. Философская рефлексия необходимым образом должна опираться на развивающиеся данные о мире, которые достигаются научным мышлением и наукой. Но одновременно философия является такой формой сознания, которая опирается и на иные способы и методы постижения бытия, которые не сводимы к рациональной рефлексии над миром. Поэтому, например, искусство или религия не менее важны для понимания мира, чем научные изыскания. И это понятно, ибо сам человек как познавательное существо, как индивид является носителем не некого абстрактного мировоззрения, легко относимого в теоретических рассуждениях к тому или иному типу, а существом живым, живущим, а значит, переживающим как свое собственное бытие, так и бытие окружающих его людей. Субъективное переживание человеком мира, событий, бытия в целом для него более важный компонент, который может повлиять на его реальные индивидуальные действия и поступки. Это лежит в основе важнейшего компонента этики — сопереживания, что часто становится основой жертвования человека собственной жизнью ради другого человека, других людей и ради идеи как таковой, которая может способствовать улучшению общественного состояния.

Философия как форма сознания не просто опирается на анализ таких этических форм взаимоотношения индивида с миром, но и сама часто реализуется как, прежде всего, личностная форма сознания, перетекающая в форму личностного поступка в реальной жизни, будь то форма философского эпатажа или форма жертвенного подвига. Таким образом, рефлексивная (теоретически отстраненная для внешнего наблюдателя) позиция философа часто совпадает с его жизненными установками и поведением в обществе. Анализ таких ситуаций, когда теоретические рассуждения и практическое поведение находятся в гармоничном единстве, представляет собой особый интерес, позволяя говорить о своеобразной философии поступка. В истории человеческой культуры можно найти достаточно много примеров реализации философии поступка. Это и Диоген, эпатирующий общественное мнение, и Сократ, жертвующий собственной жизнью ради идеи признаваемого им как высшего общественного устройства, и А. Швейцер с внешне далекой от жизни этической программой «благоговения перед жизнью».

Для последнего философия вообще не имеет смысла, если она не дополняется деятельностным импульсом, который выступает в качестве стимула поведения отдельного человека. Практическая деятельность философа, как считал Швейцер, заключается в сострадании и реальной помощи другим людям, особенно тем из них, которые по тем или иным причинам оказались как бы изолированными

от общества. В этом смысле человек был для него не абстрактным субъектом, а конкретным существом, заслуживающим деятельной любви и сострадания. Вот его жизненное и философское кредо: «В человечестве всегда живет стремление к идеалу. Но лишь малая часть этого стремления открыто проявляется в действии... Удел многих — это более или менее бездушный труд, которым они зарабатывают на жизнь и удовлетворяют потребности общества, но в котором они не могут или почти не могут проявить своих человеческих качеств, ибо этот труд требует от них немногим более, чем быть хорошими человеческими машинами. Но нет человека, которому бы не представился случай отдать себя людям и проявить тем самым свою человеческую сущность. Спасти свою жизнь вопреки условиям своей профессиональной жизни может всякий, кто использует любую возможность быть человеком, делая что-нибудь лично для своих братьев, которые нуждаются в помощи, какой бы скромной ни была его деятельность. Такой человек поступает на службу духовности и добру...»[1]

В рамках тоталитарной системы поступок отдельного человека принято рассматривать как следствие неких общих государственных детерминант. Подвигом считается выполнение, прежде всего, своего общегосударственного долга, и, напротив, любое отклонение от этого трактуется как проступок или даже преступление. Совершение поступка, исходящего из личных мотивов (если они каким-то образом не совпадают с общими установками) рассматривается чаще всего как случайность, не имеющая этического будущего и в большинстве случаев нарушающая исходные идеологические принципы. Такие индивидуальные поступки в лучшем случае квалифицировались тоталитарной пропагандой как идеалистический гуманизм, отвлекающий человека от реальных дел и не воздействующий на общество в целом. Однако история, которая, по известному выражению, не столько учит, сколько каждый раз наказывает, все время демонстрирует нам, что именно на таких людях держится мир, что именно активная жизненная позиция может приобретать характер общечеловеческой ценности и иметь огромное влияние на развитие общества.

Философия становится связующим звеном культуры, когда вырабатываемые ею теоретические принципы реализуются в активной жизненной позиции провозглашающего их человека. Это своеобразная, по выражению Бахтина, «философия поступка». Она не является лишь чистым умозрением в духе знаменитого требования Спинозы, предъявляемого к деятельности философа: «Не плакать, не смеяться, но понимать». В этом случае философия остается незавершенной и даже дисгармонирующей как с реальным миром, так и с внутренним миром отдельного человека. Поступок, за которым стоит собственное понимание мира, превращает теоретическую рефлексию в факт мирового бытия, тем более значимый, чем более сознательным и ответственным этот поступок является. Такой поступок, согласованный с философскими убеждениями, в наибольшей степени убедителен для других людей и не требует дополнительных обоснований. И вот в ряду таких философов стоит Александр Александрович Зиновьев, профессор философского факультета Московского университета, значение мыслей и работ которого мы начинаем по-настоящему оценивать, может быть, только сегодня.

Открывая данную конференцию, я имею некоторую льготу самовыражения, так как могу быть в меньшей степени связан с логикой научного дискурса, что

[1] Цит. по: *Зазюкин И.* Смена. 2001. № 5.

позволяет более свободно соединять в своих размышлениях теоретические соображения с теми образами, которые навеивает масштаб личности Александра Александровича. В творчестве Зиновьева были тесно переплетены моменты рационально-теоретического познания бытия и ценностно-эмоционального, глубоко личностного постижения мира, что и составляет сущность философии как таковой. Будучи ученым и поэтом, логиком и художником, он очень глубоко понимал внутреннюю гармонию мира, то есть был философом в истинном значении этого слова.

Традиционно, как это часто бывает на уровне обыденного восприятия, Зиновьева воспринимают слишком фрагментарно, то по его чисто логическим трудам, то по его философским произведениям, то по публицистической части его творчества, то по информационно-смысловым кругам, расходящимся вокруг его имени. Это порождает удивительный феномен, когда его знают почти все, но понимают совсем немногие. Но это также достаточно типичная ситуация для философской личности, для философа, который выражает себя в своих идеях и поступках, часто вовсе не рассчитывая на мгновенное понимание. Философ, выражая в своих идеях самого себя, рассчитывает, прежде всего, на тех, кто способен его понять. Это по-своему трагическая ситуация для любого крупного мыслителя, ибо истинность понимания, как и истина вообще, не определяется количеством поддерживающих ее людей. Философ может говорить от имени истины, которая также случается, может так и не стать доступной другим людям. Непонятный большинству становится не принимаемым этим большинством, особенно при жизни, как это было с Зиновьевым. Но одновременно такое «непонимание» — это состояние мыслительного хаоса, здоровой неопределенности смысла, внутри которого могут вызревать не только векторы прямого понимания, но и бесконечные возможности смысловых интерпретаций.

Зиновьев достаточно тяжело раскрывался собеседнику. Его мысли и поставленные им проблемы, его предлагаемые варианты решений часто носили провокативный характер. Это был своеобразный диалог-провокация, заведомо вызывающий на споры и несогласия, причем в рамках созданного смыслового пространства. Для того, чтобы с ним беседовать, а уж тем более спорить, вы должны были потрудиться и освоить соответствующую систему понятий. За внешней метафоричностью и необычностью терминов («человейник» или «западнизм»), которые для ведения диалога надо было сначала принять как условие дальнейшего раскрытия смысла зиновьевской философии, стояло достаточно строгое логико-социологическое обоснование. Провокативная форма диалога встречается в философии не так уж часто и представляет собой форму, весьма раздражающую общественное сознание как это было в случае с Сократом. Человек, выбирающий такую диалоговую конструкцию, должен был понимать о последствиях со стороны раздраженного общества и сознательно идти на это.

Смелость человека, осознающего свой долг гражданина не как слепо выполняющего некие установки, в том числе и идеологические, а, напротив, критически относящегося к ним, можно обнаружить в текстах философа. Но поступки его как гражданина своей страны позволяют говорить о той самой философии поступка, так называемой «зиновьевской философии поступка». Наряду с тем теоретическим базисом, который оставляет нам тот или иной мыслитель, мы можем ре-

конструировать (дополнить и уточнить) философские взгляды, может быть, даже более адекватно, чем если бы это были лишь только теоретические рассуждения. Попробую это проиллюстрировать на ряде примеров, которые, наверное, я уже приводил в том или ином контексте, но которые справедливы и могут стать предметом обсуждения, в том числе и на нашей конференции.

Философ Зиновьев стоял не на классической позиции мыслителя-онтолога, соотнося наши мысли по их соответствию бытию, а занимал, говоря философским языком, позицию экзистенциально-антропологическую, рассматривая Человека как особую структуру бытия, которая способна и должна переконструировать бытие согласно выработанным мышлением человека представлениям. И в этом смысле человек действительно мог выступать абсолютным Демиургом истории и самого себя. Как писал Зиновьев, «Если ты бессилен изменить реально общество в соответствии со своими идеалами, изменись сам <...>, построй в себе самом это идеальное общество, создай из самого себя идеального человека, как ты его себе представляешь. Наверняка, найдутся и другие люди, которые пойдут тем же путем, что и я. Я одиночка. Но общество с необходимостью порождает таких, как я, регулярно... Со временем их будет много, и они своим примером изменят жизнь гораздо радикальнее, чем все реформаторы, вместе взятые...

Я мог создать свое государство в границах возможностей, имевшихся в моем распоряжении. Я решил создавать его не как экономическое или политическое, а как социальное явление, т.е. в самих основах общества»[1]. Удивительная мысль. Не должно быть отчаяния от того, что общество не выстраивается в данный момент в данной точке земного шара, построй его в самом себе, создай свой Микрокосм. И Зиновьев последовательно выстраивал этот Микрокосм для себя, невзирая на внешние преграды и препятствия, так же как и на соблазны. Это была его, как обозначил одну из своих работ, *«Формула жизни»,* которая звучит следующим образом: «Я есть суверенное государство». Человек должен начинать изменения с самого себя. Это трудно понять, особенно современникам, для этого, отмечал философ, «нужно историческое терпение». Человек всегда может оставаться свободным внутри себя. Это он лично принимает решение предать и продать, или спасти и пожертвовать собой. Человек есть, прежде всего, внутренний мир, выстроенный по собственным нравственным законам.

Зиновьев следовал этой внутренней установке всю жизнь, которая была даже излишне богата событиями и угрозами, как бы проверяя данные установки на прочность. Это и 1939 год, время не самой комфортной жизни для большинства людей в нашей стране, когда чувство страха заставляло людей замыкаться в себе ради собственного спасения. Факты его биографии, как я уже говорил в одном из интервью после его смерти, могут составить сценарий для захватывающего триллера. Выйдя из простой рабоче-крестьянской семьи, он поступает в легендарный МИФЛИ. Впереди возможности блестящей карьеры, но бегать в стаде он не хотел. За антисталинские выступления он исключается из МИФЛИ, из комсомола и арестовывается. Далее он осуществляет побег, уходит служить в армию, служит до 46-го года, закончив войну в чине капитана штурмовой авиации, пройдя путь от сержанта до офицера, имеет ряд боевых наград. И все это время над ним висит тень КГБ.

[1] *Зиновьев А.Л.* Формула жизни // Феномен Зиновьева. М. 2002. С. 17.

Казалось бы, жизнь уже научила его и предоставила еще один шанс стать «стандартным» человеком, вписавшись в принятые стереотипы поведения, более того, занимать здесь высокое место. Но внутренний мир, его Микрокосм не хотел мириться с реалиями внешнего мира. В 1945 году он пишет сатирическое стихотворение *«Тост»* по поводу речи Сталина в 1945 году, в котором говорит о противоречивости и долготерпении русского народа, прежде всего, к своим правителям. Его завершают такие строки:

Он усы утер.
Никакая вина
Не мрачила
Его
Лица.
Ликованием вмиг
Переполнился зал...
А истерзанный
русский народ,
Умиления слезы
с восторгом глотал,
Все грехи Ему
Отпустив
вперед.

Гениальность поэта заключается не просто в нахождении рифмы событиям. Это не сложная задача. Необходимо, оттолкнувшись от ситуаций, найти типическое, характерное для более широкого класса явление. Думаю, что приведенные строки полностью отвечают этим критериям, характеризуя не только прошлое русского народа и не только его настоящее, но, по-видимому, и будущее, как судьбу России, и сегодня умиляющуюся властью. А уж в 1945 году за такое стихотворение можно было быть не только арестованным... С 1946 по 1954 год — Зиновьев студент и аспирант философского факультета МГУ. С 1955 по 1976 год — сотрудник Института философии, профессор МГУ и заведующий кафедрой логики.

В это время он чрезвычайно много публикуется и становится известным логиком не только в стране, но и за рубежом, специалистом в области многозначной логики и логики научного познания. Я просмотрел журналы «Вопросы философии» за все эти годы — Зиновьев там был одним из самых постоянных авторов. Он настоящий учитель, у которого масса учеников. Согласитесь, приличная академическая карьера, создание собственной научной школы — блестящие перспективы. Имя Зиновьева звучит в ряду крупнейших логиков мира. Однако Зиновьев продолжает конструировать собственный внутренний мир, который вновь и вновь вступает в противоречие с миром внешним. В 1976 году на Западе публикуются его *«Зияющие высоты».* Зиновьева увольняют со всех постов, лишают всех наград, степеней и званий. В 1978 году его лишают советского гражданства и изгоняют из страны, даже квартиру отбирают. Думаю, что не было ни одного человека в моем поколении, который не читал бы этот роман или не слушал его чтение по западным радиостанциям.

Его судьба на Западе складывается не просто. С одной стороны, всеобщее признание литературных и научных заслуг, награждение самыми престижными пре-

миями, приглашения в академии и научные общества. Но вновь внутренний мир оказывается в противоречии с внешними обстоятельствами. Он вспоминал в беседах, какое огромное количество людей пришло на его первую лекцию, ожидая услышать критику Советского Союза, а он неожиданно для всех начал говорить о проблемах логики.

Он оказался слишком самобытным и не вписывающимся в стереотипы западного образа мышления и диссидентского сознания, которое также выстраивалось в некую фиксированную систему необходимых признаний и отрицаний. Он не стал, как это сделали многие диссиденты того времени, безудержно восхвалять западную демократию, а напротив, критиковал ее. Он обозначает западный мир, на который буквально молилась и продолжает молиться либеральная часть интеллигенции, как особое явление — «западнизм», видя лишь поверхностные преимущества этого общества. Это особое социобиологическое образование, то есть совокупность социальных свойств (демократия, рынок, приватизация) и сформировавшихся в этих условиях свойств личности, сориентированных прежде всего на прагматизм, расчётливость и деловитость, ставших высшими ценностями и общества, и индивида. «Западнизм» это не просто остроумная фраза, не просто сатира и язвительность, но понятие, отразившее сущность современной ситуации в обществе, смешавшем в одно целое индивидуальные интересы предпринимателей и олигархов с интересами массы населения. Это странный синтез капитализма, основанного на индивидуальности и демократии, основанной на воле масс.

Нет возможности подробно разбирать представленную Зиновьевым социологическую теорию, но отметим лишь некоторые очень актуальные научные гипотезы и предостережения. Западнизм необходимым образом порождает сверхэкономику, что фактически означает создание нового типа империй. Назову в связи с этим лишь книгу Майкла Хардта и Антонио Негри, которая так и называется — *«Империя»* и целый ряд работ А.С. Панарина, работавшего в этой плоскости. Сверхэкономика ведет, что фактически предсказывал Зиновьев, но несколько иными словами, к однополярному миру, который сегодня критикуют все, кому не лень. Это в свою очередь порождает необходимость сверхгосударства именно как аппарата насилия.

Зиновьев как социолог дает блестящее описание структуры сверхгосударства, которое, помноженное на логику его рассуждений и метафоричность его поэтического дара, рисует четкую и запоминающуюся картину такого государства, часто скрытую или тщательно скрываемую от населения.

Прежде всего, поскольку необходимость насилия в управлении трудно совместима с декларируемой демократией, создаются неконституционные химеры различного рода структур внутреннего управления и контроля, выступающих как некая внутренняя власть. Они часто оформляются подзаконными актами, внешне не противоречащими демократическим устоям и рекламирующие себя как средства, упорядочивающие функционирование системы.

Такая внутренняя власть, пишет Зиновьев, «не конституируется формально, т.е. как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти... К ним при-

мыкает и частично входит в их число околоправительственное множество людей, состоящее из представителей частных интересов, лоббистов, мафизионых групп, личных друзей и т.п. Это „кухня власти"»[1], продуцирующая идеологию государства. Она опирается на систему «секретных» учреждений, которые обеспечивают функционирование государственной власти. Третью линию государственной иерархии образуют совокупности людей, которые активно поддерживают власть, занимая самые различные, но обязательно высокие социальные позиции: от актеров и профессоров, адвокатов и священников, до олигархов. «По своему положению, по подлежащим их контролю ресурсам, по их статусу и богатству, по известности, по популярности и т.п. эти личности являются наиболее влиятельными в обществе»[2].

И наконец, международные структуры сверхгосударственности, которые, как на официальном уровне, в рамках различных организаций и союзов, так и на неофициальном уровне (типа «встреч без галстуков»), обеспечивают почти семейный контроль над миром, разделяя сферы влияния между собой. «Система сверхгосударственности не содержит в себе ни крупицы демократической власти»[3].

Опасность западнизма в том, что он необходимым образом включает в орбиту своих интересов другие страны, отводя им определенную роль то ли источника рабочей силы, то ли источника сырьевых ресурсов, обеспечивая за счет согласия на эту роль «комфортность» существования конкретного государства, или, напротив, в случае несогласия — сложность выживания. Перед нами новый тип колониализма.

Таков был зиновьевский взгляд на западное общество. Не восторженное преклонение перед ним, как ожидаемая многими плата за политическое убежище, часто сопрягаемая с выливанием помоев на свою Родину, что могло бы, наверное, дать и дополнительные индивидуальные блага, а неожиданный ракурс и на сам Запад, а главное, на свою страну с западной стороны. Он говорит 0 ценностях России, русского народа и о тех непреходящих ценностях и приобретениях, которые были достигнуты в стране в советский период. Это стало неожиданным для многих, ибо искренность рассуждений человека в условиях, когда власть данной страны обошлась с ним так жестоко, становилась непререкаемой и подлинной, а значит, опиралась на истинное положение дел, то есть на Истину. Для возникшего уже тогда диссидентского «начальства», это было еще страшнее, ибо разрушала сложившиеся мифы о диссидентстве как едином движении, выражающем интересы всего народа России. Оказалось, что человек может критиковать Родину за те недостатки, которые там есть, но одновременно и искренне любить ее. Все это приводит его и к столкновению с диссидентским «начальством», которое требует определенного стереотипа поведения. Он с регулярностью выгоняет в буквальном смысле из своего немецкого дома псевдодемократов-журналистов, которые пытаются использовать его как идеологического союзника. Зиновьев слишком самобытен и самостоятелен, его не

[1] *Зиновьев А.Л.* Западнизм // Феномен Зиновьева. М. 2002. С. 238.

[2] Там же. С. 239.

[3] Там же.

может использовать никто. Именно в этот момент в наибольшей степени становится ясным патриотизм Александра Александровича, связанный с болью и переживанием судеб России, русского народа. В результате, оказавшись среди диссидентов после высылки в 1987 году, он стал диссидентом среди них. Это поступок сильной личности и мыслителя, для которого внутренние устои важнее внешних форм и обстоятельств.

И, наконец, следующий виток судьбы, в котором нам с А.А. Гуссейновым и, конечно, Ольгой Мироновной удалось в какой-то мере поучаствовать. Зиновьев возвращается на Родину и приходит в Московский университет на наш факультет. Это удивительно. Я уж не знаю, принес ли кто-нибудь извинения Александру Александровичу в момент его возвращения на Родину со стороны властей. Вряд ли. Да и вряд ли он принял бы такие извинения от власти, ибо всегда дистанцировался от нее. Ректор Московского университета Виктор Антонович Садовничий в мягкой форме попытался это сделать за университет, который когда-то потерял своего профессора и тем самым за страну, хотя, наверное, университет в этом был виноват менее чем кто-либо. И Александр Александрович мгновенно среагировал на это ответными словами, что Московский университет не сделал для него ничего плохого, и он будет счастлив работать в нем. В связи с этим нельзя не отметить гражданскую позицию ректора, для которого критерием университетского профессора выступают академические заслуги человека в фундаментальной науке, талант преподавателя и преданность университету. Именно по этим критериям А.А. Зиновьев должен был вновь стать профессором МГУ и стал им, несмотря на «предостережения», которые высказывались недоброжелателями.

И в этот период судьба Зиновьева складывалась не просто. Бурные встречи, попытки привлечь в псевдодемократическое движение в стране. Затем «разочарование» в том, что Зиновьев не такой как все, что большинство ценностей такой демократии он не признает. Конечно, травле такую фигуру подвергнуть уже невозможно, но мелких наскоков хватало. А Зиновьев продолжал строить собственный идеальный внутренний мир, рассказывая об этом нам и, наверное, надеясь в душе, что количество людей его поддерживающих будет возрастать. И опять парадоксальный виток судьбы. Александр Александрович Зиновьев, так не любивший сам термин «диссидент», всегда противящийся тому, что его самого называли диссидентом — вновь диссидент по сути, как человек инакомыслящий, не любивший и не могущий поступать как все. Он выстроил для себя собственную философию и собственно миропонимание, которое он назвал формулой жизни. В ее основе лежала простая мысль: «я есть суверенное государство», и никто не вправе в него вмешаться. И эту собственную религию он исповедовал до конца жизни.

Александр Александрович мужественно переносил свою болезнь, в том числе и благодаря помощи своей замечательной жены Ольги Мироновны. Я был в гостях у Александра Александровича незадолго до его смерти, мы беседовали, пили чай. Ольга Мироновна показывала замечательную картину, которую для того, чтобы сохранить, были вынуждены разрезать, и она в таком виде висит у них в квартире, как бы разделяя жизнь автора на две половины. Он уже быстро уставал и в какой-то момент попросил извинения, сказав, что должен немного

отдохнуть, уйдя в другую комнату. Все это проходило настолько мягко и интеллигентно, чтобы не обидеть гостя, освободив его от переживаний за собственные страдания.

Александр Александрович Зиновьев, как истинный философ, не боялся смерти, понимая, что она неизбежна. Но для него центральной была идея самодостаточности личности, перед лицом кого угодно, в том числе и Бога, если таковой есть. Ему была присуща гордость за самого себя как личность, и это состояние задолго до смерти он описал в своей *«Предсмертной молитве»:*

Сейчас настанет твой конец.
И распадутся жизни звенья.
И неспособен сам Творец
Остановить времен теченье.
В лицо Небесному Царю
Скажи такое многократно:
Что жизнь мне дал — благодарю,
Вдвойне — что взял ее обратно.

Э.-Й. фон ШТУДНИТЦ,
посол ФРГ в России,
председатель Правления
Германо-Российского форума

Особенности российско-германских отношений: вклад в Европу

Выступать с речью на Международной конференции в честь великого русского философа, писателя и ученого Александра Зиновьева — огромная честь для меня. Я хотел бы поблагодарить организаторов этого почтенного собрания за то, что они включили меня в число тех, кому доверено отдать дань уважения выдающимся достижениям Александра Зиновьева. Будучи немецким участником конференции, я чувствую на себе особенную ответственность за то, чтобы отдать должное человеку, которому пришлось покинуть родную страну в 1978 году и прожить 21 год в Мюнхене, а затем вернуться на родину в 1999 году, чтобы провести последние семь лет жизни в России. Когда в эпоху Брежнева советская власть выслала его из страны, он был уважаемым профессором, находился на пике своей академической карьеры и преподавал в самом престижном российском университете — МГУ. И хотя он уже успел стать к тому моменту известным писателем, начинать жизнь заново человеку его возраста было однозначно нелегко.

Количество книг, опубликованных им за эти годы, и всеобщее признание, выраженное в виде полученных премий самого высокого класса, — лучшее свидетельство того, что его творчеству ничто не помешало. Скорее, наоборот. Возможно, что успех, которого он добился, был возможен только благодаря сложнейшим задачам, которые ставила перед ним жизнь в изгнании. Александр Зиновьев как творческая личность не был стеснен ни одним из обстоятельств жизни в условиях западной свободы. Само собой разумеется, что он оставался в высшей степени независимой личностью, отказавшись присоединиться к хору западных антикоммунистов и их нападкам на Советский Союз, который Зиновьев продолжал считать своей родиной. Он оставался верен России всю свою жизнь, каким бы ни был режим, как при коммунистах, так и в постсоветский период (при Ельцине и Путине). Вся его критика была направлена на те вещи, которые он считал чужеродными для истинно русского человека. Убежденному западнику-немцу столь непоколебимую преданность своей стране понять довольно тяжело. Роковая история Германии в 20-м столетии научила нас, немцев, думать о нашей стране и об ее людях более критично и сдержанно. Поскольку две вышеупомянутые позиции полярно противоположны друг другу и довольно неохотно складываются в единую систему, мне кажется, что было бы в высшей степени полезно рассмотреть ряд аспектов российско-германских отношений поближе, учитывая то, что они уникальны, если рассматривать их в контексте отношений России с другими европейскими странами. Приглядевшись в этой связи к двум поистине европей-

ским народам, каждый из которых обладает своими неповторимыми чертами, мы увидим, что плоды их отношений обладают огромной ценностью для всего сообщества европейских народов. Я говорю это, полностью осознавая всю глубину критики, которой Александр Зиновьев подвергал западные ценности и взгляды, поскольку я убежден, что Германия и Россия, Россия и Запад не должны укореняться во взаимном ощущении отчужденности — им следует рассматривать сложившуюся ситуацию как стимул к новым поискам взаимопонимания. Осознание наличия совместных достижений в прошлом и стремление к решению задач будущего вместе — вот залог благополучия всей Европы.

Нынешние отношения между Россией и ее западными соседями сильно усложнились в 2008 году. Война в Грузии и разногласия, обусловленные возможностью вступления Грузии и Украины в НАТО, изрядно подорвали доверие к России. Как заявил президент Медведев, Россия находится в поиске новой модели безопасности Европы, предполагамой создание новой службы безопасности, которая будет обладать безусловным авторитетом в Европе, включив в себя существующие международные институты (такие, как НАТО и Евросоюз). Создание новой структуры такого рода обеспечило бы России право голоса в решении всех проблем, касающихся безопасности Европы, на основе принципа консенсуса, действующего в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая, как считает Россия, является на сегодняшний день практически нежизнеспособной; данный принцип основывается на Хельсинкской Декларации 1975 года и позволил бы России обезопасить себя от принятия любых решений не в ее пользу. Данная идея рождает массу сомнений в головах жителей Западной Европы. В общем понятно, что европейская система безопасности в XXI веке не может быть организована таким образом, чтобы рассматривать Россию как враждебную сторону, и требует участия россиян. И все же Западу сложно сотрудничать со страной, ведущей столь откровенно националистическую внешнюю политику. Данная проблема не касается взаимоотношений между Россией и Германией, поскольку все вопросы, связанные с последствиями Второй мировой войны и режимами, существовавшими после ее окончания, были решены в 1990-м году (за исключением проблемы захваченных в качестве трофеев памятников культуры). Тем не менее территории, входившие ранее в состав Советского Союза (такие, как страны Прибалтики), или же в советскую сферу влияния (например, Польша), отказываются принимать систему безопасности, которая может вернуть бывшим вершителям их судеб право распоряжаться их жизнью. Они предпочитают доверить свой покой Соединенным Штатам и американской системе безопасности, известной, как НАТО. Чем дальше Украина и Грузия пытаются уйти от российской системы управления с ее жесткой вертикалью централизованной власти, тем привлекательнее становится для них возможность вступления в НАТО. Естественно, что Россия будет всячески этому сопротивляться. Исторически сложилось так, что эмоции, связывающие ее с этими странами как бывшими советскими республиками, настолько сильны, что их желание вступить в НАТО расценивается Россией, как враждебность по отношению к ней самой.

Россия желает влиять на события в Европе в той же степени, в которой на них влияют Соединенные Штаты благодаря посредничеству НАТО — организации,

являющейся высшей инстанцией в вопросах европейской безопасности. Сложно представить себе, что США будут настроены разделить эту власть с любой другой державой. Ключевую роль в процессе выхода из этой патовой ситуации может сыграть процесс взаимного урегулирования разногласий между Россией и Западом, который займет много времени. И здесь может пригодиться опыт российско-германских отношений.

Крепче всего Россию и Германию связывает вековая культурная традиция. Знаменательно то, что несмотря на чудовищные бесчинства, некогда совершенные этими странами в отношении друг друга (в частности, во время Второй мировой войны), ничто не смогло повлиять на взаимное уважение к культуре оппонента. Любой образованный россиянин знает о том, какую роль сыграли немцы в развитии российской науки, музыки, философии и системы образования. Ограничусь лишь несколькими основными именами. Всем известно что Ломоносов, основатель Московского Университета, получил высшее образование в Германии. Лейбница, основателя Российской Академии Наук, помнят так же хорошо, как математика Эйлера или великого ученого Александра фон Гумбольдта, отца русской геологии — дисциплины, крайне важной для столь богатой энергоносителями страны. Что касается философии, то помимо Карла Маркса и его исторического влияния на российскую политическую мысль в двадцатом веке, были еще Гегель и Кант — свидетели самых близких связей между двумя державами. Можно назвать еще много имен. Позвольте мне добавить только то, что немецкая музыка, написанная такими великими композиторами как Бах, Моцарт, Бетховен и Брамс является для русских практически родной — настолько велико влияние Германии на музыкальную жизнь России. Стоит только кинуть один взгляд на весьма впечатляющую галерею портретов наиболее выдающихся композиторов в Большом зале Московской Консерватории. Большинство из них были немцами, что не помешало им стать частью культурного наследия России. Что же касается немецких поэтов, то статусом самой известной исторической фигуры, происходящей из Германии, пользуется Гете; однако, он разделил первое место с Гитлером, и это свидетельствует о том, что зверства Второй мировой забыть невозможно. Генрих Гейне, возможно, лучше знаком русским, чем даже самим немцам. Шиллер относится к числу самых популярных драматургов в России, а такие писатели XX века, как Томас Манн, Генрих Бёлль и Гюнтер Грасс, известны и любимы ничуть не меньше, чем в Германии.

С другой стороны, мы видим не менее впечатляющую картину. Русская литература очень сильно повлияла на мировую литературу в целом, и немецкие читатели не являются исключением. Великие русские писатели XIX и XX столетия наложили огромный отпечаток на мировую (и, в частности, немецкую) культуру и философию. В первую очередь следует назвать таких титанов, как Толстой и Достоевский. Сложно дать достаточно высокую оценку тому колоссальному влиянию, которое они оказали на немецкий образ мышления. В XX веке похожую роль сыграли такие авторы, как Пастернак и Солженицын. Антон Чехов считается одним из самых популярных в Германии драматургов — он буквально вездесущ на немецких театральных подмостках. Возможно, русскому уху будет не очень радостно слышать, что Пушкин, любимый поэт всего русского народа,

не так популярен в Германии, как в России. Многие пытались дать этому объяснение, — возможно, все дело в сложности его стихов и в невозможности сделать достаточно близкий по духу перевод, благодаря которому Александр Сергеевич стал бы так же дорог немецкому сердцу, как и русскому. Но в отношении русской литературы в целом следует отметить ту огромную роль, которую она играла в жизни германских писателей и художников, начиная с конца XIX века. Работы Эрнста Барлаха, Кэте Кольвиц и поэта Райнера Мария Рильке обязаны культурному влиянию России высотой полёта вдохновения их создателей. Русская музыка является частью культуры Германии в той же степени, в которой музыка немецких композиторов является частью культуры России. Это прежде всего произведения великих российских композиторов XIX (Чайковский, Мусоргский и Римский-Корсаков) и XX (Прокофьев, Шостакович и Альфред Шнитке) столетий. Даже произведения такого современного композитора, как Софья Губайдулина регулярно звучат в концертных залах Германии. В последнее время, появилась традиция исполнять русские оперы на русском языке (благодаря появившейся возможности задействования российских вокалистов).

В сфере изобразительного искусства взаимное влияние всегда было крайне интенсивным. Многие знаменитые российские художники подолгу жили в Германии, и некоторые из них (например, Кандинский, Малевич, Явленский и Эль Лисицкий) почти что считались немецкими художниками, поскольку их влияние (особенно на художественное объединение «Баухауз» и близкие к нему круги в 20-е годы XX века) было огромным. Знаменитая выставка 1995-го года «Берлин-Москва» мастерски продемонстрировала этот симбиоз. И наоборот — данная выставка также показала, что новая германская архитектура очень сильно повлияла на Россию в 1920-е годы. Ведущие немецкие архитекторы этой эпохи построили в Советском Союзе целый ряд значимых архитектурных объектов.

После окончания Второй мировой войны раскол Европы в целом и Германии в частности, обусловленный холодной войной, являлся доминирующим фактором политической жизни данного континента. Германская Демократическая Республика была детищем Советского Союза, призванным укреплять его политические и военные позиции в центре Европы, и была неразрывно связана со странами социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Федеративная Республика Германии видела своей задачей возрождение германской государственности в Европе и была одним из ведущих членов Организации Североатлантического договора под предводительством США. В течение нескольких десятилетий отношения между Россией и Германией были весьма натянутыми и даже враждебными. Тем не менее, уже в 1955-м году, во время знаменитого визита Аденауэра в Москву, была предпринята первая попытка наладить дипломатические отношения, а также постепенно выстроить новую систему сотрудничества и сосуществования в Европе. Это стало возможным благодаря осознанию вековой общеевропейской истории. Хельсинкский процесс, который начался с политики разрядки в конце 60-х, увенчался подписанием Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году. Без ощущения исторической общности и, что более важно, общей ответственности за сохранение мира в Европе, этого бы просто не произошло. Знаменитая фраза Горбачева об общем европейском доме вполне соответство-

вала реальности — знаменательно то, что попытки повторить успех Хельсинкского Соглашения в Азии никогда не отличались особым реализмом как раз из-за отсутствия ощущения общности, которое сыграло столь важную роль в Европе. Подписание Хельсинкской Декларации было бы невозможным, если бы отношения между двумя Германиями не перешли от взаимной враждебности к стремлению сосуществовать мирно и наладить контакт друг с другом, чтобы сделать раздел страны менее тяжелым для населения обоих германских государств. Вкратце отмечу, что в отношениях между Южной и Северной Кореей ничего подобного, как правило, не практикуется.

Даже учитывая то, что внешне определяющими факторами казались политические, имели место заметные подводные течения, наличие которых я приписываю культурным связям между Западом и Советским Союзом, пробудившим в обеих сторонах желание превозмочь взаимную враждебность и разногласия, посеянные холодной войной. Это стало очевидным во время подъема волны энтузиазма по поводу падения коммунистического режима как в России, так и на Западе. Сегодня радость, которую мы испытали в августе 1991 года после краха антигорбачёвского путча, ставшего вестником демократических перемен в России, сменилась чувством утраты. Путин назвал развал Советского Союза величайшей геополитической катастрофой 20-го столетия. Александр Зиновьев придерживался аналогичной точки зрения. Будучи немцем и представителем Запада, я не в состоянии разделить ее.

Разница во взглядах на значимость периода коммунистического правления, как в Советском Союзе, так и в ряде стран Центральной и Восточной Европы, определяющих сегодняшнюю позицию России и Запада, кажется мне основным препятствием к построению общеевропейского дома. Я убежден, что необходимо приложить все усилия в первую очередь к тому, чтобы понять, почему российская оценка прошлого так сильно отличается от западной. Следующим шагом будет попытка достичь взаимопонимания, необходимого в качестве опоры новых интегрированных общеевропейских институтов, непохожих на нынешние. Их сновной задачей будет защита интересов всех европейских стран, включая Россию. Учитывая богатство и сложность исторических взаимоотношений между Россией и Германией, можно считать эти две страны лучшими кандидатами для совместного решения задачи определения — и, в конечном итоге, преодоления, или по крайней мере, принятия основных причин возникновения конфликтующих мировоззрений в прошлом.

Вкладом Германии в этот диатог будет результат нескольких десятилетий критического самоанализа и поисков ответа на вопрос, как народ, с гордостью называвший себя нацией поэтов и мыслителей, мог пасть так низко, чтобы с готовностью принять национал-социализм и фюрера Адольфа в качестве спасения от кризиса, в котором Германия оказалась после Первой Мировой войны. Как могло случиться так, что Германия развязала войну во всей Европе, как этот народ мог убить шесть миллионов евреев и оказаться повинным в смерти примерно 55 миллионов людей, ставших жертвами этой войны? Было сделано огромное количество попыток дать этому какое-то объяснение, но ни одна из них не выглядела до конца убедительной. Учитывая данную ситуацию, я хотел бы дать свой собственный ответ на этот вопрос, а также объяснить, почему я считаю необходимым и

крайне важным ответить на него лично. Здесь мы сталкиваемся с фундаментальным различием между русским и немецким образом мышления, и осознание его существования может принести немалую пользу, послужив первым шагом к поискам взаимопонимания. Основной вопрос таков: является ли движущей силой истории безличный и не поддающийся человеческому пониманию фатум, как писал Толстой в «Войне и мире», или же все-таки человек. Для человека, выросшего на немецкой философии, единственно возможным ответом будет тот, в котором говорится о значимости индивида. Если фатум всемогущ, о свободе человека не может идти и речи. Более того, предоставление столь широких полномочий фатуму не оставляет места для понятия личной ответственности. Разницу между этими двумя позициями можно сформулировать как выбор между одним из двух следующих утверждений: «права она или не права, — это моя страна» и «человек несет ответственность за свои поступки».

При наличии ужасающего прошлого существует огромный соблазн уйти от личной ответственности и обвинить в исторических преступлениях обстоятельства, человеческую слабость и всемогущество правящей элиты. Я вовсе не говорю о личном противостоянии государству и не заявляю, что нужно быть в оппозиции, чего бы то ни стоило. Было бы совершенно нереалистичным ожидать подобных действий от каждого. Героизм такого уровня может существовать только как результат свободного волеизъявления индивида, и никто не в праве требовать его от других. Но можно требовать, чтобы граждане действовали согласно своей совести. Характерный признак диктатуры помутнение гражданской совести. Как только она замолкает, становится возможным все что угодно. В обществе свободных людей осознание роли совести является ключевым законом и основой всех свобод.

Когда мы, немцы, рассматриваем жуткий исторический период власти нацистов, или когда русские оценивают сталинское прошлое, задача не в том, чтобы выносить суждения в отношении поступков людей той эпохи. Будучи христианами, мы знаем, что судить будет более высокая инстанция. Но как люди, живущие сегодня, мы обязаны задаться вопросом о том, в какой степени прошлое до сих пор присутствует в нашей жизни, и что делать с его влиянием. Единственно возможным мерилом здесь является наша совесть. Каждый должен задать себе вопрос: «как мне поступать в данной ситуации здесь и сейчас?» Насколько серьезной окажется задача, которую в итоге придется решать каждому человеку, будет зависеть от него самого и от его роли в обществе. Лица, находящиеся на государственной службе, имеют то преимущество, что их голос слышен многим и что они обладают определенными полномочиями, дающими им способность влиять на происходящее. Но помимо политиков, есть масса людей, находящихся в фокусе общественного внимания. На самом деле, ученые, академики, поэты и писатели способны достучаться до большего количества сердец, их услышат везде, и если их поступками будет руководить их личная совесть, то к ним будут прислушиваться, как к голосу совести общественной. В данном контексте на ум неизбежно приходят такие имена, как Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Дмитрий Лихачев и Александр Яковлев. Если говорить о столь же уважаемых немцах, ставших голосами общественной совести, то стоит упомянуть об уважении, с которым в послевоенной Германии относились к участникам

заговора против Гитлера. Мотивы, заставившие Аденауэра попытаться найти общий язык и наладить отношения с еврейским народом, а также речь, произнесенная президентом ФРГ Рихардом фон Вайцзекером по случаю сороковой годовщины поражения Германии в 1945-м году, до сих пор свежи в политической памяти Германии.

Урок, выученный немцами, заключается в том, что человеческое достоинство является наивысшим руководящим принципом как в личной, так и в общественной жизни. Человеческое достоинство заслуживает равного уважения в отношениях с другими странами и их представителями. Если у нас не всегда получается соответствовать этому стандарту, то следует расценивать это не как лицемерие, а как человеческую слабость. Не следует считать фарисейством попытки немцев (и европейцев в целом) ориентироваться на эти стандарты в оценке советского прошлого. Ничто не может оправдать гибель миллионов людей вследствие революции и приказов Сталина. Умалчивать и забывать об этом — преступление, совершаемое представителями нынешнего поколения в отношении жертв этих катаклизмов. Вот та точка, в которой живущие ныне могут оказать влияние на изменение этического баланса российской истории. Это болезненный процесс: и мы, немцы, знаем об этом по собственному опыту. Данный процесс становится ещё более болезненным, когда он сопровождается критикой из-за рубежа. Для меня это является объяснением того, почему Россия сегодня чувствует себя униженной и занимает оправдательную позицию. Однако это не решит проблемы. Наверное, было бы полезным поближе рассмотреть причины этой героизации советского прошлого. Для меня основной причиной является разочарование в недавних событиях постсоветской эпохи. Неоправдавшиеся ожидания того, что демократия поставит точку на социалистической экономике и быстро повысит всеобщее благосостояние, гнев, вызванный разгулом необузданного капитализма, за счет которого отдельные лица безмерно обогатились в то время, как большая часть общества стала еще менее обеспеченной, чем в советское время, отсутствием закона и порядка в жизни граждан, установление которого было, в общем-то, одной из функций репрессивной советской системы, исчезновением того уважительного отношения со стороны мирового сообщества, которым Советский Союз пользовался в годы Холодной войны благодаря своему ядерному арсеналу. Все это в совокупности создает у русских ощущение, что их предали и унизили. Русские, которым свойственно гордиться своей страной при любых обстоятельствах и хочется видеть ее сильной, уважаемой и процветающей, страдают от всего вышеперечисленного и с тоской смотрят в советское прошлое, где все было по-другому. Даже учитывая то, что никто не желает возврата к советской системе, ценности этой эпохи вновь востребованы.

Невозможно отделить сегодняшний образ мыслей и принимаемые на его основе решения от общепринятых ценностей, обусловливающих менталитет как таковой. Я придерживаюсь мнения, что именно здесь находится корень отсутствия взаимопонимания между Европой и Россией сегодня. Говоря, что я не могу разделить положительное отношение Александра Зиновьева к советскому периоду российской истории, я вынужден подчеркнуть, что знакомство с мыслителем его уровня является очередным стимулом задаться вопросом о первопричине про-

блемы взаимопонимания. С одной стороны, мы видим огромное желание России быть принятой в качестве равного и значимого члена Европейского сообщества, с другой стороны, мы видим западных европейцев, для которых советское прошлое является кошмаром, возвращения к которому они не желают ни при каких обстоятельствах. Таким образом, европейцам следует осознать, что Россия чувствует себя ущемленной и пытается скрыть это при помощи агрессивной внешней политики, а русским следует обратить внимание на это ощущение неуверенности в себе, которое так пугает жителей небольших государств, являющихся западными соседями России.

Все это требует ведения диалога между Россией и Западом, который станет основой нового формата отношений между жителями европейского континента. Германия и Россия обладают весьма богатым совместным историческим опытом, что дает им огромное преимущество в том, что касается возможности начать этот диалог, не причинив друг другу вреда. Последствия этого шага будут благом для всех народов Европы, больших и малых. Мое желание сегодня — чтобы из конференции вроде нашей, призванной почтить память Александра Зиновьева как в высшей степени необходимого обществу мыслителя-провокатора, заставляющего нас задуматься, выросло движение, способное на деле принести мир народам нашего континента; чтобы все народы Европы жили в радости и взаимопонимании. Эта задача стоит всех наших трудов, и в ее решение может внести свой вклад каждый человек, кем бы он ни был и где бы он ни находился.

А.А. ГУСЕЙНОВ,
академик РАН,
доктор философских наук, профессор,
директор Института философии РАН

Построить идеальное общество в себе самом

Александр Зиновьев известен как логик, социолог, литератор. Вне внимания и исследователей и широкой общественности осталась его этика, как, впрочем, и нравственный пафос его жизни, взятой в единстве творчества и личностной судьбы. Более того: так как Зиновьев был приверженцем последовательного и жесткого научного рационализма, признавал только такие утверждения, которые опираются на факты и проверяются ими, то он весьма скептически относился к философии во всех ее частях за исключением научной методологии и логики. В действительности он создал продуманную и очень, как мне кажется, значительную этическую систему, которую называл учением о житии, «Зиновьйогой». Есть еще одно название — лаптизм, по имени главного героя его повести *«Иди на Голгофу»* Ивана Лаптева. Этим Александр Александрович хотел подчеркнуть русское происхождение своего учения. Этика Зиновьева изложена и в его поэмах: «*Мой дом, моя чужбина», «Евангелие для Ивана»,* а также в его повестях *«Иди на Голгофу», «Живи»,* автобиографическом произведении *«Исповедь отщепенца».*

Кратко его жизненное учение, его этика выражена в знаменитом утверждении: «Я есть суверенное государство». В основном обращают внимание на эпатирующую дерзость этого суждения, но мало кто задумывается над тем, что оно направлено против широко известного мнения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. «Можно», — говорит Зиновьев, и в этом состоит суть его жизненной позиции: «Я и есть суверенное государство». Прежде всего здесь предполагается полная ответственность человека за свое существование. Даже более того, устроение собственной жизни — это и есть, согласно Зиновьеву, единственный предмет заботы человека и единственный предмет его ответственности.

Еще одно известное суждение Зиновьева, описывающее исходную позицию и предметное поле его этики: «Плевать мне на галактики, на звезды, на общество, моя собственная жизнь мне намного важнее и интереснее». Человек должен не просто отвечать за себя, но сам задавать программу своего существования. Согласно Зиновьеву, человек в своем нравственном выборе не должен руководствоваться какими-либо внешними нормами, кем бы они заданы ни были. Он должен самого себя рассматривать как некий источник, относиться к себе так, как если бы он нес в самом себе критерии различения добра и зла.

Человек обязан стремиться к полноте жизни, но в особом смысле. Зиновьев дает два понятия совершенства: совершенство как совокупность положительных качеств, некое идеальное состояние, и совершенство в другом значении, а

именно как полнота всех качеств, свойств, без изначального расчленения этих качеств на положительные и отрицательные. Совершенство в первом смысле — иллюзия. Нравственная позиция человека приобретает действенность, поскольку она опирается на совершенство во втором значении. В государстве, говорит Зиновьев, есть разные виды деятельности, разные функции, и они могут структурироваться по разным критериям, однако они никогда не структурируются по критериям добра и зла. Какая бы функция в рамках этого государства ни существовала, она имеет свое законное право и оправдание. Даже палач в государстве, которое практикует смертную казнь, не является злодеем, это обычный человек, который находится на государственной службе. Так и человек может стать совершенным в единстве разнородных сил, которые в учениях моралистов оказывались разорванными и абстрактно противопоставленными друг другу.

Итак, человек есть суверенное государство. Эта позиция Зиновьева вписывается в некий общий контекст развития европейской этики.

В европейской этике было две крупные эпохи, два качественных состояния, которые одновременно представляют собой две тенденции и две линии напряжения моральной жизни вообще.

Одна из них представлена именем Аристотеля, там этика понимается как учение о добродетелях и сводится к добродетельности индивидов и к добродетельным поступкам. При этом в этике не находится места для неких общих правил, общих норм, ибо, согласно Аристотелю, нас интересует, что такое добродетель не вообще, а в каждом отдельном случае. А раз так, то в каждом отдельном случае существует и своя мера. Даже знаменитая золотая середина Аристотеля не может считаться общим принципом, потому что середина применительно к каждой отдельной добродетели требует своего уточнения, ибо она в одном случае бывает к одной крайности, а в другом случае к противоположной. Так, умеренность ближе к недостатку того, что составляет материю умеренности, а мужество ближе к избытку того, что составляет материю мужества. Она требует уточнения даже применительно к каждому конкретному человеку, который действует и выступает как субъективная середина. Таким образом, здесь этика представлена именно в многообразии индивидуальных поступков.

Вторая крупная эпоха связана с именем Канта, который этику и мораль понимал как совокупность принципов и основное усилие направил на поиск всеобщего закона, управляющего нравственным поведением человека. Поиск абсолютного закона — это основная установка Канта. Он считал, что именно абсолютность закона поведения и является критерием нравственности этого закона. И Кант открыл этот нравственный закон, который применительно к человеческим разумным существам имел форму категорического императива. Закон появился, но исчезли поступки, ибо особенность морального закона по Канту состоит в том, что он не может реализоваться в поступках. И даже, может быть, говорит Кант, не было ни одного поступка, который бы соответствовал этому закону и который был бы совершен ради долга.

Возникает противоречие: там, где были поступки, нет морального закона, нет правила, там, где появился закон, исчезли поступки. И этические усилия, и не только этические, но и практические, нравственные усилия людей в эпоху после

Канта были направлены на то, чтобы вернуть в этику поступок, но вернуть таким образом, чтобы не отказываться от идеи морального закона, от идеи общезначимых норм, которыми руководствуются люди. Эти усилия привели к различным теориям, к различным практическим опытам, но тем не менее удовлетворительного решения не существует до сих пор.

Зиновьев предложил свое решение проблемы. Оно состоит в следующем: Иван должен стать философом, то есть каждый человек, индивид должен сделать то, что делали философы, создавая этические учения как нормативные программы, достойные жизни. Философы пытались создать этические учения для всех людей, причем и в качестве абстрактных теорий, а каждый человек должен создать этическое учение для самого себя. И не для того, чтобы знать, что такое достойная жизнь, а для того, чтобы достойно жить. Задача выработки программы достойного поведения, нравственно оправданного существования является привилегией и обязанностью каждого человека. Именно таково значение формулы «Я есть суверенное государство».

Человек должен как бы превратить свою жизнь в эксперимент. Он при этом не претендует на открытие последней истины. Согласно Зиновьеву претензия человека является более высокой. А именно, он претендует на то, чтобы своей жизни придать достоинство окончательной истины. Такое понимание соответствует общей тенденции развития общественной морали, которая заключается в том, что решение вопроса, что есть добро, что есть зло, общество постепенно, и чем дальше, тем больше, делегирует самой личности, то есть опускает на конкретный индивидуальный уровень.

Но возникает вопрос: как соотносится этика Зиновьева с его социологией, и прежде всего с идеей социальных законов?

По Зиновьеву, законы социальности — это законы организации, функционирования, развития больших масс людей. Законы эти объективны, они действуют без каких-либо исключений, действуют так же, как природные законы. И тот факт, что человек обладает сознанием, не отменяет объективности законов, а еще более усугубляет ее. Именно благодаря сознанию эти законы как бы обнаруживаются более адекватно, то есть меньше оказывается каких-либо случайностей и разнообразия в их проявлении. Более того, согласно Зиновьеву социальная эволюция меньше зависит от субъективного фактора именно тогда, когда она становится управляемой. Он полагает, что именно на стадии сверхобщества эволюция становится управляемой, и именно поэтому она меньше всего зависит от тех, кто управляет этим процессом.

Идея объективности социальных законов открыта не Зиновьевым, но, пожалуй, никто другой не отнесся к этому факту со всей обязывающей серьезностью и не сделал из этой констатации тех практических выводов, которые сделал он.

Строгие законы социологии, или человеческих объединений, возникают, по Зиновьеву, из того простого факта, что эти объединения представляют собой объединения многих людей. То есть факт множества уже создает с неизбежностью некую строгость их функционирования. Скажем, любое объединение должно делиться на управляющих и управляемых, начальников и подчиненных. Оно должно сразу разнообразиться в функциях, должны появляться органы,

которые эти функции выполняют. Эти объединения превращаются в «человейники», поскольку они живут исторически долго, обладают памятью, находятся на какой-то территории. И социальные законы, по которым функционируют объединения, и законы, которым подчинены социальные субъекты, есть законы экзистенциального эгоизма. Суть этих законов состоит в том, что они заставляют социального субъекта действовать, исходя из своей социальной позиции, таким образом, чтобы сохранять эту позицию, расширять ее возможности или занять более высокую позицию. Действовать в своих интересах внутри «человейника» и в интересах своего «человейника» в отношениях с другими — такова основа социальности.

Зиновьев приводит такой пример. Из двух работ, одна из которых оплачивается больше, чем другая, при всех прочих равных условиях человек всегда выберет ту работу, которая оплачивается выше. Отсюда вытекают некоторые следствия. К примеру, если человек выбрал менее оплачиваемую работу, он это сделал не потому, что она является менее оплачиваемой. Если он выбрал работу более оплачиваемую, то это могло быть только по той причине, что она является более оплачиваемой. Закон не имеет исключений. И в этом смысле он ничем не отличается от закона инерции Ньютона и других законов подобного рода.

Вывод, который делает Зиновьев: все те явления, которые мы морально квалифицируем, в том числе и те, которые мы квалифицируем как негативные, такие как эгоизм, ложь, продажность, демагогия, лицемерие, наряду с теми, которые характеризуются позитивными характеристиками, являются формами самоутверждения индивидов. Эти явления не что иное, как способ существования этих социальных законов, и возникают они не вопреки социальности, они и есть сама социальность. Именно социальность порождает все эти явления.

Однако социальные законы нельзя путать с нормами морали, права. Нормы морали, права человек и вырабатывает, чтобы защититься от этих законов, защититься от самого себя. Их действенность относительна. Они могут смягчить ситуацию, но чаще всего они сами становятся моментом действия этих законов.

Социальный мир, как и природный, такой, какой он есть, с ним ничего сделать нельзя. Он объективен. Это принципиальная установка Зиновьева. Он не утверждает, что социальный мир нельзя улучшить. Его можно улучшить, но нельзя улучшить таким образом, чтобы были устранены все те проявления социальности, которые людей не устраивают. Его нельзя улучшить таким образом, чтобы исчезло неравенство, исчезла несправедливость, исчезла бедность. Его нельзя улучшить по канонам абстрактного гуманизма, сделать совершенным в первом значении этого понятия, т.е. идеальным. Точно так же, как и природное существование человека можно совершенствовать путем развития медицины, экологии, но его нельзя усовершенствовать таким образом, чтобы вообще не было болезней, не было смерти и т.д.

Надо сказать, что такое понимание социальности, общественных законов - это важная веха на пути выработки человеком более трезвого взгляда на самого себя и важная веха на пути разрушения иллюзий человека о самом себе. В этом направлении человечество прошло через ряд серьезных испытаний и кризисных состояний. Разрушение иллюзий, во-первых, было связано с открытием Коперника, когда выяснили, что Земля — это не центр Вселенной, вокруг которого все

вертится, а, напротив, лишь одна из планет, наряду со многими. Следующий кризис самосознания связан с открытием Дарвиным того, что человек не царь природы, а всего лишь звено в эволюционном процессе, которое возникло в результате определенных природных законов.

Но оставалась еще одна иллюзия и основание человечеству гордиться собой. Как разумное существо, человек создал некую надприродную среду, которая являет собой царство разума и которая, по крайней мере в этом качестве, возвышает человека над остальной природой. Зиновьев разрушает и эту иллюзию. Он утверждает, что законы, по которым функционирует общество, суть законы экзистенциального эгоизма, которые ничуть не отличаются от природных законов, в которые втянуты другие живые существа.

В этой связи я вспоминаю беседу с Александром Александровичем незадолго до его болезни. Мы гуляли вокруг университета, беседовали. Когда заговорили о том, что жизнь тоже кончится, я ему сказал, что нет у меня такого представления о человеке и мире, чтобы сам факт смерти поместился в это представление, чтобы он нашел там свое законное место. Такое представление, чтобы я мог оправдать сам факт смертности человека. И он мне ответил: «Я не хочу даже думать об этом. Так это устроено в жизни — и все». Это была его позиция. Существуют также в обществе вещи, которые нас не устраивают, но с которыми ничего нельзя поделать. Так это устроено в социальной жизни.

И тут возникает вопрос: что же делать? Означает ли это, что жизнь в идеале невозможна? Означает ли это, что человек должен отказаться от представлений о моральном достоинстве, как от каких-то пустых, унижающих его интеллектуальные способности иллюзий? Нет, не означает. Ответ Зиновьева: жизнь в идеале возможна, но за пределами социальности. Внутри «человейника», но не по законам «человейника». Возможна, но как редкий случай, как борьба, как героизм. «Если вы хотите противостоять законам тяготения, то вы строите самолет» — это его сравнение. Вот что-то подобное должно быть сделано и применительно к социальным законам.

Здесь возможны две линии поведения: или вы включаетесь в эту борьбу, в эту жизненную гонку, или вы уклоняетесь. И тот, кто все-таки придает какое-то значение идеальным представлениям, принимает всерьез моральные цели, у него нет другого пути, как уклоняться. Уклоняться — это не значит уйти в леса, или замкнуться в какую-то приватную сферу, или найти какую-то другую форму самоизоляции. Уклониться в этом смысле невозможно, поскольку человек живет в социальных объединениях, он подчиняется этим социальным законам, и не может не подчиняться. Точно так же, как мы в качестве природных существ подчиняемся природным законам, здесь нет никакого выбора. Уклонение состоит в другом, в том, чтобы, оставаясь в рамках социальности, жить по тем ценностным основаниям, которые человек себе задает.

Зиновьев говорил, что социальные законы создают силовые линии, которые разворачивают мозги людей в одном и том же направлении. Это одна из особенностей существования социальных законов. И поэтому нужно совершать поворот мозга, как бы выходить из строя.

О Зиновьеве говорят, что он всегда шел против течения, являясь великим вопрекистом. Это «вопреки», стремление идти против течения, не только индиви-

дуальная, психологическая особенность Зиновьева, это и продуманная позиция, поскольку именно законы социальности создают такие силовые поля, которые в определенном направлении настраивают мозг. Уклонение здесь может состоять в том, чтобы противостоять этому, чтобы находить противопринципы.

Зиновьев сформулировал эти противопринципы: «Будь терпим, сопротивляйся насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной энергией. Иди к людям, потому будь один. Имей все, потому отдай все. Смиряйся, бунтуя; бунтуй, смиряясь». Вот направление, в котором, с его точки зрения, должна была развиваться нравственная линия поведения человека в условиях жестких социальных законов.

Этика Зиновьева опирается на его социологию, но в определенном смысле. Она вырастает как отрицание и противостояние, как индивидуальная борьба с социальными законами.

Я завершу свое выступление развернутой выдержкой из его работы *«Русский эксперимент»,* она четко формулирует его позицию: «У меня нет никакой позитивной программы социальных преобразований. Но не потому, что я не способен что-то выдумать на этот счет, а в принципе. Любые положительные программы социальных преобразований имеют целью, и отчасти даже результатом, построение некоего земного рая. Но опыт построения земных раев всякого рода говорит о том, что они не устраняют жизненных проблем, драм и трагедий. Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинств. А раз так, то главным в моей жизни должна быть не борьба за преобразование общества в духе каких-то идеалов, а создание идеального общества в себе самом, совершенствование в духе моего собственного идеала человека. По этому пути я фактически и шел до сих пор», — писал Зиновьев в 1995 году. Мы можем сказать, что по этому пути он прошел до конца.

В.С. СТЕПИН,
академик РАН, секретарь Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор Института философии РАН

Творчество А.А. Зиновьева и любовь к мудрости

Много уже говорилось о том политическом и идеологическом звучании, которое имеет наследие Зиновьева. Но настала пора поговорить и о том, что он был замечательный ученый и философ.

Уже отмечалось, что тип его сознания — это, прежде всего, тип сознания ученого. Если кратко характеризовать, чем наука отличается от других форм познания мира (от обыденного познания, философского познания, которое тесно связано с наукой, но имеющее свою специфику, от художественного постижения мира и т.д.), то можно выделить, прежде всего, два основных отличительных признака науки.

Первый состоит в том, что наука особым способом программирует человеческую деятельность, выделяя в ней объектные структуры. Наука, как царь Мидас: к чему бы она ни прикоснулась, все для нее объект, как для царя Мидаса было все золото. Наука может исследовать любые объекты и процессы (природные, социальные), она может изучать человека, его деятельность, состояния его сознания, но с особых позиций и под особым углом зрения — как объекты, которые изменяются в соответствии с определенными законами. Это значит, что наука не может исчерпать собой всей культуры. Но она дает нечто очень важное для человеческой жизнедеятельности, она ищет законы функционирования и развития объектов, которые может осваивать человек.

Теперь о второй отличительной характеристике научного познания. Наука не ограничивается исследованием только тех объектов, которые уже попали в поле человеческого практического действия той или иной эпохи, которые осваиваются в обыденном опыте, в производстве данной эпохи. Наука всегда выходит за рамки сегодняшних, уже наличных форм практики. Она способна делать прорывы к предметным мирам будущего практического освоения. Она открывает для человечества эти предметные миры. То есть она изучает не только то, что сейчас дает практическую непосредственную выгоду, но и изучает объекты, которые могут быть освоены в будущем и знания о которых могут обеспечить прорыв к технологиям будущего. Именно благодаря этой способности наука по мере развития цивилизации становится производительной силой и социальной силой.

С этими двумя презумпциями науки соотнесены другие ее особенности — специфика средств и методов исследования, особенности языка науки. С этими презумпциями соотносятся и особенности научного этоса. Ученый в идеале всегда обязан исповедовать следующие установки. Во-первых, искать истину, искать

то, как устроены изучаемые им объекты, каковы их законы. Он может ошибаться в своей деятельности, но он не имеет права умышленно искажать истину в угоду тем или иным идеологическим или иным соображениям. Во-вторых, ученый должен не просто фиксировать уже открытые истины, он должен наращивать знания, четко фиксируя то новое, что он открыл. Эта установка стимулирует непрекращающийся научный поиск, который в конечном итоге и приводит к прорывам познания в новые предметные миры, еще не освоенные практикой.

С этими установками связаны два запрета научного этоса. Первый — на умышленное искажение истины, а второй — запрет на плагиат.

Если с этой точки зрения рассматривать творчество Зиновьева, то он, пожалуй, один из очень немногих жестко следовал этим этическим идеалам и презумпциям науки. Все его конфронтации с власть предержащими исходили только из одного: он говорил, как устроен социальный объект и каковы законы его развития. Если эти законы жизни объекта кому-то не нравились, то он все равно говорил, что так на самом деле, так есть, это истина. И он никогда не удовлетворялся тем, что смог достигнуть, не ограничивался идеями, которые уже были выработаны в науке. Он был новатором. Он по-новому сформулировал проблемы логики, по-новому увидел проблемы социологии. И это был его дух, настоящего, подлинного ученого.

Но он еще был и философ. Эта связь философии и науки — очень важная композиция в жизни человеческой культуры и в творчестве Александра Александровича. Я на этом остановлюсь особо.

Если наука делает прорывы к новым предметным мирам, если она открывает то, что еще для человечества новое и неисследованное, то возникает проблема понимания этого нового и предпосылок его дальнейшего исследования. Для того чтобы понять новый объект, надо всегда иметь некую категориальную сетку. Надо осмыслить объект посредством этой сетки, особым образом истолковать категории элемента и структуры, части и целого, вещи и процесса, особым образом интерпретировать причинность, пространство и время.

Разные типы системных объектов, с которыми сталкивалась и которые осваивала наука в своем историческом развитии, требовали разных по смыслу категориальных сеток. Если вы имеете дело с механической системой, то вполне достаточно считать, что свойства частей исчерпывающе определяют свойства целого. Здесь можно абстрагироваться от системного качества целого, не сводимого к свойствам элементов. Для освоения простых (механических) систем достаточно истолковать причинность в духе лапласовской детерминации, пространство и время рассматривать как внешнее по отношению к системе, как арену, на которой происходит взаимодействие объектов. Это понимание выражено в ньютоновской концепции абсолютного пространства и времени. Этой категориальной сетки было достаточно, чтобы осваивать и изучать простые механические системы. И философия механицизма, обосновывая эту категориальную сетку, обеспечила на несколько веков эффективное изучение таких систем.

Но настала пора, когда наука столкнулась с новым типом систем, которые можно было бы обозначить как сложные саморегулирующиеся системы. Такими системами являются все живые системы и все социальные объекты, в технике это системы саморегуляции, гомеостатические технические устройства, рассмо-

тренные в аспекте их функционирования. Для их освоения понадобилась другая категориальная сетка. Выяснилось, что просто из свойств частей вы не получите свойства целого, что существует особое системное качество, которое не сводится к свойствам элемента.

Пришлось по-новому истолковать причинность. В таких гомеостатических системах есть подсистемы с вероятностным стохастическим взаимодействием элементов. Там возникает та причинность, которая была обнаружена в квантовой механике, то, что потом назвали вероятностной причинностью. Вероятностная причинность ограничивала лапласовский детерминизм, но в ограниченном диапазоне он также действует, и применим для описания некоторых аспектов функционирования сложных саморегулирующихся систем.

Категории пространства и времени для этих систем пришлось также по-новому интерпретировать. Для их понимания и описания недостаточно только представлений о внешнем физическом пространстве и времени. В таких системах обнаруживается внутреннее пространство и время, несводимое к внешнему. Биологи это хорошо знают, используя понятие биологических ареалов и биологических часов.

Новый прорыв был осуществлен наукой во второй половине XX века. Она стала систематически изучать сложные саморазвивающиеся системы, характеризуя их не только феноменологически, но и структурно. Эти системы способны от одного типа саморегуляции переходить к другому типу саморегуляции. Им свойственна эволюция, историческое развитие. Для таких систем приходится заново переопределять категориальную сетку. Кроме того, что приходится учитывать системное качество целого, несводимое к свойствам частей, нужно еще учесть, что со временем оно может заменяться другим системным качеством, что процесс эволюции — это переход от одного гомеостазиса и типа целостности к другому. Саморазвивающиеся системы открыты, постоянно обмениваются веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Они способны усложняться в процессе развития, наращивать уровни иерархической организации элементов, причем формирование каждого нового уровня оказывает обратное воздействие на уже сложившиеся, перестраивает их.

Благодаря такой перестройке и происходит изменение типа целостности. Сам процесс становления новой целостности предполагает, что система проходит через состояние динамической неустойчивости, через состояние динамического хаоса. В этом состоянии возникают аттракторы, которые могут тянуть систему, как цель, к определенному руслу. Как только аттрактор возник, другие возможности выгорают. Чтобы описать и понять эти свойства системы приходится расширить понятие причинности. Уже не хватает ни вероятностной причинности, ни лапласовского детерминизма. Нужно ввести еще понятие целевой причинности. Аттрактор всегда втягивает систему в определенное русло развития, меняя вероятности первоначальных сценариев как возможных направлений эволюции системы. И эти особенности могут быть охарактеризованы как целевая причинность.

Категории пространства и времени также приходится переосмысливать применительно к саморазвивающимся системам. В них внутреннее пространство и время меняются по мере эволюции. Когда система надстраивает высшие уровни

своей организации, каждый новый уровень меняет композицию элементов системы и ее пространственно-временную структуру. А поэтому математическое описание процессов саморазвития ставит сформулированную И. Пригожиным проблему оператора времени.

Категориальная сетка, необходимая для того, чтобы понять систему, должна присутствовать в сознании ученого. Но тогда возникает очень сложный вопрос: откуда она берется? Ведь если наука натолкнулась на новый тип системы, которая требует новых категориальных смыслов, а в сознании ученого доминируют привычные старые смыслы, обеспечивавшие освоение более простых системных объектов, то он должен поменять эти смыслы. Иначе он вообще не поймет новых объектов. Он будет наталкиваться на парадоксы, которые будут возникать при попытках понять новые системные объекты в старых, уже обжитых категориальных смыслах. Таких ситуаций множество в истории науки. Когда создавалась квантовая механика, многие дискуссии относительно особенностей квантово-механического описания переходили в споры о смыслах категорий причинности, пространства и времени и о возможностях синтеза причинного и пространственно-временного описания микрообъектов. В дискуссиях между А. Эйнштейном и Н. Бором на Сольвеевских конгрессах эта проблематика была центральной. Известно, что Эйнштейн оппонировал Бору, который отстаивал понятие вероятностной причинности. Известна эйнштейновская формула «не верю, что Бог играет в кости». Эйнштейн считал также, что дополнительность причинного и пространственно-временного описания не может быть идеалом и нужно стремиться к синтезу дополнительных описаний. Иначе говоря, дискуссии вокруг собственно физических вопросов органично переплавлялись в постановку философских проблем.

Философские проблемы всегда возникают в науке, как только она осуществляет прорыв к новым предметным мирам и начинает осваивать принципиально новые объекты. Вопрос состоит в том, как философия решает эти проблемы. Внутри нее заранее должны вырабатываться новые категориальные смыслы, которые потом науке обеспечат понимание новых типов систем.

Но как это возможно? Это вопрос почти кантовский: как возможна философия? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нужно по-новому рассмотреть природу философского познания. Недостаточно определить философию как науку о наиболее общих законах природы, общества и мышления. Это частично правильное, а в целом неточное определение. Оно соответствует только сциентистским направлениям философии, которые в ней есть и развиты, но которыми философия не исчерпывается. Под него трудно подвести очень многие философские концепции, в том числе богословские системы, содержащие развитую философскую компоненту, философские концепции Ж.-П. Сартра, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, представленные в их литературных произведениях, философские работы В.В. Розанова и др.

В свое время Гегель писал, что философия — это эпоха, схваченная в мысли, живая душа культуры. Культуру можно рассмотреть как сложную систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, которая представлена в нормах, правилах, в образцах поведения и деятельности, ценностях, знаниях, предписаниях, закрепленных в соответствующих знаках, кодах. Этот сложный

развивающийся массив регулятивов человеческой жизнедеятельности системно организован и есть основания, обеспечивающие его системную целостность. Такими основаниями выступают фундаментальные жизненные смыслы и ценности. Их обозначают по-разному, называют концептами, категориями культуры, универсалиями культуры. Я называю их мировоззренческими универсалиями. К ним относятся фундаментальные базисные ценности и жизненные смыслы, составляющие содержание категорий «человек», «природа», «личность», «деятельность», «свобода», «справедливость», «истина», «красота», «пространство», «время» и т.д.

В своем сцеплении и взаимодействии они образуют целостную картину человеческого жизненного мира. Человек усваивает смыслы этих категорий в процессе воспитания и социализации, через образцы поведения и деятельности, через включение в разные виды деятельности, через язык, через транслируемые в культуре знания, которые он приобретает. Часто он не осознает всего содержания этих категорий, хотя и понимает их. Он имеет о них неявное знание. Если спросить человека, не занимающегося философией, на уровне его обыденного сознания, что такое справедливость, то, опираясь на конкретные примеры, он покажет, что есть справедливые и несправедливые поступки, но не сможет дать обобщающего определения справедливости.

Мировоззренческие универсалии культуры функционируют как предельно обобщенные программы деятельности, поведения и общения людей. Они являются своеобразными генами социальной жизни, в соответствии с которыми воспроизводится тот или иной тип общества. Для того чтобы радикально изменить общество, надо изменить эти гены. Поэтому духовная революция всегда предшествует революциям политическим.

Философия осуществляет рефлексию над этими фундаментальными мировоззренческими универсалиями культуры. Она их осмысливает, выносит их на суд разума, улавливает изменения, которые в них происходят, и начинает критически их обсуждать. Это первый этап философствования. На этом этапе категории культуры переплавляются в философские категории, но очень своеобразно. Они вначале предстают в форме смысло-образов, но это еще не строгие понятия, с которыми философия затем будет работать. Это их начало. На этом этапе философия ближе к литературе, к искусству. Она в разных областях человеческой жизнедеятельности, в разных сферах культуры выявляет глубинные смыслы и базисные ценности, программирующие людей.

Второй этап философствования первичные категориальные смысло-образы переплавляет в строгие понятия. Они упрощаются, схематизируются, становятся своеобразными идеальными объектами, абстракциями, с которыми мышление начинает работать как с особыми сущностями. Философ исследует их свойства так же, как, например, математик изучает числа, фигуры, функции, различные типы геометрических пространств, создает какие-то новые представления о числах, фигурах и пространствах и т.д.

Философия строит теоретическое знание и начинает вырабатывать такие смыслы категорий, которые выходят за рамки своей культурной традиции. Эти новые смыслы философия как бы предъявляет культуре, они включаются в исторический поток культурной трансляции, как своего рода дрейфующие гены, и

ждут своего часа. Наступает время, когда социальные запросы, изменяющаяся жизнь общества востребуют эти новые смыслы и заставляют на них ориентироваться. Тогда сухие философские абстракции начинают обретать актуальную жизненную силу. Они воплощаются в публицистике, эссеистике, художественной критике, литературе, искусстве, наполняются эмоциональным содержанием, переживаются людьми. Тогда они постепенно погружаются в недра культуры и становятся новыми мировоззренческими универсалиями.

В этой работе философия намечает новые пути социального развития на двух полюсах. С одной стороны, улавливания смыслов категорий культуры и экспликации намечающихся в культуре точек роста новых ценностей, а с другой стороны, строгих теоретических исследований, направленных на конструирование новых категориальных смыслов и их обоснование. Она предлагает возможные изменения генома культуры, адресуя их будущему, и это выступает одним из условий становления новых форм социальной жизни.

Философия часто открывает новые идеи для науки, для политики, которые затем, часто через столетия внедряются в жизнь. Она способна опережать свое время, чему есть множество примеров. И представление об атоме вначале было идеей, первоначально развитой в философии, а затем было обосновано в науке. И идея современной демократии, разделения властей тоже была выдвинута в философии. Прежде чем американская конституция была создана, был Локк, который за сто лет до американской конституции развил идеи разделения властей и прав человека. Все это взяли на вооружение отцы американской конституции.

Заготовка новых категориальных смыслов органична для философии. Не удивительно, что наука всегда обращается к ней, когда осуществляет прорыв к новым предметным мирам. Многие великие ученые, которые развивали фундаментальную науку, были великими философами. Некоторых из них вообще непонятно по какому ведомству числить. Р. Декарт, Г. Лейбниц — они философы, но они и великие математики. Такие ученые как И. Ньютон, А. Эйнштейн, Н. Бор, Ч. Дарвин, В. Вернадский — великие умы, которые были естествоиспытателями, но и внесли значительный вклад в философское понимание науки. Философская работа — обязательное условие для того, чтобы увидеть открываемые наукой явления под новым углом зрения, устранить парадоксы, которые возникают при использовании старых категориальных смыслов, трансформировать эти смыслы.

Завершая разговор о связи философии и науки, еще раз подчеркну, что в той части, когда философия работает с категориями, как с особыми сущностями, и когда она изобретает новые категориальные миры, которые потом могут пригодиться для будущего развития цивилизации, в этой части философия выступает как наука. Она — наука, по типу мышления близкая к математике. В свое время Лейбниц определил математику как науку о возможных мирах. По аналогии философию можно было бы определить как науку о возможных мирах человеческой жизнедеятельности.

А вот в той части, когда философия улавливает в культуре изменения, выражая их в категориальной форме смысло-образов, она ближе к искусству и литературе. Это два крыла совы Минервы, о которой писал Гегель. Без этих крыльев она не летает.

Вспоминая и свои личные встречи с Александром Александровичем, и его работы, я должен заметить, что мои собственные занятия философией науки во многом были инициированы его трудами. Ведь если бы не было его диссертации, посвященной анализу «Капитала» К. Маркса, где он показал, как возникают парадоксы в системе научного знания, как они разрешаются путем переопределения научных понятий, если бы не было его деятельности по внедрению в отечественную философию науки логических средств анализа, то, наверное, мы бы не имели тех достижений в этой области, тех новых результатов, которые мы получили в 60—80-х годах XX века.

Александр Александрович сыграл огромную роль в разработке логики и методологии науки. Но еще большую роль он сыграл, являя собой образец научного сознания, образец того, как надо мыслить. Это то самое неявное знание, о котором писал Полани, которое трудно расчленить, но без которого наука тоже не существует. Александр Александрович был не только настоящим ученым, он был подлинным философом. Он работал в обоих аспектах философского знания — и художественно-образном, и строго концептуальном. И он умел органично переходить от одного к другому. Большинству из нас этого не дано. Мы обычно концентрируемся на одном стиле мышления, а другой уже трудно дается. Но у А.А. Зиновьева, с одной стороны, удивительно сочеталось его умение видеть изменения в культуре, строить свои антиутопии, которые часто пророчески предсказывали будущее, развивать философские идеи в форме литературы, а, с другой стороны, умение создавать профессиональные философские работы, научно обосновывая каждое положение, четко расчленяя смыслы, формулируя проблемы, что свойственно науке и что представлено в его логико-философских исследованиях. В этом отношении можно сказать: да, это был дейвительно великий философ.

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ,
академик РАН, доктор философских наук,
профессор Института философии РАН,
главный редактор журнала <<Вопросы философии»

Мужество мысли

Александр Александрович Зиновьев построил социологическую теорию, назвав ее логической социологией. В ней он исходил из того, что существуют законы общественной жизни, которые и сформулировал.

Сам способ подхода к анализу социальной жизни и попытка понять человека вообще и современного человека в частности, которую предпринял Александр Александрович, конечно, резко выделяют его работы из числа современных работ, посвященных анализу общества и человека. В современной социальной и философской теории, в психологии превалируют несколько иные идеи.

Зиновьев сформулировал концепции сверхобщества, сверхэкономики, сверхцивилизации, сверхэкологии и концепцию глобального «человейника».

В связи с анализом этих феноменов Александр Александрович в последних работах выдвинул идею о том, что сейчас человечество вступило в некоторую новую стадию, стадию управления собственной эволюцией. Этот процесс управления он называет производством будущего.

В своих работах Зиновьев высказывает ряд интересных идей о взаимоотношениях физического и социального времени. Это разного типа явления, отношения между ними не простые. В результате тех процессов, которые сейчас происходят, социальное время все более истощается и человечество обрекает себя на жизнь только во времени физическом. Как следствие, Зиновьев формулирует довольно мрачно звучащие суждения о том, что человечество теряет смысл собственного социального бытия и уничтожает фактор понимания. Я попробую показать, в чем глубокий смысл этих идей Александра Александровича.

Зиновьев говорит о различии прогнозов и проектов. Это действительно так. Сейчас производство будущего или конструирование новых социальных процессов связано с тем, что на смену прогнозированию идет проектирование, то есть сознательное конструирование процессов. Проект и прогноз — одна из тем его последних исследований, в высшей степени актуальная. И в самом деле, здесь подмечена одна особенность современного этапа развития цивилизации, в которую вступают многие страны, а, может быть, и все человечество в целом, и которая чревата непредсказуемыми последствиями. Хотя, казалось бы, если мы прогнозируем, следовательно, мы должны знать, что должно получиться. Тем не менее складывается совсем иная ситуация.

Когда-то Маркс упрекал философов в том, что они только объясняют мир, вместо того, чтобы изменить его. Это, конечно, не совсем оправданное обвинение, потому что философы не только объясняли мир, но и меняли его. Объясняя, они его тем самым и изменяли.

Сейчас целый ряд философов, социальных мыслителей рассуждают на тему о том, что философия и другие дисциплины, изучающие человека, могут участвовать в проектировании того, чего до сих пор не было.

Есть такой популярный российско-американский философ, не буду называть его имени, который заявляет, что сейчас наступает стадия, которую называют экспериментальной метафизикой. Философия должна превратиться в экспериментальную метафизику. Это значит, что философ может проектировать, создавать новые онтологии, новые типы человеческих существ, с новым типом психики, с новыми личными характеристиками. Конечно, действует философ не сам по себе, он включается в некоторое более широкое движение, в котором будут принимать участие ученые, специалисты в области различных научных дисциплин.

Главная задача человечества понимается как творчество, как экспериментирование над самим собой, над природой, создание нового типа реальности. Кажется, что это некоторые философские домыслы, на самом деле все не столь утопично.

Уже сейчас люди, стоящие ближе к практике, обсуждают, к примеру, проблемы проектирования человеческой телесности. И это уже не просто дискуссии, а реальность, в которую вовлечены многие специалисты в области генной инженерии, нанотехнологий. Серьезно обсуждается вопрос о том, что мы подошли к такому рубежу, когда можно не просто модифицировать телесность, а создавать новый тип людей. Но это будут уже не люди, поэтому введен термин «постчеловек». О возможном постчеловеческом будущем в настоящее время рассуждают многие философы и другие исследователи.

Что касается проектирования психики, то можно показать, что вся история человечества есть способ ее стихийного проектирования. Однако на современном этапе появляется нечто новое. В частности, с помощью информационных технологий создается так называемая виртуальная реальность, и некоторые люди предпочитают жить в Интернете. Это большая психологическая и социальная проблема.

В этой связи много пишут о кризисе идентичности, о размытой идентичности, когда человек перестает понимать, кто он такой.

Выше я говорил о новом проекте изменения телесности человека, в настоящее время он объединяет множество специалистов, и уже делаются практические шаги на этом пути. К примеру, здравомыслящие люди, работающие в министерстве обороны США, вкладывают деньги в проект, который называется «идеальный солдат». Ставится задача создания физически сильного солдата, который будет меньше спать, воспринимать больше информации. В дополнение к естественным органам чувств можно вживлять в организм искусственные приспособления, которые дадут человеку способность видеть то, что не видим мы, слышать то, что обычный человек не слышит, и т.д. Это новое существо, которое дает большие преимущества армии.

Ставится и другая цель — вмешиваясь в генетическую систему, заранее заказывать рождение человека с набором особых качеств, создавать людей более умных, более выносливых... Результаты возможны и, вероятно, их можно ожидать в ближайшем будущем.

Ясно, что если эти проекты будут осуществляться более или менее широко, то можно говорить уже о некоторых последствиях. Последствия, в частности, состоящие в том, что необходимо учитывать современную ситуацию в обществе, которое разделено на богатых и бедных. А потому следует предположить, что богатые люди получат возможность заказывать себе наследников, обладающих сверхценными качествами. И жить они будут дольше. Бедные люди не смогут себе этого позволить. Так что в ближайшей перспективе это может привести к тому, что человечество или люди, живущие в тех странах, где эти эксперименты возможны, будут разделены на разные касты.

В настоящее время ставится и цель продления жизни. И это осуществимо с помощью вмешательства в генные механизмы и с помощью использования нанотехнологий. С нанотехнологиями связывают сейчас самые сказочные, утопические ожидания.

Зиновьев А-А. писал об утопиях, об иллюзиях. Факт состоит в том, что люди без иллюзий не могут обойтись. Не оправдавшие себя утопии уходят, но люди продолжают продуцировать их в новых, самых неожиданных областях.

Сейчас очень популярна новая генно-технологическая утопия, касающаяся создания постчеловека, который будет жить дольше. Это движение получило название транс-гуманизм, выход за пределы человека. Человек, вступивший на стадию управляемой эволюции, выходит за пределы самого себя, создавая постчеловека, новое существо, которое будет обладать новыми качествами, то есть фактически уже не будет человеком.

Если речь идет только о продлении жизни, то, может быть, любой из нас подпишется под декларацией о такой программе, но ставится более глобальная задача — ликвидировать смерть, сделать человека бессмертным.

Согласно законам биологии, сложные живые существа должны умирать, хотя простейшие организмы могут жить вечно. Кажется, что с помощью тех средств, которыми сегодня обладает человечество, можно решить вековечную мечту, сделать людей бессмертными. На самом деле все не так оптимистично, и А.А. Зиновьев писал именно об этом.

Вмешательство в генные системы, в мозговые структуры неизвестно чем может закончиться, неизвестно, к каким последствиям приведет. Вспомним, к чему привело бесконечное преобразование природы — к экологической катастрофе. Может быть, и в случае вмешательства в генную систему человека будут созданы какие-то монстры.

Но допустим, что люди настолько хорошо изучат все эти генно-молекулярные структуры, что не будет непредвиденных последствий. Допустим, цель бессмертия будет достигнута. Что это значит? Смерть исчезнет. Смерть страшна, она прекращает жизнь, кажется, что она не вписывается в наше представление о мире.

Теперь представим себе, что смерти нет. Но ведь если это произойдет, то жизнь потеряет всякий смысл. И философ легко это докажет. Смерть и жизнь соотносимы друг с другом, и смысл жизни соотносим со смыслом смерти. Если человек бессмертен, не надо рожать других людей, одни и те же люди будут жить вечно. Тогда многие ценности, на которых держалась до сих пор культура, жизнь человека, вся цивилизация, такие, например, как забота о стариках и

о детях, любовь и многие другие качества, которые предполагают возможность пожертвовать жизнью, такие, как мужество, самоотверженность, все это теряет смысл.

И об этом пишет А.А. Зиновьев: теряется сам смысл социального бытия. Об этом нужно думать уже сейчас, ибо это современная проблематика, а не дело отдаленного будущего.

В настоящее время говорят о «цивилизации знаний», об обществе нового типа, которое использует инновационные технологии, основанные на мощном развитии интеллектуальных способностей.

На самом деле в том обществе, которое возникает и которое именуют «обществом знаний», решаются какие-то конкретные практические задачи, но совершенно нет ясности, к чему это может привести в более далекой перспективе.

Философы всегда различали ум и мудрость. Это не одно и тоже. Есть близорукий ум, который не может думать о последствиях. И есть мудрость, которая мыслит в большой перспективе. Умных людей много. Мудрых очень мало.

Последние книги Александра Александровича Зиновьева — это попытка глобального, широкого понимания складывающейся в мире ситуации.

Если вся жизнь Александра Зиновьева была в каком-то смысле жизнь героическая, состоящая из многих мужественных поступков, то я считаю, что его книги относятся к числу таких поступков.

Зиновьев А.А. учит нас мужеству мыслить, мужеству додумывать до конца выдвигаемые идеи, мужеству мыслить даже о немыслимом. Если мы этого не сделаем, человечество потеряет будущее.

А.А. ЛИХАНОВ,
писатель, председатель Российского детского фонда,
академик РА О

Воспитывать детей по Зиновьеву

Изучая наследие Александра Александровича Зиновьева, философы делают свои выводы и внедряют их в практику. А практики должны принять и продвигать в жизнь, в современность то, что особенно дорого нам из его наследия.

Здесь я бы выделил идею самостроительства, которую Зиновьев не раз применял лично к себе и которая, на наш взгляд, так нужна сегодня обществу в целом. Особенно это актуально для тех, кто представляет или защищает интересы детей.

Детский мир сегодня претерпевает мощнейшую катастрофу. При том что все понимают, но даже каких-то словесных или философских выводов мы не слышим.

Так получилось, что Российский детский фонд, существующий 21-й год, был близок к детям во времена всех катастроф, произошедших у нас на глазах, начиная с армянской, спитакской катастрофы, которой, кстати, 7 декабря исполняется 20 лет. Об этой трагедии, думаю, вспомнят, но как о далеком событии, засыпанном прахом истории.

Проводя мониторинг среди взрослых людей, которые в то время были детьми и которых наши сотрудники в свое время вытаскивали из праха, мы обнаружили, что в советское время они были нужны всем, а сегодня они не нужны никому.

Во время недавних южноосетинских трагических событий мы эвакуировали в Москву из зоны военного конфликта детей-сирот. Два с половиной месяца лучшие психологи Детского фонда работали с детьми, пытаясь их реабилитировать. И вот буквально несколько дней назад мы вернули их в Цхинвал, заранее зная, что из 25 детей этой группы у 18-ти нет крыши над головой. Нет и не будет. Миллиарды, переданные в Южную Осетию, до них не дойдут.

В нашей стране продолжают нарастать негативнейшие процессы, которые свидетельствуют о том, что детский мир брошен, брошен взрослыми.

На пресс-конференции, проведенной российским Министерством образования, с радостью заявлялось о том, что число детей-сирот в России сократилось с 132 тысяч в позапрошлом году, до 124-х тысяч в прошлом, то есть на 8 тысяч человек. Это чистой воды ложь. Мониторинга, регулярно проводимые Детским фондом, показали, что в сиротском состоянии находятся 1 миллион 700 тысяч детей. Учитывая продолжительность среднего возраста человеческой жизни в нашей стране, у мужчин 59 лет, у женщин чуть больше, мы выявили такую цифру — 10 миллионов граждан в нашей стране прошли через сиротскую несостоятельность. Где они, как сложились их судьбы, никто сказать не может, так как это явление не поддается уже никакому статистическому измерению.

Я говорил только о сиротах и не говорил о детях, у которых есть родители, детях беспризорных. Эту статистику наши ведомства отказываются открывать. Называют число задержанных детей — 1 миллион 200 тысяч. По нашим представлениям, еще около полумиллиона беспризорников находятся на улице. И это заниженная цифра.

Что делать? Надеяться на новые обещания, разговоры, утешения уже невозможно. Посмотрите, какое насилие совершается над детьми!

Раньше, если убивали ребенка, вся страна поднималась на дыбы.

Да, мы поднялись на дыбы, когда в США 14 детей в течение ряда лет погибли из-за ужасного отношения к ним их американских усыновителей.

Однако мы молчим о 1—1,5 тысячи детей в России, которых убивают собственные родители. По этим убийствам мы не знаем ни одного уголовного дела, доведенного до конца.

Я не знаю, является ли философской категорией душевная боль, но у нас ее, по-моему, нет, она утрачена.

Может быть, это наивно, но я все же считаю, что необходимо создать ресурсы, в том числе и материальные, чтобы в детях, которые никому не нужны, формировать их собственное самостроительство по-зиновьевски. Чтобы они знали, что на воспитателя надейся, а сам не плошай. Чтобы они воспитывали в себе дух противления, не криминальный, а дух противления созидательный, который помог бы им выбраться на дорогу жизни. Детский фонд переполнен документами, которые посвящены тому, как сегодня отвергается ребенок, как власти не хотят спасти ему здоровье и даже жизнь.

Пока мы всерьез не озаботимся этими проблемами, все наши разговоры — если не бессмыслица, то печальное непересекание с другими плоскостями, которые сегодня более чем жизненны и страшны.

Извините меня за печальную речь. Александр Александрович меня простит, потому что он сам был не сильно веселым человеком, человеком печальным, я его сердечно люблю.

Думаю, нам нужно жить с чувством этого печального преодоления и противиться злу насилия.

В.А. ЛУКОВ,
проректор, директор Института гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Тезаурусный подход в социологии и зиновьевская идея человейника

Тезаурусный подход к явлениям социальной и культурной жизни, получивший распространение в ряде гуманитарных наук (социологии, культурологии, литературоведении и др.)[1], основывается на концептуальной трактовке тезауруса как формы существования гуманитарного знания: тезаурус *в слове и образе* воспроизводит *часть действительности, освоенную социальным субъектом (индивидом, группой).*

Определение тезауруса своим семантическим ядром имеет представление 0 некотором запасе, накоплении, богатстве, которые вполне резонно можно называть сокровищем (что и означает соответствующее слово греческого языка). В образной форме такого рода характеристики часто даются невещественным ценностям. Говорят о сокровищнице языка, о богатстве знаний, о накоплении жизненного опыта и т.п. Но из этого не следует, что для обозначения богатства информации недостаточны понятия объема, меры, ресурсов и нужно особое понятие с несколько неясным значением *сокровища.*

Назначение понятия «тезаурус» в понятийной системе гуманитарных наук, в частности социологии, выявляется тогда, когда необходимо отразить *полноту* некоторого знания (информации), *существенного* для некого субъекта по какому-либо основанию. Здесь сочетаются две важнейшие характеристики понятия: первая оставляет в тени, на периферии мыслительного акта измеряемые признаки информации (объем, мера) и обозначает лишь то, что информация полна, то есть по каким-то соображениям признана *достаточной* для каких-то целей. Полнота, таким образом, является здесь не количественной, а качественной характеристикой. В частных науках тезаурус может, разумеется, измеряться по определенным показателям (например, в информатике). Однако обобщенное понимание тезауруса предполагает, что не имеет значения, какими способами измеряется полнота знания, освоенного субъектом, важно лишь то, что ее наличие составляет атрибут тезауруса.

[1] См.: *Луков Вал.А., Луков Вл.А.* Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93—100; Они же. Гуманитарное знание: тезаурусный подход // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2006. № 1. С. 69—74; Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского. / Под общ. ред. Вал.А. Лукова. М.: Изд-во Нац. института бизнеса, 2006.

Вторая характеристика находится в зоне ценностей и ценностных ориентаций. Существенность того знания, которое составляет тезаурус, предопределена субъектом: его целями, потребностями, интересами, установками. В целом можно сказать, что там, где о знании может быть сформулирован тезис относительно его (знания) полноты и существенности для субъекта, мы имеем дело с какими-либо тезаурусами.

Общей для понятия «тезаурус» в различных сферах гуманитарного знания может быть признана также такая характеристика, как *систематичность.* Разумеется, тезаурус, как и любой объект действительности, может быть представлен в виде системы. Но когда мы говорим о систематичности как его свойстве, то имеем в виду нечто другое. Тезаурус систематичен в том смысле, что самую разнообразную информацию подвергает систематизации по какому-то определенному основанию, выстраивая иерархическую структуру знания. Он систематичен в том смысле, что систематизировать информацию — и есть его важнейшая задача. Весь вопрос, в каком направлении происходит эта систематизация. Здесь специфика тезауруса проявляется наиболее ярко: систематизация данных в тезаурусе строится не от *общего* к *частному*, а от *своего* к *чужому. Свое* выступает заместителем *общего.* Реальное *общее* встраивается в виртуальное *свое,* занимая в структуре тезауруса место *частного.* Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим). В этом отличие тезаурусной иерархии знаний от структуры научного знания.

В литературе встречается представление о разделении *своего* и *чужого* как свойства или порождения локальных культур. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание В.М. Межуев, который отмечает, что этническая культура подобна натуральному (но только духовному) хозяйству своей самодостаточностью: «Принципом ее существования является изоляционизм, резкое противопоставление „своего" и „чужого" (только свое считается нормой и ценностью), обостренная вражда и неприязнь ко всему, что выходит за границы собственного мира. „Чужак" здесь почти что враг, а чужие обряды и обычаи воспринимаются как нелепые и достойные насмешки»[1]. Такого рода культурные феномены, без сомнения, имели место в прошлом, имеют место и сейчас, но противопоставление *своего* и *чужого* не принадлежит только традиционному обществу, это универсальный способ ценностной типизации.

Деление на *свое* и *чужое* может сопровождаться толерантностью к несходным мнениям, открытостью к другим культурам, сама граница *своего* и *чужого* подвижна. И именно в этом аспекте тезаурусная организация знания рассматривается нами как отличающаяся по своему системообразующему основанию от объектной организации знания.

Почему возникает потребность в такой смене основания системы? Она появляется в силу *основного назначения тезауруса* для субъекта — *ориентировать его в окружающей среде* и обеспечивать таким образом жизнеспособность субъекта. Тезаурус и выражает ту сторону всякого знания, освоенного субъектом, которая состоит в его (знания) способности применяться субъектом для того, чтобы наи-

[1] *Межуев В.М.* Философия культуры. Эпоха классики: 2-е изд. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. С. 33.

лучшим образом сориентироваться в окружающем мире как на уровне повседневности частной жизни отдельного человека, так и на уровне великих событий мировой истории. Такая ориентация вовсе не сводится к адаптационной стратегии. Напротив, важным механизмом ориентации является творчество, эксперимент, дестандартизация. Творческое начало в тезаурусах представлено неравномерно, но оно является непременным компонентом конструирования реальности и разрешения конкретных ситуаций. Очевидна роль творчества в тезаурусах писателей, ученых, режиссеров, дизайнеров и других людей так называемых творческих специальностей. Но не меньше творческих задач приходится решать, например, столяру. Здесь существенны не объем и масштабность творческих задач, а само наличие творческого элемента в ориентационных действиях.

Полнота, существенность, систематичность и ориентирующее назначение составляют четыре базовые характеристики тезауруса. Пятую, противоречащую им и одновременно их дополняющую, составляет такое свойство тезауруса, как *избыточность.* Избыточность в данном случае означает наличие в тезаурусе таких знаний, которые не предназначены непосредственно для ориентации в жизненном мире. Собственно, и опосредованную связь с какой-либо прагматической целью уловить бывает крайне сложно и вряд ли необходимо, поскольку назначение такой информации как раз в том и состоит, что *человек — существо непостоянное* (У. Шекспир). Впрочем, и человеческие общности могли бы характеризоваться так же. Избыточность как свойство тезауруса выступает как своего рода защитный механизм от застоя и его неизменного следствия — деградации. Возможность сочетать в ориентационном комплексе полноту (достаточность) знаний, составляющих тезаурус, с лишними знаниями в смысле их избытка для целей ориентации субъекта в окружающей среде предопределяет вариативность в поведении и размышлениях людей, готовит почву для проявлений любопытства, легкомыслия, романтизма и т.п. В любви и дружбе это свойство тезауруса получает широкий простор для развития — в полном смысле слова расцветает. В функциональном отношении, так сказать, ортогонально четырем другим основным свойствам тезауруса оно если не антисистемно, то по крайней мере несистемно, хотя находится с системой в одном поле и связано множеством взаимопереходов. Оно придает живость, динамику тезаурусу и делает его менее предсказуемым и потому более загадочным и интересным.

В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой *субъектно организованное гуманитарное знание.*

Возможно, такое определение в некоторых его частях не кажется достаточно строгим, но оно позволяет прояснить суть тезаурусного подхода к изучению действительности и, как следствие этого, показать его связь с социальными идеями, получившими распространение в XX — начале XXI века. Среди этих идей — габитус Пьера Бурдьё, структурация Энтони Гидденса, фреймы Ирвинга Гофмана и ряд других, пришедших из социальной мысли Запада. Но в некотором роде

увлечение в новейшей российской социологии западными теориями делает *наше* знание о *нашем* обществе неточным: работает тезаурусный принцип переструктурирования действительности по меркам социального субъекта. Признавая значимость тех обобщений, которые в социологию пришли с Запада, мы все же не считали бы тезаурусную концепцию достаточно эвристичной для анализа российских социальных и культурных реалий, если бы она не имела параллелей с оригинальными идеями тех отечественных ученых нашего времени, которые обладают высокой степенью независимости и смелости суждений и талантом концептуализации в сфере гуманитарного знания.

Виднейшей фигурой в числе таких ученых является Александр Александрович Зиновьев, выдающийся русский философ, социолог, писатель. И в его *идее человейника* мы находим важную опору для развития тезаурусной концепции.

«Человейник» — одно из тех понятий-метафор, введенных А.А. Зиновьевым, которые придают его социологической концепции неповторимость. Многообразные таланты автора наложили отпечаток на понятийную систему его логической социологии и предопределили, с одной стороны, поворот Зиновьева к теоретическим конструкциям, которые, казалось бы, давно ушли в область истории науки (органицизм и др.)[1], с другой стороны, разработку новых тем или новых аспектов тем гуманитарных наук, которые в итоге составили теорию общества с высоким прогностическим потенциалом и в то же время далекую от концептуальных схем и понятийных систем современной социологии, несущей на себе явные следы трактовок мира в категориях западной его версии.

Социологическая концепция А.А. Зиновьева — плод его многолетних размышлений, анализа социальной реальности, понимания человека в обществе. Окончательную форму она приобрела в последние шесть лет его жизни, в период работы в Московском гуманитарном университете, где Александр Александрович вел занятия в Школе Зиновьева. По материалам читавшегося в МосГУ курса А.А. Зиновьев подготовил и опубликовал (в двух изданиях) свою *«Логическую социологию»,* ее темы вошли и в *«Фактор понимания».* Ранее оформившееся в рамках зиновьевского учения об обществе понятие «человейник» здесь раскрыто в его главных характеристиках. Автор иногда оговаривает соответствие своего авторского понятия «человейник» принятому в гуманитарных науках понятию общества[2], но это делается скорее для простоты понимания предмета разговора. В *«Логической социологии»* и *«Факторе понимания»* он подчеркивает, что объединениями людей такого типа, которые он называет человейником, являются не все человеческие объединения. Признаки человейника, по Зиновьеву, таковы:

а) члены человейника живут совместно исторической жизнью, воспроизводя себе подобных людей;

б) вступая в регулярные связи с другими членами человейника, они живут как целое;

[1] Мы подробнее характеризуем эту сторону научного творчества А.А. Зиновьева в выступлении на круглом столе «Александр Зиновьев: мыслитель и человек» (Вопросы философии, 2007. № 4. С. 56-59) и на заседании Русского интеллектуального клуба, посвященном памяти А.А. Зиновьева (Русский интеллектуальный клуб: Стеногр. заседания и др. материалы. Кн. 5. / Под ред. И.М. Ильинского. М.: Социум, 2007. С. 204-207).

[2] См., например: *Зиновьев А.Л.* Фактор понимания. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 221.

в) в составе целого их характеризует разделение функций и, соответственно, различие занимаемых позиций (идущих от природных различий, или в силу условий человейника); совместными усилиями члены человейника обеспечивают его самосохранение;

г) человейник занимает и использует определенное пространство, в пределах которого обладает автономией внутренней жизни, которую поддерживает и защищает от внешних угроз;

д) человейник обладает внутренней идентификацией, то есть «его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих»; внешней идентификацией, то есть «люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человейника осознают их как чужих»[1].

Ориентационный комплекс, представленный в пункте «д», содержит прямую параллель с тезаурусной концепцией. Однако было бы недостаточным утверждать лишь это, особенно с учетом того, что человейник у Зиновьева не только понятие (каковым оно предстает прежде всего в *«Логической социологии»* и затем в *«Факторе понимания»,* но и концепт, что особенно заметно в зиновьевском научно-художественном творчестве. Человейник оказывается богат смыслами, которые выдвигаются на передний план там и тогда, где и когда наступает их час.

Обратим внимание: когда у Зиновьева в его научных трудах и повестях появляется слово «человейник», то это не просто сращение «человека» и «муравейника» (достаточно естественная связь по аналогии, часто применяемая на бытовом уровне). Придавая неологизму понятийный (а мы бы еще раз уточнили — концептный) характер, Зиновьев закрепляет за ним смысл, который разрушает естественную аналогию. В *«Глобальном человейнике»* (социологически-футурологической повести, по определению автора) Зиновьев пишет: «...Наш человейник отличается от муравейника тем (среди прочих признаков), что в нем во всех частях, во всех сферах, во всех разрезах, во всех подразделениях, на всех уровнях структуры, всегда и во всем идет ожесточенная борьба между „человьями", прикрываемая и сдерживаемая, но одновременно обнажаемая и поощряемая всеми достижениями цивилизации»[2]. Не без сарказма Зиновьев замечает, что ученые доказали большую устойчивость общества врагов, соблюдающих правила вражды, в сравнении с обществом друзей, нарушающих правила дружбы.

Можно было бы возвести этот дополнительный оттенок человейника в гоббсовскому «человек человеку волк», либо рассмотреть в ряду концепций XX века (от агрессивных концепций геополитики до соответствующих аспектов теорий повседневности[3]). Но этим суть зиновьевской теории общества не становилась бы яснее, а обращение к *идее человейника* в связи с тезаурусным подходом было бы и вовсе непонятным.

[1] *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 200. См. также: *Зиновьев АЛ.* Логическая социология: 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. С. 54-55.

[2] *Зиновьев АЛ.* Глобальный человейник. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 19-20.

[3] Например, у Бурдьё говорится о «коллективной повседневной борьбе» (*Бурдьё П.* Начала. Choses dites: Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 185).

Выделим основные позиции социально-философской и социологической теории Зиновьева, непосредственно относящиеся к проблематике, которая имеет значение и для тезаурусной концепции.

1. *Проблема исходных элементов бытия человека.* Особенность трактовки Зиновьевым сущностей, составляющих краеугольные камни человеческого бытия, состоит в том, что он видит в них не высшие истины, требующие и заслуживающие постижения, а, напротив, простые, примитивные и даже пустые основания, которым сложность и краски видимого бытия придает их нагромождение, комбинаторика. Зиновьев устами героя *«Глобального человейника»* утверждает, что чем пустее и примитивнее эти конечные элементы некой подлинности, тем грандиознее и ярче вырастающая на их основе видимая цивилизация. «Подлинность, скрывающаяся за видимым спектаклем бытия, оказывается ничуть не подлиннее самой видимости. Видимость отбросила подлинность куда-то на задворки бытия, завоевав статус подлинности. И наоборот, чем грандиознее и ярче становится видимая оболочка нашей цивилизации, тем серее, пустее и ничтожнее становятся ее основания»[1].

Оставим в стороне авторскую дистопическую[2] установку и отнесемся к зиновьевскому размышлению как к констатации закономерностей, свойственных человеческому способу восприятия действительности и более того — ее конструированию в формах знания (то есть переведем обсуждение в русло тезаурусной тематики). В этом случае мы увидим каркас тезауруса как довольно примитивную в своей простоте дихотомию «свой-чужой», способную, разумеется, обрастать усложненными формами знаниевой дифференциации и многослойной, многокрасочной, многозначной картиной мира. Но это усложнение формы, во-первых, не мешает первоэлементам тезауруса оставаться тривиальными. Во-вторых, означает, что при определенных обстоятельствах (в рамках определенных событий) усложненные формы освобождаются от флера культуры (образованности, интеллигентности, высокого художественного вкуса и т.д.) и выступают наружу в неприглядном виде грубости, цинизма, пошлости и т.д. Если принять трактовку сущностных оснований человеческого бытия за исходную, образование и распадение тезаурусных конструкций оставят намного меньше неясностей.

2. *Проблема внутреннего мира человека.* Парадоксальным образом переосмысливается Зиновьевым и проблема внутреннего мира человека, которая возвышается, так сказать, алтарем гуманитаристики. К ней в конечном счете направлены поиски таинств человеческой души и оснований человеческого духа. Зиновьев же с безжалостностью мизантропа утверждает: «Наш мир есть мир величин, причем — величин огромных. Отдельный человек с его индивидуальной судьбой исчезает в этих величинах как безликая единичка не просто в нашем субъективном восприятии и описании реальности, а фактически, в самой объективной реальности. Тут не индивидуальные личности складываются

[1] *Зиновьев А.А.* Глобальный человейник. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 290.

[2] Дистопии выводят образ будущего не из отрицательных последствий для человека идеальной социальной организации, а из негативных тенденций, обнаруживаемых сегодня: экологического кризиса, преступности, войн, биологической и психической деградации человека под воздействием наркотиков и т.д. В таком дистопическом духе предстает мир середины XXI века в «Глобальном человейнике» Зиновьева.

в большие величины — в тысячи, миллионы и миллиарды, а безликие величины распадаются на столь же безликие единички. Личностей тут вообще нет»[1]. С точки зрения тезаурусной концепции, аргументация этого тезиса Зиновьева, представленная в *«Глобальном человейнике»,* заслуживает особого внимания, поскольку она приоткрывает завесу над действительным строем тезаурусных конструкций, освоенных в массах людей.

Зиновьев устами Ала, центрального персонажа *«Глобального человейника»,* отражающего авторский взгляд на мир, замечает: «Когда мыслители пишут и говорят о внутреннем мире человека, то сыплются имена Аристотеля, Платона, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Гойи, Данте, Рабле, Шекспира, Бальзака, Достоевского, Толстого, Моцарта, Бетховена, Канта, Гегеля, Ньютона, Кампанеллы, Руссо и т.д. Потом в ход идет статистика — сколько выпускается книг, фильмов, видеокассет и т.д., сколько имеется писателей, художников, артистов, музыкантов, ученых, профессоров и т.д. Создается впечатление, будто каждый человек таит в себе все эти духовные богатства и является потенциально Аристотелем, Платоном, Шекспиром, Данте, Достоевским и т.д. Но вот анализ „овеществленных душ" миллионов образованных и культурных людей показал, что 95 % из них потребляло продукты духовного производства вообще без единой мысли в голове, а у пяти процентов еле шевелились мыслишки, да и то такие, каких они не высказывали вслух... Наш мозг развивался вовсе не для создания богатств внутреннего мира, а лишь для борьбы за богатства мира внешнего»[2]. Демистификация человеческого знания существенна для теоретического осмысления тезауруса, который лишь в аспекте *субъектной культурологии* может ассоциироваться с миром высших достижений человеческого творчества. В условиях обыденности было бы большим преувеличением возлагать на «среднего человека» ответственность за культурную неразвитость и духовное убожество. Сама идея неразвитости и убожества может обсуждаться только в условиях известного консенсуса относительно культурной нормы, а точнее — императивного характера социальной нормы относительно культурного эталона личности. По большей части такого рода императивы — порождение тоталитарных тенденций в государстве и обществе, и лишь в некоторых сферах (в частности, в образовании, профессиональной подготовке специалистов) они приемлемы и имеют практический смысл.

Собственно, сама постановка данного вопроса исторически изменилась, и парадокс внутреннего мира человека, вскрываемый Зиновьевым, стал актуален в отношении людских масс (а не отдельных сословий) относительно недавно. Русский философ отмечает, что проблема человека как личности выдвинулась как проблема социальная со второй половины XX века, поскольку именно тогда впервые появилась возможность для формирования людей как индивидуализированных личностей не в порядке исключения, а в массовых масштабах. «Но, — добавляет Зиновьев, — одновременно вступили в силу факторы, исключающие реализацию этой возможности. С одной стороны, у отдельных народов „Я" стало играть заметную роль в их менталитете и в итоге возникла

[1] *Зиновьев А.Л.* Глобальный человейник. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 45.

[2] Там же. С. 35.

Я-цивилизация, которая развила сверх всякой меры самомнение людей и потребность у них становиться индивидуализированными личностями. С другой, таковая потребность самим фактом множественности испытывающих ее людей „исключает возможность удовлетворения этой потребности для подавляющего большинства из них"»[1].

3. Проблема переконструирования людьми условий своего бытия. Зиновьев утверждает, что «люди сами в какой-то мере приспосабливают условия своего бытия к своим качествам, — люди определенного типа создают соответствующий их характеру тип СО»[2]. Тут «зависимость двусторонняя»[3]. Это утверждение только по видимости легко принять, и Зиновьев подчеркивает, что оно не только не общепризнано, а общеотвергнуто: «Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм»[4]. Иными словами, Зиновьев отвергает идею социального порядка как строительство универсальной формы, в идеале соответствующей любому народу, любому «Мы». В своем роде утверждение русского социолога есть аналогия гипотезы Сепира-Уорфа, представленной не в лингвистической, а в социально-философской своей ипостаси. Если верно, что средства языка предопределяют для его носителя границы и каналы восприятия мира, то верно и то, что накопленный народами опыт социальной и культурной жизни задает схемы восприятия и освоения окружающего мира. Собственно, в этом же духе строятся теория фреймов И. Гофмана, теория структурации Э. Гидденса, теория габитуса П. Бурдьё и др. Особенность взгляда Зиновьева состоит в том, что свое понимание вопроса он связывает с динамикой образования и распада «Мы» как результата длительной социобиологической эволюции. «В этом процессе происходило одновременно распадение первичного «Мы — Я» на множество «Я» и образование нитей, связывающих их в «Мы». У различных народов развивались различные формы «Я» и «Мы», а также различные формы их взаимоотношений»[5]. Наиболее существенно то, что в этом процессе за человеком остается активная функция воздействия на создания других, что в западной социологии обычно оказывается на заднем плане. По Зиновьеву, «человек должен чувствовать, что он занимает определенное место в сознании других людей, причем место, с его точки зрения, адекватное его собственным представлениям о себе. Он должен ощущать, что он не является излишним, что другие не являются полностью индифферентными к нему. И он сам должен ощущать потребность в других людях. Последние должны занимать адекватное место в его сознании»[6]. Это положение Зиновьев рассматривает в качестве закона, причем закона, наиболее очевидного и осознаваемого в таком качестве. В этом взаимодействии с другими субъект и производит переструктурирование

[1] *Зиновьев АЛ.* Глобальный человейник. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 41-42.

[2] Под аббревиатурой СО Зиновьев имеет в виду социальную организацию (*Зиновьев А.А.* Фактор понимания. С. 219).

[3] *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. С. 227.

[4] Там же.

[5] *Зиновьев АЛ.* Глобальный человейник. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006. С. 346.

[6] Там же.

действительности. Если у Бергера и Лукмана социальное конструирование реальности — это, прежде всего, ментальный процесс и особое знание о реальности, то у Зиновьева речь идет и о самой реальности как таковой, переструктурирование которой под воздействием субъекта происходит не только в его голове, но и объективно.

Собственно, и ментальная сфера у Зиновьева понимается достаточно широко, чтобы захватывать и этот объективный аспект мира. Функции менталитетной сферы Зиновьев классифицирует, выделяя три главных: 1) разработка, хранение и навязывание людям определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок); 2) вовлечение людей в определенные действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям; 3) контроль за мыслями и чувствами людей и организация их на такой контроль в отношении друг друга»[1]. Назначение менталитетной сферы русскому мыслителю видится в том, чтобы контролировать и регулировать внешние влияния, ограничивать или вообще исключать их. «Насколько это удается практически, настолько это характеризует степень эффективности ментальной сферы»[2].

Зиновьевский человейник экзотичен только в первый момент. В его более детальной разработке обнаруживаются свойства, которые хорошо объясняют многообразие проявлений общественных свойств людей, причем не только на уровне повседневных контактов узкого круга лиц, но и на макросоциальном уровне, и на уровне оценки свойств и процессов в сверхобществах. Для тезаурусной концепции существенны позиции Зиновьева относительно обозначенных выше тем. Возможно, более всего учет зиновьевских идей важен при трактовке тезаурусного подхода как субъектной культурологии, где предстоит на теоретическом уровне преодолеть диссонанс между шедеврами культуры и высшими достижениями человеческого духа, с одной стороны, и ничтожностью культурного бытия множества людей, с другой.

[1] *Зиновьев А.А.* Логическая социология. С. 116.

[2] Там же. С. 117.

И.А. МИХАЙЛОВ,
профессор, политолог, публицист

Момент истины для России

В беседах с Александром Александровичем Зиновьевым, начиная с 1999 года, мы обсуждали проблемы, связанные с конкретными политическими ситуациями, которые складываются в мире. И затем они продолжились в рамках нашего Российского интеллектуального клуба, которым в последние годы руководил Александр Александрович. Многие его идеи и аналитические выкладки помогают нам понять процессы, которые происходят сегодня.

Заканчивается длительный период в истории России, период поиска своего места в мире. XX век после всех экспериментов, проделанных с народом и страной, после распада СССР завершался вопросом: выживет ли российское государство? Начало XXI века показало, что оперативные меры, предпринятые руководством страны, начиная с 2001 года, и благоприятная ситуация на мировом рынке углеводородов помогли избежать сползания нашего государства в пропасть. Главное, что требуется сегодня для успешного развития государства, — это спокойный, без потрясений, созидательный период мирного развития в 20—30 лет.

Но набирающая мощь и влияние в мире Россия вызывает опасения у многих западных политиков и, в первую очередь, в США. Сильная и влиятельная Россия не вписывается в стратегию официального Вашингтона, который стремится утвердить на планете однополярный мир. Так, например, еще в 1992 году был рассекречен документ Пентагона, в котором в частности сказано: «Нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой СССР. Нашей стратегией должно быть предотвращение возникновения любого потенциального будущего глобального соперника».

Стремясь развивать в себе комплекс победителя, Вашингтон пытается убедить мир в своей победе в Холодной войне.

Факты свидетельствуют: СССР в конце 80-х годов, проводя политику «перестройки», самостоятельно закончил Холодную войну с Западом. По инициативе Москвы были выведены советские войска из Восточной Европы, состоялось объединение в единое государство двух Германий. В одностороннем порядке Советский Союз пошел на сокращение тактического ядерного оружия. В 1987 году лидеры тогдашних соцстран подписали Берлинскую декларацию об одновременном роспуске НАТО и Организации Варшавского договора. В 1991 году ОВД перестал существовать.

Вначале советские, а затем российские лидеры, надеясь, что Запад по достоинству оценит односторонние шаги в деле сокращения вооружений и стремление Москвы к взаимопониманию, ответит взаимностью, продемонстрировали непозволительную в международных отношениях наивность. Запад взаимностью не ответил. Более того, в свою очередь Вашингтон не скрывал, что, пользуясь подат-

ливостью и услужливостью Кремля при Б. Ельцине, стремился активно управлять последствиями распада СССР.

Политика уступок и геополитического отступления продолжалась и после президентства Б. Ельцина. Так, к примеру, в спешке были закрыты в 2002 году российские военные базы в Камрани (во Вьетнаме) и Лурдосе (на Кубе). Недавно российские солдаты досрочно ушли и из Грузии... К сожалению, эти решения были приняты без учета мнений многих военных аналитиков, в том числе и из Генерального штаба России, заявлявших, что поспешность с закрытием баз не в российских интересах. Не так давно по просьбе Вашингтона Россия списала государственный долг Ираку в объеме девяти миллиардов долларов, стране, которая сама успешно добывает немалое количество нефти.

На роспуск Организации Варшавского договора, распад СССР, на уступки российских политиков Запад ответил расширением НАТО на восток, переманиванием бывших союзников России, стремлением к окружению российского государства военными базами и режимами, которые подконтрольны и дистанционно управляются из Вашингтона... Например, под предлогом борьбы с международным терроризмом, Вашингтон с 2001 года все активней проникает в зоны влияния России в Средней Азии. Так появились американские военные базы: «Манас» в Киргизии и «Ханабад» в Узбекистане. (После 2005 года, когда произошли волнения в стране, американскую базу официальный Ташкент закрыл.) Просматривается интерес Вашингтона на влияние на политическую жизнь в Казахстане и Туркмении — странах, обладающих немалым потенциалом природных ресурсов.

Держать Россию на «коротком поводке», заставлять заниматься бесконечными локальными проблемами и конфликтами, не давая возможности играть заметную роль в мировых делах, — такова была основная доминанта в политике Запада до недавнего времени. Надо признать, это не новый подход западных политиков к взаимоотношениям с Москвой. Так в середине XIX века подобная политика Западной Европы вызывала неприятие в российском обществе. Известный писатель и общественный деятель XIX века И.С. Аксаков в 1867 году писал: «Мы то и дело навязываемся ей в родню и дружбу, она то и дело отталкивает нас и твердит: вы мне не свои... Мы охотно принимаем участие в затруднительном состоянии Европы, и не иначе как с благою целью; она не принимает в нас никакого участия, иначе как с целью нанести вред русскому интересу...»

Западные и, в первую очередь, американские лидеры, привыкшие в 90-е годы говорить с Кремлем в снисходительном, порой, назидательном тоне, в последнее время все чаще стали слышать из Москвы критические, жесткие оценки их деятельности в мире. Россия устала от постоянных упреков и наставлений. В Москве не могут не замечать, как Запад не выполняет взятых обязательств не расширять НАТО на восток в обмен на объединение двух Германий. Давно уже германский народ имеет единое государство, а Североатлантический альянс уже граничит с Россией и на западе, и на севере, и на юге.

Российские политики неоднократно давали сигналы Западу, что подобная деятельность не устраивает Москву и несет угрозу российским интересам и безопасности в мире. Наиболее резкая критика прозвучала 10 февраля 2007 года на международной конференции по политике и безопасности в Мюнхене, где выступил тогдашний президент В. Путин. Он не обошел ни одного наиболее острого вопроса

мировой политики, подвергнув критике стремление Вашингтона экспортировать демократию в страны «третьего» мира, попытки США навязать другим государствам свои нормы и волю, размещение американской ПРО в странах Европы и нарушение международного права... Этот сигнал Москвы на Западе был услышан, но недооценен. В Вашингтоне еще интенсивней продолжили политику укрепления позиций своих союзников у российских границ, поддерживая антироссийские настроения на Украине, в Грузии, странах Прибалтики, Польше, не отказались от размещения ПРО в Европе. Вскоре после Мюнхена в западных СМИ значительно усилилась и критика лично В. Путина и политического курса Москвы. Все чаще на Западе стали появляться статьи и телерепортажи о том, как ущемляются демократические права и свободы в современной России. Это и понятно. Страна, которая возражает или критикует Вашингтон, демократической там признаваться не может. Что же касается самой Америки, то она способна под пропагандистские барабаны нарушать международное право как угодно. Достаточно вспомнить, что XX век Америка закончила военной операцией против Югославии, а XXI столетие Вашингтон начал войной в Ираке, не имея соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН.

Достижения современной России, рост ее влияния в мире все более раздражали Вашингтон и ряд его союзников в Европе. И хотя встречи на высшем уровне, политические переговоры российских лидеров с главами западных государств проходили в дружественной обстановке, напряженность в отношениях Москвы и Вашингтона в последние два года нарастала. Момент истины в диалоге с Западом для России наступил 8 августа 2008 года, когда Грузия обрушила всю свою военную мощь на мирные села и столицу Южной Осетии Цхинвал. Погибли сотни мирных жителей и российские солдаты-миротворцы. Казалось, что вскоре после военного нападения западные поборники демократии и прав человека разгневанно адресуют Тбилиси жесткие заявления и потребуют остановить убийство миротворцев и мирных граждан. Но словно в театре абсурда, западные СМИ и политические деятели после недолгого замешательства обрушились на Россию с обвинениями в агрессии против Грузии.

Уместно вспомнить, что 11 сентября 2001 года, когда весь мир узнал об атаке террористов, В. Путин позвонил Д. Бушу и, выразив соболезнование, принял решение о сотрудничестве вместе с США в борьбе против международного терроризма. Когда 8 августа В. Путин в Пекине сообщил о грузинской агрессии и гибели людей, американский президент заявил, что эта война никому не нужна. Но словами дело и ограничилось, люди продолжали гибнуть. И Россия вынуждена была встать на защиту осетинского народа.

В свою очередь президент США Д. Буш заявил, что российские войска вторглись на территорию соседнего суверенного государства, что несет угрозу грузинской демократии. «Такие действия неприемлемы в XXI веке», — отметил президент США. Министр иностранных дел Великобритании Д. Милибэнд заявил, что «российская агрессия не должна остаться без ответа». С Запада послышались угрозы в адрес России.

Сегодня, по прошествии трех месяцев после войны, подобные угрозы западных политиков в адрес России, их активная помощь Тбилиси, как до войны, так и после, демонстрируют лишний раз истинное отношение к российскому народу и государству.

Даже британская газета «Гардиан», которую трудно заподозрить в симпатиях к Москве, говоря о западных лидерах, обвиняющих в агрессии Россию, написала: «Не те ли лидеры, что в 2003 году по странному стечению обстоятельств вместе с Грузией под ложным предлогом вторглись в суверенное государство Ирак и оккупировали его ценой сотен тысяч жизней?»

Анализ ситуации, предшествовавшей войне на Кавказе, показывает, что режим Саакашвили при поддержке США целенаправленно готовился к вооруженной агрессии. Так, к примеру, если в 2003 году военный бюджет Грузии составлял 30 миллионов долларов, то в 2008 году он достиг отметки в миллиард долларов. И это при бюджете страны, где расходная часть составляет пять миллиардов долларов. В грузинском министерстве обороны перед нападением на Южную Осетию активно работали 140 американских военных инструкторов, а численность военнослужащих увеличилась незадолго до военных действий с 32 до 37 тысяч человек. За две недели до начала агрессии в пригороде Тбилиси были проведены грузино-американские военные учения под кодовым названием «Немедленный ответ». Они были полностью профинансированы Пентагоном (восемь миллионов долларов). В июле, накануне нападения Грузии, госсекретарь США Кондолиза Райе побывала в Тбилиси, как она заявила, «приехала в гости к другу». И вот этот друг и начал с 7-го на 8-е августа боевые действия, бросив бронеколонны и системы заппового огня против мирных сел и столицы Южной Осетии.

Все эти факты известны Вашингтону и Брюсселю. Но западные поборники демократии и соблюдения прав человека так решительно и не возмутились убийством миротворцев и мирных жителей. Нетрудно представить, что было бы, если бы солдаты, к примеру, какой-то азиатской страны начали убивать американских или английских солдат и методично вели артиллерийский и танковый огонь по мирному городу, где проживают американские граждане или британские подданные...

Конфликт на Кавказе и его интерпретация Западом в августе, признание Южной Осетии далекой Никарагуа на фоне молчания соседних стран-союзниц России, выдвигают острые вопросы перед российским руководством и заставляют сделать нелицеприятные выводы. Так, сегодня стало еще более очевидным, что СНГ и в вопросах безопасности неспособно оперативно принимать адекватные решения. Не поддержала должным образом Россию в трудные августовские дни и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Вопрос о поиске надежных союзников стоит перед Россией так же остро, как и сто лет назад. Не будет откровением напоминание о том, что наличие союзников зависит как от того, насколько богата и сильна Россия, так и от ее умения выстраивать дружественные отношения с другими государствами. Москва не сумела даже в своих ближайших соседях Белоруссии и Казахстане обрести на сегодня надежных союзников. Официальный Минск в этой непростой ситуации мог бы забыть мелкие обиды, но не захотел. Там ничего лучше не придумали, как в период конфликта начать давать сигналы Западу о своем стремлении налаживать и развивать отношения...

Конфликт с Грузией показал и всю остроту проблем в отношениях с Украиной. Наша многолетняя политика уступок Киеву не была оценена достойно. Президент В. Ющенко, проводя антироссийскую политику, разрешил продажу новейших систем вооружения Грузии. Оружием, сделанным на Украине, убивали

российских солдат и мирных граждан. По последним данным, возможно, украинские расчеты систем ПВО сбивали российские самолеты. Киев фактически встал на сторону агрессора в Пятидневной войне против России. В страшном сне такое не могло присниться нашим общим с украинцами предкам. Оружие, сделанное на Украине, продолжает поступать в Грузию и по сей день. Это, кстати, нарушает решение 1993 года, в соответствии с которым все государства-участники ОБСЕ, включая Украину, взяли на себя обязательство воздерживаться от поставок вооружений, которые вели бы к обострению или затягиванию существующего вооруженного конфликта.

Особого внимания заслуживает информационная война, которую развязали западные СМИ против России. В свое время великий философ Г. Гегель назвал чтение газет «утренней молитвой современного человека». Сегодня такой «молитвой» для большинства людей стал просмотр теленовостей. Я был свидетелем, находясь в августовские дни в Чехии и Германии, какие потоки лжи и дезинформации о действиях России хлынули на граждан Западной Европы 8-го августа и в последующие дни. Словно под копирку, все основные телеканалы бросали обвинения в адрес России. Путаясь в снятых сюжетах из разрушенного Цхинвала, заявляя, что это грузинский город Гори, называя беженцев-осетин грузинами, а установки залпового огня грузинской армии российскими... Западные тележурналисты сообщали, как жестоки и агрессивны русские солдаты. Надо отдать должное и тому, как тщательно к этой пропагандистской войне подготовились с помощью американских советников в Тбилиси. С телеэкранов часами не исчезали молодые и энергичные люди из команды грузинского президента М. Саакашвили, которые на английском языке красочно лгали о «российской агрессии». Да и сам грузинский лидер не сходил с экранов телевизоров. К сожалению, в те тяжелые дни агрессии российские политики так доходчиво не транслировали на Запад свою позицию. Очередной раз информационную войну Москва не выиграла.

Нельзя не отметить тот факт, что западные политики и идеологи, не стесняясь, используют ложь в своих интересах. Во время Балканской трагедии огромное количество ложных данных было использовано для того, чтобы обвинять во всех грехах сербов. А сколько было сказано американскими и британскими политиками и экспертами о наличии оружия массового уничтожения у Саддама Хусейна! Оружия, как известно, не нашли, Хусейна повесили и сегодня не знают, как уйти достойно из Ирака. Ложь была взята на вооружение и во время Пятидневной кавказской войны.

Пропаганда, как известно, — это тенденциозный подбор фактов. Информационная и пропагандистская войны с разной интенсивностью продолжаются против России. Стереотипы, взятые из арсеналов Холодной войны, успешно используются сегодня западными пропагандистами для достижения своих целей. Разбавляя ложь реальными фактами, западные СМИ держат целые народы в напряжении, манипулируя общественным сознанием, формируя ложный образ России. И что характерно, на Западе, и особенно в США, стало традицией среди журналистов в случае конфликтной ситуации, где как-то представлена Россия, считать Москву заведомо виновной, пока не будет доказано обратное. И война на Кавказе продемонстрировала правоту этих слов.

Вот почему перед российским политическим руководством стоит задача создания правдивого, а не искаженного имиджа России.

Разъяснять позицию Москвы необходимо активней и дипломатическим миссиям за границей. Недавние трагические события показали, что ситуацию в кавказском регионе не понимали даже профессиональные западные дипломаты. Так, министру иностранных дел России С. Лаврову пришлось объяснять бывшему госсекретарю США, известному политическому деятелю Г. Киссинджеру, как Абхазия и Южная Осетия оказались в составе Грузии, и роль в этом И. Сталина.

Что же произошло по прошествии трех месяцев в отношениях со странами Запада, какой урок необходимо извлечь после всех событий? Уходящая американская администрация не забыла Саакашвили. В Тбилиси побывал вице-президент США Д. Чейни и передал грузинскому режиму подарок в виде миллиарда долларов. Финансовую помощь оказала и Западная Европа, предоставив Грузии три миллиарда евро-кредитов, и это в разгар финансово-экономического кризиса! 18 сентября К. Райе разразилась жесткими обвинениями в адрес России в фонде Маршалла в Вашингтоне. И хотя в последнее время все больше правдивой информации появляется в западных СМИ об агрессии Грузии, политиков в Лондоне, Варшаве и Вашингтоне эта правда уже не интересует. Они свой выбор сделали. Запад консолидированно поддержал агрессора.

Пора и российским политикам делать выводы и менять многие стратегические установки. России необходимо становиться самостоятельным евразийским центром силы, и, выстраивая свои отношения и с Западом, и с Востоком, помнить о тех угрозах и вызовах, которые могут нанести ущерб ее безопасности. Необходимо прекратить практику развития дружбы и партнерских отношений на международном уровне за счет России и российского народа. Эта практика, введенная в XX веке, слишком дорого стоила нашему государству. Лишь один пример: за последние три года Россия простила внешние долги на 55 миллиардов долларов, из них свыше девяти миллиардов государственного долга Ирака, страны-экспортера нефти. И сделано это было по просьбе США.

Нельзя, к примеру, допускать, чтобы Россию откровенно выталкивали из Европы, а Москва делала вид, что не замечает этих процессов. России не нужна конфронтация или «новая холодная войн», но нельзя забывать, что дважды за прошлое столетие Мировые войны приходили в Россию с Запада. Как предупреждает в своей последней работе *«Фактор понимания»* Александр Зиновьев, Россия должна быть готова и к войнам нового типа, эволюционным, которые не будут восприниматься внешне как войны.

Агрессия Грузии и последующие шаги Западной Европы и США продемонстрировали кризис в европейской системе безопасности, нанесли серьезный ущерб климату доверия, сложившемуся за последние годы. Администрация Д.Буша оставила новому американскому президенту Бараку Обаме, помимо финансово-экономического кризиса и гигантского государственного долга, масштабные внешнеполитические проблемы и подорванную репутацию. Понадобится не один год, чтобы улучшить ситуацию.

Хотелось бы, чтобы в Вашингтоне, Париже, Берлине, Брюсселе, Пекине, Токио... осознавали, что современный мир взаимозависим и допускать, чтобы авантюристы и неадекватные политики могли создавать конфликтные ситуации между ядерными державами, — это опасно и безрассудно. Чтобы этого избежать, необходимо создание новой системы безопасности и доверия. От этого зависит прогресс и выживание на нашей планете.

Е.В. КАТЫШЕВЦЕВА,
кандидат исторических наук, доцент

Александр Зиновьев о двух исторических версиях «сверхобщества»

Это будет новый мир,
в котором не останется места
для уникального и неповторимого
феномена по имени «Запад»
А. Зиновьев

Происходящие на наших глазах процессы взрывоопасного роста напряженности в мире, идущего по линии — Запад под эгидой США и Россия, Запад и Незапад, направленного на расчленение «золотым миллиардом» «великого пространства», призванные привести к мировому господству узкий клан правящей мировой элиты, подтверждают обоснованную А. Зиновьевым еще в 90-е годы XX века идею Глобального сверхобщества. Между тем, творчество А. Зиновьева как методология исследования глобального мира и его социальных структур все еще остается недостаточно изученной. «И вновь испытываешь острое чувство досады, — говорит по этому поводу публицист Попов в беседе с видным итальянским политическим деятелем, членом Европарламента Д. Кьезой, — что бесценное теоретическое наследие Александра Зиновьева, типичного непризнанного пророка в своем отечестве ... сознательно умалчивается и идеологами нынешней власти, и ее противниками. Глубокое осмысление им действительной природы советского реального коммунизма, в зените своего развития вступившего в совершенно „непредвиденную" официальным марксизмом-ленинизмом стадию Сверхобщества, его социологические открытия и содержательные концепты о „неизвестной" природе постсоветского общества и теперешней „колониальной демократии" <...> остаются, к сожалению, во многом не востребованными и ведущей партией оппозиции - КПРФ» [5; 219-220].

В рамках данного выступления попытаемся рассмотреть актуальную для творчества философа проблему возникновения в современном мире феномена сверхобществ, двух основных его исторических моделей.

В чем суть феномена сверхобществ? Как возможно и чем обусловлено их появление? Ответы на поставленные вопросы логически следуют из социально-философской концепции жизни А. Зиновьева, обоснованной им в ходе критического переосмысления марксовой формационной теории.

Родившийся в середине XIX века, исповедующий исторический оптимизм, марксизм не оставил под сомнение факт физического бытия человеческого рода и его социальной жизни. Не случайно центральную проблему истории философия марксизма сводила к противостоянию труда и капитала, основное внимание концентрировала на процессах классовой борьбы, рассматривая соответственно исторический процесс как линейную зависимость.

Возникшая в условиях мировых войн рубежа XX—XXI веков, глобальных катастроф, набирающего темпы разрушения природной среды обитания человека и человечества, социальная концепция Зиновьева в центр своего внимания поставила изучение механизмов интеграции и самосохранения, выживания и жизни социальных организмов.

Исходя из очевидной аксиомы жизни как первого и главного условия бытия человека в мире, Зиновьев обосновывает свое понятие «человейник» как категорию для определения социального объединения людей, обеспечивающего им возможность совместной жизни в качестве исторического, территориального, хозяйственного и духовного целого. Ведущей тенденцией в развитии человейника как биосоциального организма, согласно философу, является его вертикальное структурирование, идущее по принципу соответствия искусственного естественному, сознательного биологическому. В реальности такой процесс, нацеленный на поиск наиболее адекватных форм самоорганизации социума с точки зрения его жизни и самосохранения, реализуется, по Зиновьеву, в создании адекватной социальной организации человейника, обладающей рационально-нормативной структурой самоуправления, а значит, и рациональным способом воспроизводства жизни социума.

Иными словами, Зиновьев характеризует человейника как рационально-нормативную социальную организацию, имеющую разную меру соответствия, адекватности управляющего социального мозга управляемому социальному телу в пределах меняющего исторического времени и пространства. Философ говорит о предобществах, которые «еще не являются организованными рационально», об обществах, «социальная организация которых является результатом сознательной деятельности людей» и сверхобществах, «поглащаюгцих рационализм обществ, но организующихся уже не по законам рациональности» [1; 190]. При этом новейший этап современной истории Зиновьев квалифицирует как происходящий в ней «эволюционный перелом», означающий переход от эпохи обществ к эпохе сверхобществ.

Что дает философу основание для подобного вывода?

Ответ на вопрос, согласно Зиновьеву, находится в плоскости определения социального качества сверхобщества и его признаков. Опираясь на свою главную методологическую идею жизни как фундаментальной основы бытия человека и общества, Зиновьев выделяет признаки существования сверхобществ. К ним он относит, во-первых, распространение в качестве массового феномена практики социально-проектного, т.е. искусственного вторжения в естественно-исторический поток жизни, что предполагает «делание будущего», «сознательное управление ходом истории» [3; 382—383]. Во-вторых, возникновение реальных сил, способных к осуществлению мировых преобразовательных процессов в действительности.

Обозначенные признаки позволяют философу выделить два варианта сверхобществ: коммунизм и западнизм, которые воспринимаются им не столько как оппоненты, сколько как зеркальные двойники.

Возникновение обоих сверхобществ философ рассматривает как результат повышенной активности феномена жизни. В случае коммунизма эта активность есть результат борьбы за сохранение жизни, в случае западнизма — страха ее по-

тери. Взяв жизнь за исходную точку возникновения обоих сверхобществ, философ «раскручивает» динамику эволюции обоих социальных феноменов.

Возникновение коммунистического сверхобщества в России явилось, по Зиновьеву, вариантом решения «проблемы выживания, создания общественного порядка в условиях краха российского самодержавия, разрухи в результате войны и развала всего российского общества» [1; 409]. Коммунистическое сверхобщество возникло как «принудительная организация масс людей сверху, — разъясняет свою мысль философ, — а не самоорганизация масс людей снизу» [1; 408]. Заметим в связи со сказанным, что в литературе коммунизм неоднократно рассматривался в качестве мобилизационной системы, призванной осуществить модернизацию и, прежде всего, индустриализацию страны, создать индустриальную культуру. «Человейниково-организмическая» логика Зиновьева позволяет ему принципиально расширить контекст и углубить смыслы данного подхода.

Для проведения модернизации, как известно, необходима социально-экономическая основа, человейник, а его в реальности, считает философ, не было. Был человеческий материал, социальные связи внутри которого фактически были утеряны; были неуправляемые в значительной мере массы — «социальная пустыня» [3; 220], которой противостоял небольшой островок социальной организации — «сравнительно небольшая группа людей, возглавлявшаяся большевиками и захватившая высшую власть в стране» [1; 408]. «Социум» такого рода, фактически, т.е. в силу отсутствия необходимой биосоциальной организации, находился на грани жизни и смерти, его возможной перспективой, считает Зиновьев, могла стать судьба «западной колонии уже в 20-е и 30-е годы» [1; 426].

В данных условиях речь, по Зиновьеву, могла идти не столько о модернизации, сколько о создании для нее социальной основы. Решить обе обозначенные задачи оказалась способна коммунистическая «сверхвласть», формировавшаяся параллельно с осуществляемым ею социальным строительством. «Власть строила новый человейник, — пишет Зиновьев, — человейник порождал эволюцию власти» [1; 408]. «Тут не власть приводилась в соответствие с неким существовавшим „экономическим базисом", — критикует Зиновьев псевдомарксистскую схему объяснения российской реальности, — а, наоборот, это „базис" создавался заново усилиями складывавшейся (в известной степени сложившейся) власти в соответствии с конкретными условиями» [1; 422].

Зиновьев выделяет жизненно важные линии формирования коммунизма в России: «1) система власти и управления; 2) социальная организация населения; 3) экономика; 4) идеология» [1; 417].

Не вдаваясь в подробности исключительно оригинального анализа Зиновьевым конкретных этапов советской истории, обратим внимание на выделенные философом заслуги коммунизма как реального сверхобщества. К ним философ относит, во-первых, создание скульптурно-четкого тела коммунистического «человейника», состоявшего из системы действующих по принципу коллективизма коммунистических «клеточек» со свойственной им «деловой демократией» [1; 473], позволившей людям «почувствовать себя носителями власти» [1; 426].

Во-вторых, создание плановой коммунистической экономики, обеспечивающей коммунистический «человейник» как целое, имея в виду обеспечение «стра-

ны материальными средствами, позволяющими ей выжить в окружающем мире, сохранить независимость, идти в ногу с прогрессом»; обеспечение «граждан общества средствами существования»; обеспечение «всех трудоспособных работой как основным и для большинства единственным источником средств существования»; «вовлечение всего трудоспособного населения в трудовую деятельность в первичных деловых коллективах» [1; 516].

В-третьих, построение мощной материальной культуры, несопоставимой с началом коммунистического строительства. «<„.> более 90 % объектов, — пишет Зиновьев, — создавалось заново, а не было лишь переделкой дореволюционного наследия» [1; 426].

В-четвертых, создание передовой системы образования. «Оказалось, что гораздо легче дать людям хорошее образование и открыть им доступ к достижениям культуры, чем дать им приличное жилье, одежду и пищу. Доступ к образованию и культуре был мощной компенсацией за бытовое убожество» [1; 430].

Развитие «сверхвласти» советского коммунизма шло путем подчинения и срастания ее с государственной властью Советов и образования на данной основе сверхгосударства. В свою очередь складывание сверхобщества, как общества «второго уровня», советской партийно-бюрократической, научно-технической и культурной элиты, шло одновременно с созданием на развалинах Российской империи общества как такового, ибо (по определению) сверхобщество возможно лишь как своего рода надстройка над обществом, включающая в себя общество и подчиняющая его себе.

Иными словами, сильная диктаторская власть в Советской России оказалась адекватной для ответа на главный вызов истории, который состоял в самосохранении всего советского человейника в целом, балансировавшего на грани выживания практически с момента его зарождения до середины 50-х годов. Подтверждение этой своей точки зрения философ усматривает в социальной органичности, а значит, жизнеспособности реального коммунизма.

«Коммунистический человейник, — утверждает в связи с этим Зиновьев, — сложившийся в советский период, не был случайным нагромождением разнородных и независимых друг от друга явлений. В нем различные его части, органы, ткани, сферы и т.д. были скоординированы, соответствовали друг другу, обусловливали друг друга, короче говоря, находились в органическом единстве, образовывали органическое целое. И как бы мы ни относились к нему, независимо от наших субъективных оценок, оно объективно было целостным социо-биологическим организмом» [1; 439].

Но если это так, то в чем причина гибели реального коммунизма?

Возведенная «сверхвластью» мощная плотина организации требовала адекватного ей, встроенного в нее человеческого потока коллективистов. Зиновьев подробно рассматривает проблему идеологической обработки людей, нацеленную на создание человека, «приспособленного жить в условиях коммунизма» [1; 531]. Призванная подавлять в человеке отрицательные качества (эгоизм, карьеризм, двуличность и т.п.) и развивать самые лучшие качества — честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к достойному поведению в коллективе» [1; 532], советская идеология позволила выжить Совет-

скому Союзу в труднейших условиях, победить в войне 1941 — 1945 годов Германию, стать второй сверхдержавой планеты, наконец, скрасить жизнь в условиях сверхорганизованного социума» [1; 533].

Однако в борьбе с объективными законами жизни, законами экзистенциально-эгоистического поведения людей кустарная советская идеология высших ценностей коммунизма потерпела поражение. Коллективистская идея успешно работала в условиях бедности бытовых условий жизни большинства населения, когда почти все блага люди получали благодаря государственному распределению и через трудовые коллективы... Как только общество стало богатеть и люди стали жить зажиточнее, коллективизм пошел на спад, и все сильнее обществом стаи овладевать индивидуализм.

Считая, «что рост благосостояния населения стал одной из причин краха нашего русского коммунизма» [1; 538], Зиновьев обращает внимание и на другую, внешнюю, причину его табели. Здесь фактором смерти советского коммунизма стал феномен жизни, а точнее страха ее потери, другой формой социальности — Западом.

Зиновьев выделяет два момента, определивших обострение витальной активности Запада. С одной стороны, философ обращает внимание на распространение влияния коммунизма в послевоенном мире, определившее «сокращение возможностей Запада в отношении колонизации планеты в своих интересах. Над Западом вообще нависла угроза быть загнанным в свои национальные границы, что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели» [1; 444]. С другой, он говорит об «исторической эволюционной панике», охватившей Запад в аспекте грядущего в будущем исчерпания природных ресурсов и экологических катастроф.

В обоих случаях: и в аспекте расширения сфер влияния, и в аспекте получения доступа к ресурсному потенциалу незападных стран борьба Запада за выживание означала борьбу за уничтожение коммунизма. Осмысливая обозначенную ситуацию в аспекте феномена жизни, Зиновьев делает вывод о том, «что понимание сущности исторического процесса в период Холодной войны как борьбы социальных систем — капитализма и коммунизма — было поверхностным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела, это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания" [1; 448].

Выдвинутая Зиновьевым трактовка Холодной войны содержит в себе три важных методологических вывода. Прежде всего она позволяет критически переосмыслить любые попытки конвергентного взгляда на современную историю, ставшего идейным истоком так называемого нового международного мышления периода горбачевизма. Кроме того, она создает реальную теоретическую предпосылку для осмысления новейшей политики Запада в отношении современной России. Наконец, обозначенная трактовка позволяет понять содержание и смысл социально-инженерной, проектной деятельности Запада, представляющего собой мощную, но обеспокоенную своими жизненными интересами и перспективами социальную силу. «Содержанием социального» творчества такой силы становится, по Зиновьеву, не созидание новых биосоциальных объединений, а разрушение «нежелательных социальных систем» [1; 301]. Так, Холодная война,

потребовавшая от Запада колоссальных людских сил и материальных средств на обеспечение эффективной гонки вооружений, мощной психологической и идеологической обработки населения СССР с целью деморализации людей, поощрения самых низменных чувств и стремлений, идейной, моральной и психологической атомизации советского общества, свидетельствовала, по Зиновьеву, о возникновении нового «западнистского сверхобщества», нацеленного на «сознательное и планируемое стремление организовать все человечество по принципам западнизма и под эгидой Запада» [1; 300].

Приведенные стоявшие перед Западом задачи определили черты формировавшегося здесь сверхобщества. В данном случае возникновение сверхобщества, считает философ, «имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, одним словом, в условиях «социальных джунглей» [2; 216]. Коль скоро это так, то «западнистское сверхобщество» вырастает здесь «снизу из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации» [2; 216]. Вертикальный вектор роста «западнисткого сверхобщества» определяет, по Зиновьеву, тот факт, что формирование его «происходит как выход за рамки социальной организации общества и даже их разрыв» [1; 559].

Философ закономерно ставит вопрос о возможности существования подобного «разорванного» социума и его «разорванных» институтов, актуализируя своей постановкой гоббсовскую идею о том, что покушение на общество и государство означает покушение на общественное состояние человека, возвращение его в состояние дикости и хаоса. «Разрыв рамок социальной организации обществ любого иного типа (кроме „западнистского" — Е.К.) может привести к гибели общества, — пишет в связи с этим философ, отмечая, однако, что на пути „западнизма" выход за рамки социальной организации общества не есть разрушение ее» [1; 559]. Так, девальвация старых (обычных) внутриобщественных механизмов регулирования, лавинообразное разрастание вследствие этого отношений коммунальное™ в условиях «западнизма», считает философ, хоть и означает «возврат к дообщественному» состоянию, но на принципиально ином, более высоком уровне, означающем как бы слияние в единое целое подразделений и функций социальной организации человейника. Стоящее за данной дескрипцией явление «западнистской сверхвласти», как ясно из контекста, предполагает «возрождение догосударственных, доправовых, доэкономических и т.д. явлений» [1; 597].

Приведенные рассуждения философа позволяют нам выдвинуть следующую гипотезу. Сверхобщество Запада возникает как своеобразный — зеркальный — двойник коммунистического сверхобщества. Если коммунистическое сверхобщество утверждает себя в социально-антропологическом смысле как феномен, нацеленный на решение по преимуществу конструктивных задач, то западнистское сверхобщество — задач деструктивных. Данное обстоятельство позволяет рассматривать западнистское сверхобщество, равно как и сверхобщество коммунизма, в качестве феномена жизни, но феномена опять-таки своеобразного. В том смысле, в каком деструктивность есть своеобразная форма жизни. Как пишет Э. Фромм, «деструктивность — ...это извращенная форма стремления к жизни; это энергия непрожитой жизни, трансформируемая в энергию разрушения действительной жизни» [7; 115]. Анализ Зиновьевым методов проектной деятель-

ности западнистского сверхобщества является блестящим подтверждением идеи великого американского психоаналитика на уровне поведения целых биосоциальных объединений людей, а не только в аспекте поведения отдельных деструктивных личностей.

Каковы последствия подобного глобального деструктивизма?

Размышляя о западнистском пути в будущее, Зиновьев обращает внимание на то, что этот путь предполагает максимально возможное для современного этана истории применение силы, применение сверхмощи западнистской военной машины. В настоящее время, пишет Зиновьев, к средствам Холодной войны добавились средства войны в привычном смысле — горячей войны. Теплая война распространилась на другие регионы планеты — Ирак, Балканы. «Есть достаточно серьезные основания утверждать, — считает философ, — что человечество уже вступило в эпоху новой глобальной войны» [4; 344].

Однако силовые методы, считает Зиновьев, не могут стать главным в осуществлении актуальной теперь для западнистского сверхобщества задачи — «дезинтеграции и атомизации Незапада, т.е. разделения его на сравнительно небольшие куски, ...независимые друг от друга и даже враждующие; по отдельности неспособные на независимое от Запада существование» [4; 351]. Осуществление такого эволюционного проекта предполагает кардинальную переделку человека, его менталитетной сферы, так как «вряд ли найдутся люди, которые будут довольные подобным устройством общества» [6; 198]. Последнее обстоятельство определило ведущую социально-инженерную установку западнистского сверхобщества в области идеологии, нацеленной, во-первых, на «ограничение интеллектуальных потенций миллиардов людей» [1; 111] и, во-вторых, на «приспособление менталитетных способностей людей» [1; 583] к интересам самого сверхобщества на основе осуществляющейся систематически стандартизации и даже «стерилизации» человеческого сознания.

Зиновьев обращает внимание на исключительную эффективность западнистской идеологической модели. В отличие от громоздкого и неповоротливого механизма коммунистической идеологии механизм идеологии западнизма буквально пропитал собой всю образовательную систему, масс-культуру. Осуществляемая таким механизмом «идеологическая обработка населения западных (и незападных — Е.К.) стран вообще построена не как принудительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей идеологии деятельность» [1; 368]. Эффективность идеологии западнизма определялась ее естественно-исторической аутентичностью, нацеленностью на идеологический гедонизм; приоритетом идеологического хаоса, т.е. «суррогата демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступных развлечений, предоставленности самим себе» [1; 632]; опорой на массовидность информации как средства «забить мозги до отказа, чтобы в них не осталось места ни для чего другого и чтобы отпала всякая потребность „шевелить мозгами",, [1; 596].

Само чтение романов и вузовских учебников, просмотр фильмов и телевизионных передач, посещение школьных уроков и повседневное потребление рекламы, считает Зиновьев, означает впитывание социальными индивидами идеологии западнизма, т.е. идеологии прославления всего западного: образа жизни, политики и экономики, системы жизненных благ, удовольствий и развлечений.

Заражая одних чувством превосходства и презрения, а других — чувством обделенное™ и зависти, формируя тем самым заданные поведенческие стандарты. В обоих случаях итогом идеологического воздействия становится эмоционально-примитивное, идейно-упрощенное, нацеленное на удовлетворение сугубо витальных потребностей, крайне живучее человеческое существо. «Сознание этого существа до отказа набито примитивными шаблонами, клише, пустышками, образцами поведения, соблазнами» [1; 596], так что просто не способно самостоятельно, как говорит Зиновьев, «шевелить мозгами» (как тут не вспомнить даосов с их излюбленной мыслью о мудрости пустого разума), значит, управляемо и податливо, т.е. пригодно как материал эволюционной деятельности западнистского сверхобщества.

Итак, размышляя по поводу социально-инженерной практики современных сверхобществ и, в первую очередь, западнистского, Зиновьев приходит к исключительно важному в контексте его социально-философской антропологии выводу. Жизненные интенции *сверхобщества западнизма,* предполагающие вторжение в *менталитетную* сферу человека, внедрение в его сознание посредством подчинения эмоционально-волевого механизма, есть путь к разрушению человека в качестве *активного члена человейника* [1; 112], и превращению его в частицу массового человеческого материала. В аспекте перспектив развития «Незапада» данный путь есть путь к разрушению социального соматизма незападных стран, т.е. исторически основной формы бытия человека и социума, при которой осмысленная «телесность» обществ с ее структурной «скульптурностью» и относительной гармонией перерождается в обезмысленную аморфную среду для жизни другого — *сверхобщественного* тела.

Данный вариант жизни, исходя из логики Зиновьева, есть глобальная форма деструктивизма, проявляющаяся в *сверхрациональности сверхобществ.* Позволим себе вновь повторить и выделить эту исключительно значимую для всей философии Зиновьева методологическую идею: «*сверхобщества* являются *сверхрациональными.* Они поглащают рационализм обществ, но организуются уже не по законам рациональности» [1; 190].

Ссылки на литературу:

1. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. — М., 2000.
2. *Зиновьев А.А.* Человейник // Феномен Зиновьева. — М., 2002.
3. *Зиновьев А.А.* Формула жизни // Феномен Зиновьева. — М., 2002.
4. *Зиновьев А А.* Логическая социология. — М., 2003.
5. *КьезаДж.* В сумерках «договорного капитализма». Беседы с В. Поповым и В. Бадовым // Наш современник. — 2008. № 8.
6. *Платон.* Законы *//Платон.* Государство. Законы. Политик. — М., 1998.
7. *Фромм Э.* Анатология человеческой деструктивности. — М., 1994.

Л.В. ДАВЫДОВА,
автор монографий о А А. Зиновьеве

Зиновьев А.А. о марксизме

Сформулировав основы своей логико-философской и социологической концепции, А.А. Зиновьев окончательно определил свое отношение к марксизму. По его словам, он стал относиться к марксизму как человек второй половины XX столетия, знакомый с высшими достижениями современной науки, профессионально занимающийся логикой и методологией науки.

Зиновьев А.А. подчеркивает, что он не отверг, а именно преодолел марксизм, «добравшись до иных вершин мышления». Это означает, что марксизм для А.А. Зиновьева вовсе не потерял своего значения. «Наоборот, я стал относиться к нему серьезнее после многих лет специального изучения», — пишет А.А. Зиновьев.

Изучение марксизма дало А.А. Зиновьеву понимание различий между научным и идеологическим подходом к обществу и познанию. Так, А.А. Зиновьев установил для себя, что, несмотря на отдельные научные элементы, марксизм стал идеологией, очень похожей на науку, но наукой не являющейся.

Иначе говоря, в марксизме надо различать два аспекта:

— попытки научного подхода к социальным явлениям;

— идеологию, рассчитанную на побуждение масс к серьезным политическим действиям.

Идеологический аспект, считает А.А. Зиновьев, оказался сильнее, подчинил себе аспект научный, так, что в целом получился идеологический феномен.

Для доказательства своей мысли А.А. Зиновьев приводит различия между идеологией, религией и наукой. Он показывает, что эти явления не существуют изолированно друг от друга и в чистом виде: религиозные учения всегда претендовали на создание картины мира, объясняли явления природы и общества; религиозные организации выполняли идеологические функции; наука давала материал для идеологии и сама, в свою очередь, содержала элементы идеологии.

Со временем существующие различия между наукой, религией и идеологией стали обозначаться более четко. Это выразилось в более определенном разделении их функций в обществе. Задача науки — поставлять обществу знания. Отсюда стремление науки к ясности, однозначности употребляемых в ней понятий. Ее утверждения должны допускать возможность проверки. Религия имеет дело с явлениями души, с верой. Она невозможна без веры в то, что она провозглашает. И в этом она принципиально расходится с идеологией. В отличие от религии, идеология требует не веры, а формального признания. Идеология — определенная форма социального поведения. Задача идеологии — организация общественного сознания и управление людьми путем приведения их сознания к некоторому общественному образцу.

Конечно, в принятии идеологии присутствует элемент добровольности. Но идеология рассчитана на массы, и здесь необходим специальный аппарат принуждения к признанию идеологии. Подобным аппаратом насильственного принуждения обладала и церковь, поскольку она сочетала в себе не только религиозные, но и идеологические функции. Лишь сравнительно недавно стало возможно противопоставление этих функций. Это было связано с возникновением антирелигиозных идеологий.

Но обратимся к марксизму. Марксизм возник как претензия на научное понимание всего, что требует какого-то истолкования. И действительно, в рамках марксизма делалось много такого, что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном марксизм давно превратился в идеологию в самом строгом смысле слова. Возможно, теперь марксизм является самым классическим образцом идеологии.

Стремление марксизма выглядеть наукой объясняется следующими причинами:

— марксизм возникал в борьбе с религией и различными формами идеологий, связанных с религией; наука приобрела такое значение в жизни общества, что выступать не от имени науки было бы просто не актуально.

Во второй половине XX века коммунистическое общество сформировалось в целом ряде стран мира. Марксистская идеология приобрела в них господствующее положение. Роль идеологии в функционировании сформировавшихся обществ была столь значительной, что необходимость выглядеть наукой стала для марксизма особенно важной.

И здесь марксизм оказался перед лицом великой трагедии. Стремление коммунистического руководства любой ценой сохранять за марксистской идеологией вид науки имело катастрофический результат. Помимо обычных и необходимых функций в обществе, марксизм, выдаваемый за науку, приобрел еще одну функцию — служить удобным средством маскировки неграмотных действий властей.

Как и в любой идеологии, многие положения в марксизме конструируются из многосмысленных выражений, требующих дополнительного истолкования. Истолкования, которые делались властями, оправдывали их произвольные действия, препятствовали созданию реалистичной стратегии развития.

Печально осознавать, как неразумно распорядились последователи классиков марксизма величайшей в истории человечества нерелигиозной идеологией — марксизмом.

Безусловно, без идеологии невозможно мобилизовать людей на создание коммунистического общества. Но создать общество с помощью одной только идеологии точно так же невозможно. Здесь нужна наука, научный подход к общественным явлениям и научное предвидение.

Придание марксизму статуса науки могло только ухудшить положение, что, собственно, и произошло.

Научный подход к социальным объектам в понимании А.А. Зиновьева означает следующее:

1) Изучаемые объекты должны существовать эмпирически, а не в воображении.

Когда возникло марксистское учение о коммунизме, никакого социального явления такого рода в реальности не было. Это означает, что все сказанное классиками на эту тему следует рассматривать лишь как гипотезы, что в Советском Союзе было исключено.

Советская реальность игнорировалась, из нее вырывалось лишь то, что можно было изобразить как подтверждение учения К. Маркса. Негативные явления не замечались или в лучшем случае объяснялись тем, что коммунизм в стране ещё недостроен или строится не так, как нужно.

2) Научный подход к социальным явлениям означает субъективную беспристрастность в отношении этих явлений.

Марксизм всегда подчеркивал, что он является выражением интересов рабочего класса. В этой пристрастности марксизма видели его величайшее достоинство: утверждалось, что переход на позиции пролетариата позволил классикам марксизма создать научное понимание социальной реальности.

Но именно классовая тенденциозность помешала марксизму создать такое понимание. Марксизм как идеология был адекватен той реальности, в которой он возник и распространялся. Он выражал настроение масс и имел колоссальный успех. Но адекватность эпохи и научность — это не одно и то же. Вследствие тех перемен, которые произошли в мире, степень адекватности марксистской идеологии настолько сократилась, что последняя утратила всякую позитивную роль.

3) Научный подход предполагает следование правилам логики и методологии познания. Марксисты считали, будто они следуют какой-то высшей логике. Но если ее понимать как диалектический метод, то в марксизме он был сведен к некоему учению об общих законах бытия. Сами же эти законы свелись лишь к нескольким, имеющим к тому же самый общий характер, что в большой мере лишало их методологического смысла. А без фундаментальной логической обработки понятийного аппарата методов социальных исследований, научное понимание социальной реальности исключено.

Неудивительно поэтому, что советизм (реальный коммунизм) остался непонятым на научном уровне как в Советском Союзе, так и на Западе.

Главной причиной, помешавшей выработке научного понимания советизма, стала господствующая в стране марксистская идеология. Все, что не укладывалось в ее рамки, считалось антинаучным и беспощадно преследовалось.

С разгромом советизма марксистская идеология была просто отброшена. На ее место пришел воинствующий антикоммунизм и антисоветизм. Так что условия для выработки научного понимания советизма отсутствуют и теперь. В качестве иллюстрации можно привести «забавный», по выражению А.А. Зиновьева, факт, что одни и те же его попытки построения научной теории советизма оценивались в советские годы как антисоветизм и антикоммунизм, а теперь оцениваются как апологетика советизма и коммунизма.

С.Н. БАБУРИН,
ректор Российского государственного торгово-экономического университета, профессор, доктор юридических наук, Председатель Правления Российского общенародного союза (РОС), Заместитель председателя Государственной Думы РФ четвертого созыва (2003-2007)

Зиновьев сегодня

Вспоминая Александра Александровича Зиновьева, я не могу не упомянуть о своем первом посещении мюнхенской «обители» Зиновьевых и о разговоре, еще на немецкой земле, о том, почему погиб Советский Союз, что произошло в обществе, что происходит и что грядет.

Среди тех материалов, которые представлены сегодня участникам Международной конференции «Зиновьевские чтения в Московском университете», имеются очень содержательные философские, социологические тексты. Но я хочу привести только цитату из присутствующего здесь академика Гусейнова, напомнившего, что жить — это значит понимать. Он жил в то время, когда миллионы людей в нашей стране существовали беззаботно, безмятежно, уверенно в завтрашнем дне, не задумываясь, почему, что, как происходит. Кто-то в тот момент, забыв Бога, так и не осознал, что такое жизнь без Бога. В результате среди многих не было ни искренних атеистов, ни искренних верующих.

Общество превратилось в очень непростой конгломерат существ. Это сейчас на рубеже XX—XXI веков А.А. Зиновьев опять одним из первых сказал, что мы потеряли народ, мы имеем сегодня население, потому что миллионы людей обречены выживать. Они должны заботиться конкретно о себе и о своих детях, о своей семье, потому что их поставили в такие социальные условия, когда не выплачивается заработная плата, когда люди не обеспечиваются работой. Поэтому многие миллионы людей сегодня не думают о происходящих процессах, погружаясь в ту будничную сумятицу, которая называется «болотом».

Александр Александрович даже в относительно спокойные времена всегда понимал глубинные процессы, происходящие в обществе. Если прибегать к аналогиям, то он мне всегда напоминал Лаокоона, того жреца, который, предостерегая, говорил, что может произойти, если мы не задумаемся о действиях сегодняшних, но к которому не прислушивались. Именно за то, что Зиновьев говорил о делах, которые не были понятны и требовали усилия мысли, он в свое время, очевидно, и оказался за пределами того советского истеблишмента, которое принимало решения о науке, об экономике, обо всех сферах нашей жизни. Он оказался в Германии.

Зиновьев был желанным гостем на Западе до тех пор, пока анализировал советские процессы. А как только он с присущим ему мастерством стал говорить о

процессах, происходящих в западном обществе, он тут же стал неприемлем для тогдашнего научного, политического истеблишмента. В этом отношении его возвращение в Россию было закономерным, потому что Россия пробуждалась через шок, через такой чудовищный кризис, который соизмерим только с событиями начала XX века, с гражданской войной, процессами, которые происходили в исторической России в 20-е годы. И в 20-е годы, и в 90-е годы происходило историческое уничтожение русской цивилизации, деление единой нации, которую создавали многие этносы, многие народы, на несколько частей и несколько государств. Происходила попытка подмены фундаментальных ценностей, которые эта цивилизация создавала на протяжении тысячелетий, ценностями, привнесенными извне.

В чем беда? И на эту тему Александр Александрович Зиновьев писал в своих работах. В чем беда той системы советского социализма, которая была создана? Прежде всего, конечно, в отвлеченности, в отрыве социальной идеологии от национальных корней, от исторических корней общества. Если мы говорим сегодня о триумфе многих движений за социальную справедливость, за национальное освобождение, и в Латинской Америке, и в других странах, то успех этого процесса объясняется, прежде всего, тем, что участники таких перемен не повторили нашей российской, или русской, ошибки. Они не забыли фундаментальных истоков и смогли соединить воедино национальную идеологию и борьбу за социальный прогресс, за социальную справедливость. Возьмите Кубинскую революцию, где мы сегодня говорим о соединении социалистической идеологии и идеологии Хосе Марти. Я уже не говорю о том, что никто из нас, бывая на Кубе, не видит и никогда не видел в минувшие десятилетия на каждом углу портрета Фиделя Кастро. Нет культа руководителя — есть культ идеи. Поэтому там только изображения Че Гевары, изображения Хосе Марти.

В этом отношении нам сегодня тоже необходимо осознать, почему стал возможен 1991-й и 1993-й годы и что необходимо сделать, чтобы мы смогли, возрождая историческую Россию, не повторить ошибочных схем в конструировании фундамента. Было смешно и грустно, когда в конце прошлого века на заседании Центральной избирательной комиссии Александра Александровича Зиновьева снимали из нашего партийного списка Российского общенародного союза. Я смотрел на государственных чиновников и думал: а они понимают, что делают? Я не говорю сейчас о юридической стороне, о нелепице, об абсурдном предлоге, что, дескать, Зиновьев должен был за те годы, когда жил в Германии, представить справку о налогах в Центральную избирательную комиссию. Впоследствии они сами сказали: да, это было такое стечение обстоятельств. После можно признавать, что они ошиблись.

Я имею в виду другое. Насколько несоизмеримы были потенциалы этих людей. В этом отношении мы все благодаря Александру Александровичу восприняли как некую историческую иронию, что сегодняшние государственные структуры так же испугались Зиновьева, как испугались в свое время советские государственные структуры. Испугались очень серьезно.

Когда мы говорим о сегодняшней социальной среде, то воистину критический пафос идеологии Зиновьева — это просто констатация реального факта. Ибо сегодня как никогда важен тот дух нонконформизма, которым пропитаны все его

работы. Зиновьев к любой проблеме подходил со стремлением ее понять, не оглядываясь на навязываемые оценки. Слева, справа — откуда бы то ни было. Важно понять реальность проблемы, важно понять реальность процессов, происходящих в обществе.

Конечно, когда он выступал по злободневным вопросам, это были всегда точные аналитические выкладки, которые позволяли нам за сиюминутной политикой видеть основное звено. В том числе, если говорить о политических процессах. Это, прежде всего, процесс собирания страны, собирания единого народа и через союзную Российско-Белорусскую интеграцию укрепление шанса возродить историческую Россию. Ведь мы все прекрасно понимаем, что Российская Федерация, являющаяся сегодня государством, — это самый большой осколок исторической России. Замыкаться только в этих рамках — значит выполнить директивы тех, кто разрушал Советский Союз в 1991 году.

Говорить о том, зачем нам Белоруссия, зачем Украина, Казахстан, сколько мы за это будем платить — означает ничего не понимать в жизни, или, просто подменяя понятия, делать все для того, чтобы не допустить возрождения единого общества, единой цивилизации. Когда в течение последних лет процессы интеграции не просто расслоились, а стали тормозиться, для А.А. Зиновьева это было личной бедой. Он искренне переживал по поводу того, что не происходит понимания между российским и белорусским президентом. Что создание союзного государства, будучи провозглашенным еще в 1999 году как цель, так и не стало реальностью.

Нам говорят, что надо договориться о едином рубле, а только после этого идти к союзному государству. Я могу подтвердить, что впервые об этом договорились еще в 1997 году. Потом ежегодно договаривались. Чем больше проходит времени, тем больше интервалы между очередными договоренностями. И, на самом деле, мы, Россия и Белоруссия, сегодня дальше друг от друга, чем это было 10 лет тому назад. Когда поздравляли с 10-летием начала объединения России и Белоруссии в 2006 году, то лично для меня это было оскорблением. Я сказал тогда: «а как вы будете поздравлять с 50-летием? Вы представляете, о чем говорите?» От падения Берлинской стены до объединения Германии прошел год, а мы хотим, чтобы у нас был некий длительный процесс.

Я считаю, что в этом отношении во многих властных структурах отсутствует главное — жизнь как понимание того, что происходит. Отсутствует, может быть, стремление признать наличие самой русской цивилизации. У меня три дня назад был руководитель болгарской партии «Новая Заря». Это партнер «Народного союза», который максимально старается, чтобы Болгария смотрела не только на Запад, но и в сторону России, чтобы сберегали отношения с ней. Он с душевной болью рассказал, как четыре года назад его пригласили в советское посольство, и молоденьких! пресс-атташе сказал: «Я знаю, Вы один из известных литераторов, старый друг нашей страны, я хотел с Вами поближе познакомиться. Вы возглавляете движение против вступления Болгарии в НАТО, движение за то, чтобы Болгария была вне любых военных структур». И когда Минчо Минчев стал рассказывать, почему это движение крепнет в Болгарии, почему они выступают за то, чтобы НАТО как военная организация, направленная против России, против мира в Европе, не расширялась на Восток, рос-

сийский дипломат просто его оборвал и сказал: «Вы человек из прошлого, вы не понимаете, что НАТО не опасно, оно не направлено против России, что Россия и НАТО сообща отвечают за порядок в Европе». Я еще раз подчеркиваю: официальное российское лицо!

Хорошо, что Минчо Минчев уже видел многих наших дипломатов со времен Козырева. Он его послушал и сказал: «Вы знаете, сегодня для меня трагический день, я не хочу с Вами больше разговаривать». Встал и, не прощаясь, ушел из российского посольства.

Вот такие «Иваны, родства не помнящие», как тот российский пресс-атташе, всегда боялись Зиновьевых, боялись людей, которые говорят: посмотрите, что на самом деле происходит. Сегодня, как никогда, важно понять, что *западнизм* (термин А.А. Зиновьева) перешел в решительную атаку против русской цивилизации. Только социальная солидарность общества при понимании необходимости возвращения к нашим фундаментальным традициям, отказа от навязанной с 1993 года конституционной схемы, от окончательно себя дискредитировавшей избирательной системы. Ведь уже сегодня только человек, не задумывающийся ни о чем, верит в итоги выборов. Потому что основная масса людей, зная, что они уже давно не ходят на голосование, и видя при этом, что по их району явка 60 % задумываются: что будет, что идет на смену сегодняшним формам?

Ведь то же самое происходило перед февралем 1917 года. Почему мы и говорим от имени «Народного союза» сегодняшнему руководству: «вы можете поделить следующую Государственную Думу между «Единой Россией» и «Справедливой Россией», вы можете уничтожить все другие партии. Это все в ваших силах. Но на выборы придет 5 % населения. И то только те, кто работает в вашем аппарате. Неужели вы думаете, что остальные 95 % вечно будут молчать?» Не будут молчать. Поводом может быть малейший экономический «шип» в мировых экономических процессах. Вот это все может обречь на хаос сегодня слепленную, унаследованную от ельцинского режима нашу «демократическую» систему.

В этом отношении А.А. Зиновьев оставил после себя столь фундаментальное научное наследие, что оно продолжает оставаться камертоном в оценке социальных и социально-политических процессов России и мира XXI века. Именно поэтому я считаю актуальным, важным и социально значимым рождение и проведение уже во второй раз «Зиновьевских чтений». И хочу за это еще раз поблагодарить Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, руководство университета. Я надеюсь, придет время, когда «Зиновьевские чтения» будут транслироваться на страну вместо Евровидения, потому что народ надо не умерщвлять, а пробуждать в нем надежду.

М. КИРКВУД,
профессор университета Глазго (Шотландия), славист

Понятие идеологии в творчестве Зиновьева

Хочется начать выступление с объявления моей благодарности за приглашение участвовать на Второй Международной конференции «Зиновьевские чтения», проходящей на территории Московского государственного университета имени Ломоносова, где сам «Сан Саныч» многие годы работал в области многозначной логики на этом же факультете философии.

Творчество Александра Зиновьева занимает больше метра длиной, судя по полкам моего книжного шкафа, так что само собой разумеется, что в рамках краткого доклада вряд ли можно будет исчерпывающим образом трактовать названную тему. Ограничусь, таким образом, лишь некоторыми, как мне кажется, важными вехами на пути развертывания зиновьевской идеологии в течение каких-нибудь 30-ти лет, с издания *«Зияющих высот»* по издание «*Фактора понимания».*

В этом отношении удобно будет установить некоторую периодизацию, с целью следить за тем, как именно развиваются взгляды автора по отношению к роли и важности идеологии в течение его работы. Я считаю это нужным по двум причинам: во-первых, я хочу передать его заявления в историческом моменте их появления, и, во-вторых, я хочу, чтобы аудитория имела возможность ознакомиться с эволюцией его мысли.

Эту периодизацию, на мой взгляд, условно можно разделить на четыре этапа, а именно такие:

1) так называемый «советский период», примерно годы 1976—1986;

2) период «растерянности» (1987—1990);

3) постсоветский период (1991 —1995);

4) глобализация и наступающее (а может быть и наступившее) *сверхобщество* (1996-2006).

А перед тем как приступить к дискуссии этой периодизации, обращаю внимание аудитории на следующие два момента.

Во-первых, вот что написал Александр Зиновьев (в октябре 1978-го) о самом себе:

«Я могу в одной ситуации высказать и обосновать одно суждение, а в другой — нечто противоположное ему. Это не беспринципность. Это желание взглянуть на дело с другой точки зрения, рассмотреть другой аспект проблемы. Иногда просто из духа противоречия. Дело в том, что я не доктринер, не пророк, не политик, не благопристойный профессор. Я живу в языке, как в особой реальности, причем в сложной реальности, противоречивой, текучей. Тут губителен всякий догматизм. Устойчивым в моей позиции является одно: стремись к истине и противься насилию, ибо без этого ты — не человек»[1].

[1] *А.А. Зиновьев.* Без иллюзий, L'Age d'Homme, Lausanne, 1979. 17.

Во-вторых, вот что я себе позволю сказать об Александре Зиновьеве. На мой взгляд, он: рожденный индивидуалист по натуре, но с совестью коллективиста (в хорошем смысле этого слова). Более того, в блестящем определении Андрея Фурсова, он великий вопрекист[1]. Прошу слушателей сегодня в аудитории держать в памяти эти два момента во время моего выступления.

Главный мой тезис следующий: изучение произведений Александра Зиновьева позволяет сделать вывод, что он с позиции разоблачения (по его словам) язв коммунизма и желания предостеречь Запад от усиливающейся угрозы победы коммунизма по всей планете, постепенно переходил на позицию защитника достижений советского коммунизма и оппонента наступающего (как он считал) порабощения планеты со стороны Запада под эгидой США. Первую позицию защищает якобы научное, объективное произведение *«Коммунизм как реальность»,* а вторую якобы научное, объективное произведение «*Запад. Феномен западнизма».* (Сразу замечу, что Зиновьев всегда обращал наше внимание на то, что в обоих обществах (коммунистическом и западнистском) существуют и коммунистические и западнистские элементы, но важно сравнительное их распределение по обеим системам в разных объемах.)

1. Советский период (1976—1986)

Теперь приступаю к защите своего тезиса в рамках дискуссии об идеологии. И тут можно констатировать радикальное передвижение в позиции Александра Зиновьева. Возьмем сначала количественный момент. В ранних произведениях («*Зияющие высоты», «Записки ночного сторожа», «В преддверии рая», «Мы и Запад», «Без иллюзий», «Коммунизм как реальность*») он защищает позицию следующую: идеология играет такую роль в коммунистическом обществе, что можно вообще характеризовать такое общество как общество идеологическое. В других произведениях этого периода («*Гомо советикус», «Мой дом — моя чужбина», «Пара беллум», «Государственный жених», «Рука кремля*») автор предостерегает Запад от нарастающей силы идеологического врага, высмеивает слепоту западных специалистов перед явной опасностью. Напомню слушателям, что в этом периоде Зиновьев считал Запад защитником цивилизации. Вот, например, что говорит Учитель в одном месте в «*Желтом доме»:*

«Подчеркиваю, основная задача этого [коммунистического] общества — создание внутри себя и вокруг себя идеологического поля... И преступно недооценивать идеологическую опасность, которую мы несем миру»[2].

А сам автор утверждает следующее:

«Идеология играет в коммунистическом обществе настолько значительную роль, что это общество можно рассматривать как общество идеологическое»[3].

А дальше о функциях идеологического аппарата:

1. Ознакомить граждан с официально признанным идеологическим учением, заставить их усвоить хотя бы минимальные основы этого учения **pi** заставить их принять его.

[1] *Андрей Фурсов.* О великом вопрекисте / Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради. 2002. С. 40.

[2] Желтый дом, 48—49.

[3] Коммунизм как реальность, 195.

2. Вторая функция идеологии — контроль за всем тем, что происходит в области духовной культуры... запрет всего того, что не согласуется с идеологией, поощрение всего, что соответствует ей.

3. Третья функция — истолкование всего происходящего в мире, в том числе — крупных политических событий, открытий в науке и технике, событий внутри страны, в духе фундаментальных принципов идеологии.

4. Четвертая функция идеологии — заставить граждан общества быть не просто пассивными созерцателями с определенным образом настроенным сознанием, а активными участниками определенным образом организованного жизненного спектакля[1].

По-моему, не надо дальше входить в подробности структуры идеологического аппарата и функции идеологии в коммунистическом обществе. С другой стороны, интересны следующие замечания Зиновьева по отношению, во-первых, к разнице между идеологией и моралью, а во-вторых, по отношению к Западу.

1. Коммунистическое общество не является обществом моральным в том же смысле, в каком оно не является правовым; нормы морали не являются здесь актуально действующими[2].

2. Коммунистическое общество стремится быть моральным в смысле своей идеологии, т.е. псевдоморальным, и делает все для того, чтобы разрушить зародыши или остатки морали личностной, т.е. морали в собственном смысле слова[3].

3. Моральность в рассмотренном мной смысле вступает в конфликт с идеологической «моралью» и преследуется в коммунистическом обществе как угроза самим основам его существования[1].

4. Здесь люди сами не верят в моральные качества сограждан и не надеются на них, — вот самая глубокая основа неморальности общества[5].

А вот по отношению к Западу Зиновьев отмечает следующие моменты:

1. [Западная] Идеология может существовать и выражаться в таких формах, что у людей даже не появляется мысли о ее существовании и воздействии на них. Она вообще может быть не зафиксирована в специальных текстах, может быть рассеяна в обществе, вкраплена в разнообразные явления культуры... Такой является современная идеология Запада[6].

2. Содержание советской идеологии хотя и плохо известно на Западе... но все-таки хоть как-то известно. Известно, что определенного рода идеи служат там средством оболванивания населения и манипулирования ими. Содержание же западной идеологии здесь на Западе вообще мало кем воспринимается именно как средства идеологии, т.е. как средства оболванивания западных людей и манипулирования ими. Западные люди не хотят признаться себе в том, что их тоже систематически оболванивают идеологически[7].

[1] Коммунизм как реальность, 195.

[2] Там же, 208.

[3] Там же.

[4] Там же, 209.

[5] Там же, 210.

[6] Ни свободы, ни равенства, ни братства, 48.

[7] Там же, 49.

Я считаю, что есть разница между понятиями «идеология» и «культура», тем более, когда читаешь, что «идеологическое разнообразие, аморфность, хаос, разнобой, вражда и прочие явления, создающие видимость отсутствия некоей идеологии, которую можно было бы назвать *западной идеологией,* суть на самом деле явления в рамках одной и той же идеологии». *(НСНРНБ 49)* На мой взгляд, что-то не клеится, когда утверждаешь, что идеологическое разнообразие есть явление определенной идеологии. С другой стороны, я готов полностью согласиться с зиновьевским заявлением, что идеология стремится быть адекватной своему обществу. И автор приходит к удручающему выводу: «Западная идеология, как и идеология советская, разрушает веками складывавшиеся средства цивилизации, имевшие целью и результатом ограничение стихийных сил социального бытия людей» *(ibid).*

Завершу свою дискуссию советского периода следующим заявлением Зиновьева, которое можно считать *экземплярным:* «Коммунизм существует по законам падения, цивилизация же есть полет, использующий законы падения, но противостоящий им... Борьба против коммунистической тенденции — в интересах всех... Лишь благодаря непрерывному сопротивлению коммунистической тенденции (а не уничтожению ее, что невозможно в живом обществе) цивилизация может сохраниться и продолжиться» (ККР22).

2. Период «растерянности» (1987—1990)

Я определяю эти годы как период растерянности именно потому, что, на мой взгляд, Александр Зиновьев столкнулся в эти годы с событиями, которые он не только не предвидел, но даже исключил как теоретически невозможные. В эти годы появились следующие публикации автора, на которых я ссылаюсь для данной части своей дискуссии: *Le Gorbachevisme ou les pouvoirs d'une allusion (1987); Ich bin fuer mich selbst ein Staat (1987); С чего начать? (Континент 51, 1987, pp. 219—39); Научная криупи коммунизма (Континент, 53, 1987, 221—42); Katastroika. Gorbatschows Potemkinsche Doerfer (1988); Горбачевизм (1988); Живи! (1980); Манифест социальной оппозиции (Континент 60, 1989, pp. 207—31); Катастройка. Повесть о перестройке в Партграде (1990); II supeipotere in URSS: il communismo e veramente tramontato? (1990); Я хочу рассказать вам о Западе (Комсомольская правда, 15/09/1990)* и другие.

Михаил Горбачев приступил к власти в 1985 году, задолго до того, как озабоченность Александра Зиновьева за будущее Западной цивилизации достигнет своего зенита. Оправдываю это утверждение, ссылаясь на следующие публикации: *Jede Abruestung ist nur Ummestung (Schweizerische Handelszeitung 28/01/1988); Gorbatchev, je ne miserai pas un sou sur lui (Paris Match, Mars 1988, pp. 20—21); Conversation avec Alexandre Zinoviev (Panorama, Le mensuel chretien, June 1998, pp. 48—53, 82).* В *<<Горбачевизме»* автор рассматривает ключевые нововведения как, например, *гласность.* Зиновьев считает этот феномен примером советской манипуляции западной склонности истолковывать советские явления через призму западных оценочных критериев. Зато в это время он практически ничего не говорит об угрозе *гласности* монолитной, централизованной государственной власти. Короче говоря, Зиновьев считал, что горбачевские реформы потерпят провал, будучи попытками решить коммунистические проблемы капиталистиче-

скими методами. Чего он не предвидел, так это молниеносно быстрого и полного развала государственной идеологии. Он сам считал, что государственный идеологический аппарат незыблем. Как оказалось, конкуренция в области печати и средств массовой информации быстро привела к ситуации, в которой исчезали ускоряющимся темпом тексты, отражающие официальную идеологию.

В общем, по мере того как горбачевские реформы приносят усиливающийся ущерб советскому строю, Александр Зиновьев все больше беспокоится о возможных последствиях, хотя еще верит в то, что коммунистический строй выстоит. Тем не менее его озабоченность выражается в язвительной критике *горбачевизма* на страницах *«Катастройки».* И развал советской официальной идеологии заставляет его коренным образом изменить его оценку влияния западной идеологии по отношению к Советскому Союзу.

Эту коренную переоценку он излагает в работе «*Кризис коммунизма».* Этот кризис он рассматривает на фоне *реального* (его слово) коммунизма, в подробностях описанного в предыдущих произведениях, в частности, кризис в плане идеологическом. По Зиновьеву, уже был кризис в идеологии во время Хрущева. Сталинская идеология была вполне адекватна для необразованного населения, а совсем не угодна для весьма образованного населения постсталинского периода. Зиновьев утверждает, что введение Сусловым политики осуждения *сталинской вульгаризации философии*, допускающей дискуссии западной философии и культуры, до некоторой степени подкрепляло статус идеологии, но тем временем подрывало авторитет марксизма-ленинизма. В брежневские годы кризис усиливался до того, что подрывался статус марксизма-ленинизма как идеологии коммунизма.

Судя по тому, как Зиновьев трактовал официальную идеологию в ранних произведениях, можно подумать, что он будет приветствовать ее исчезновение. Ничего подобного. Вот что он пишет в *«Кризисе коммунизма»*\

«Важнейшей особенностью идеологического кризиса является то, что неверие в марксистские идеалы и отказ от марксизма-ленинизма как от руководства к действию захватили самые верхи правящего слоя. Дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху, — такого советская история еще не знала. И это несмотря на то, что положения марксизма-ленинизма могли бы как никогда послужить путеводной звездой в современной запутанной ситуации в мире. Коммунисты предали марксизм-ленинзм именно тогда, когда на нем стоило настаивать особенно упорно».

Чем объясняется этот резкий поворот в зиновьевской оценке официальной идеологии? На мой взгляд, не будет преувеличением заявить, что Зиновьев был глубоко потрясен неожиданной скоростью, с которой стал развязываться советский, коммунистический строй. В 1985 году он считал невозможным крах советского строя в течение будущих пяти тысяч лет, не говоря уж о будущих пяти лет. Этот крах был не только неожидан, но, может быть, даже затруднителен для Зиновьева. Вдруг он стоит перед большой познавательной проблемой, нуждающейся в срочном, научном истолковании. Истолкование будет, и срочное и долговременное. В эти годы отношение Зиновьева к Западу коренным образом изменяется. Ранние критические заявления в адрес Западу, очерченные на страницах произведения *«Без иллюзий»,* будут развиваться и дополняться к концу *периода*

растерянности в таких публикациях как «Я хочу рассказать вам о Западе». Отныне Зиновьев посвятится анализу Запада, который по объему и многогранности догонит, если не перегонит, его анализ советского коммунизма.

3. Постсоветский период (1991—1995)

В эти годы Зиновьев углубляет свой анализ Запада, но и продолжает следить за тем, что происходит «на родине». Эти две линии исследования находят свое воплощение в работах *«Запад. Феномен западнизма»* и *«Глобальный человейник»,* естественно, относятся к Западу, тогда как события на родине отражаются и комментируются в произведениях «*Посткоммунистическая Россия», «Распутье», «Русский эксперимент».*

Дискуссия о понятии идеологии в произведениях этого периода будет вестись на фоне зиновьевской переориентации во взглядах. До конца своей жизни он будет вести идеологическую войну против Запада в непрекращающемся потоке публикаций: книги, статьи, интервью, в которых он развивает, углубляет, расширяет и повторяет следующие предложения: Советский Союз был предан высшим руководством; Запад победил в «Холодной войне» (большой сюрприз для Александра Зиновьева); Запад всегда стремился и стремится к колонизации России и к уничтожению ее статуса как великой державы, даже к исчезновению ее *со сцены истории*; Запад стремится колонизировать планету в своих интересах; Западная идеология загрязняет планету интеллектуально, с целью оболванивания населения до того, чтобы стало невозможным разумное сопротивление.

Не буду касаться вопроса о степени «научности» в произведении *«Запад. Феномен западнизма».* Скажу следующее: мне импонировали глубина и широта зиновьевского анализа. С другой стороны, я читал это произведение с чувством, что я имею дело с врагом. Слова *западнизм, западоид, западнистский* суть понятия идеологические, не научные, даже если Зиновьев пытается дать им научное определение. Зачем дать уничижительным словам научное определение, если причина не идеологическая, пропагандистская? Книга пахнет воинствующей социологией. Написал эту книгу Зиновьев-социолог, но и Зиновьев-патриот, Зиновьев-идеолог, но резче ощущается Зиновьев-логик. Поймите меня правильно: я не возражаю, я просто констатирую, я даже понимаю, уважаю даже. И тут есть некоторая ирония: *«Запад. Феномен западнизма»,* если я не ошибаюсь, единственное социологическое произведение автора, которое снабжается тем, что называется «apparatus scolasticus».

На страницах этой книги Зиновьев разрабатывает свою концепцию о *западнистской* идеологии. На мой взгляд, ему не удалось найти убедительное научное определение. Аморфность, хаотичность и неподконтрольность так называемой *западнистской* идеологии делают ее неопределяемой. Как понять, например, *единство западнистской идеологического плюрализма*? Зато можно гораздо критичнее относиться к следующему феномену. Зиновьев неоднократно заявляет, что отсутствие единой государственной идеологии и государственного идеологического аппарата не означает, что не существуют другие средства для оболванивания населения. Эффективность *западнистского* идеологического механизма была гораздо больше, чем советского. Тут имеется в виду не только средний гражданин, но и профессиональные социологи. Автор заявляет следующее:

«Почти все, что мне приходилось читать, смотреть и слушать о Западе, либо имело откровенно идеологический характер, либо было пропитано идеологией, либо вынуждало к определенным идеологическим выводам. Например, даже в вульгарной газетной пропаганде редко можно было встретить такие восторженные дифирамбы частной собственности, капитализму и прочим атрибутам западнизма, как в претендующих на высшую научность книгах Хайека, Поппера и других представителей идеологической элиты Запада».

Что это такое? Наука или идеология? Кажется, нет ученых на Западе. Есть только представители идеологической элиты. Это вряд ли так в действительности.

В одном отношении Зиновьев отдает должное *западнистской* идеологии; она гораздо мощнее советской официальной идеологии. Если раньше Зиновьев определял советское общество как общество идеологическое, он считает, что средства на Западе, посвященные *западнистскому* идеологическому оболваниванию западного населения, в сотни раз больше. *Западнистская* идеология гораздо эффективнее советской.

А что касается идеологического вакуума, который создался в России после развала коммунизма, Зиновьев пришел в отчаяние. Вот к какому выводу он пришел в 1995 году:

«Существующий идеологический беспредел, который со временем может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве. Усиление православия. Тоска по всесильной „национальной идее". Конъюнктурные лозунги вроде призыва сплотиться перед лицом мирового терроризма. Пустословие партийных программ, обещающих бороться за все хорошее против всего плохого. Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое. Эпоха, осужденная и оплеванная неблагодарными потомками, но не понятая в ее трагическом величии».

4. Глобализация и наступающее сверхобщество (1996—2006)

Книга *«Запад. Феномен западнизма»* — воплощение попытки Зиновьева найти объяснение событий, которые он сам не предвидел, а именно победы Запада над коммунизмом и развала Советского Союза. Последствия этой победы для него ясны: западнистская идеология восторжествовала; коммунизм как альтернатива западнизму ушел с мировой сцены на обозримое будущее. Обозримое будущее — это колонизация планеты Западом в маскировке *глобализации* (чисто идеологическое понятие, по Зиновьеву, придуманное Западом, в частности Соединенными Штатами). Он предвидит становление *сверхобщества, сверхгосударства, сверхэкономики* под игом *денежного тоталитаризма, сверхвласти,* пропитанных *западнистской сверхидеологией.*

Зиновьев разрабатывает эти теории в ряду произведений, которые появляются в поздние девяностые годы прошлого века и ранние годы нынешнего, среди которых я ссылаюсь на следующие: *«На пути к сверхобществу» (2000), «Логическая социология» (2002), «Идеология партии будущего» (2003), «Логический интеллект» (2005), «Фактор понимания» (2006).*

Для меня колоссальная энергия и преданность к делу, которыми насыщены эти произведения, объясняются тем, что Александр Зиновьев стремился не только к познанию причин так называемого им «величайшего исторического пере-

лома», но и к беспрестанному сопротивлению наступающей западнистской глобализации планеты. Для меня не исключена даже такая возможность — а именно, что сам Александр Зиновьев испытывал чувство личной ответственности, как будто он сам хотел возместить бывшие суждения.

Как иначе объяснить следующие заявления персонажа Писатель в *«Русском эксперименте»* при разговоре с Философом. (Реплики Философа я пропускаю):

«Я же за эти 15 лет изменился в понимании реальности и в оценке своего поведения. Ведь это же факт, что я был критически настроен к нашему, советскому обществу. Я принимал достоинства нашего общества за нечто само собой разумеющееся и акцентировал внимание на его недостатках. Я испытал на себе влияние западной и диссидентской пропаганды. Я претендовал на научное понимание реальности и стремился к нему. Я написал книгу с такой претензией. Что ее отвергли у нас, это понятно. Но ведь она имела большой успех на Западе. Почему? Ты думаешь, благодаря научности? Так ведь те, кто претендовал на научность, отнеслись к ней враждебно. Дело в том, что в ней сказались и даже вышли на первый план мои умонастроения тех лет, а они были в духе установок наших врагов. Лишь в эмиграции у меня изменилась ориентация внимания настолько, что я смог отбросить все свои субъективные умонастроения «диссидентских» лет и посмотреть на советское (коммунистическое) общество более объективно, ближе к моей установке на научность».

Как бы то ни было, зиновьевское сопротивление западнистской идеологии разовьется по двум линиям. Он придумает новую социологию и новую идеологию, оба явления основаны на принципах многозначной логики. Логическая социология имеет три компонента: определение терминов; мысленный (т.е. не лабораторный) эксперимент; социальная комбинаторика. Логическая социология не занимается фактами как таковыми, а логической переработкой терминов в области общественных наук, открытием логико-математических формул, которые будут способствовать пониманию социологических явлений, так называемых социальных объектов. Эта новая наука потребует высококвалифицированных персонажей специалистов в областях и логики и социологии. Как видно, задача не из простейших.

Новая идеология также основана на принципах логической социологии и рассматривается Зиновьевым как противовес западнистской идеологии. Последняя, акобы, уничтожила альтернативный путь эволюции для человечества. Отсутствие советского противовеса западнистскому давлению позволило западнизму засорить планету в идеологическом, интеллектуальном и буквальном смыслах. Единственное жизнеспособное альтернативное общество — коммунистическое. Нужно его воссоздать и улучшить на основе научного исследования колоссального практического опыта реальных коммунистических стран (Советского Союза в первой очереди). Одновременно обязательно провести такой же научный анализ, чтобы определить в силу объективных социальных законов, каким образом назревают антизападнистские умонастроения на самом Западе.

Если я правильно понял умысел автора, новая идеология будет *научной.* Но ведь сам Зиновьев неоднократно доказывал, что идеология в принципе не может быть наукой. Она наукообразна. Как бы то ни было, проект новой идеологии основан на новой теоретической почве. На страницах произведения «*Идеология*

партии будущего» вводятся новые понятия, которых, по-моему, не было в ранних произведениях автора, написанных в советском периоде, типа *социальные объекты, человейник, менталитетная сфера общества, клеточка идеологии.* По-моему, авторский замысел включает попытку определить идейное пространство, в котором уместятся не только идеология централизованного типа, но и идеология, характеризующаяся аморфностью, т.е. идеология западнистского типа. Автор предвидит трудные моменты: разработка новой идеологии потребует высокообразованных участников, она должна привлечь всех тех, кто недоволен западнистским образом жизни. Он перечисляет большое количество проблем касательно принятия новой идеологии, превращения ее в программу сопротивления западнизму, поощрения нового социального *антипода* западнистскому обществу, которое должно быть коммунистического типа, и т.д.

Прочитав все рекомендации автора по отношению к новой социологии, новой идеологии, новой партии, я пришел к следующему выводу: борьба будет длинная, ожесточенная. Предвидится разбросанная, но хорошо дисциплинированная группа революционеров, сплочающаяся вокруг центральной идеи новой идеологии — разгром западнистского строя, восстановление альтернативы. (В скобках замечу: такая организация уже существует. Она называется Аль Каида.)

Кульминацией нового мышления Александра Зиновьева является его монументальный (и последний) труд *«Фактор понимания».* В нем он детальнейшим образом излагает новую большую теорию об обществе, начиная с основ интеллектологии, затем основы логической социологии и кончая философскими умозаключениями о прошлом и будущем. Труд эпохального значения, в котором помимо всего остального он развивает и систематизирует свои идеи об *идеосфере,* в которой могут сосуществовать разнородные идеологии, в том числе идеология централизованная, например марксизм-ленинизм, но и идеология аморфная — как западнизм. На мой взгляд, это понятие является авторским решением проблемы научного определения так называемой *западнистской идеологии.* Я сам остаюсь не убежденным, что существует такое явление как *западнистская идеология.* На мой взгляд, гораздо проще говорить о западнистской культуре (пусть с маленькой буквы).

Но закончу свой доклад следующим замечанием: несмотря на мое несогласие с некоторыми постулатами Александра Зиновьева, я полностью разделяю его мнение о недостатках глобализации. Другой вопрос: как выглядел бы сегодняшний мир, если бы в Холодной войне победителем был Советский Союз? Благодарю за внимание.

Д. де КОШКО,
журналист, режиссер,
Франция

Александр Зиновьев и французские студенты

Спасибо Ольге Мироновне и спасибо Московскому государственному университету за то, что дали мне возможность вспомнить о моем большом друге Александре Зиновьеве — друге и учителе. Я и мои друзья, которые тогда ходили на Профсоюзную к Зиновьеву, были не очень похожи на учеников на самом деле. Я думаю, что это именно то, что нравилось Александру Александровичу.

Я вам расскажу немного о прошлом, причем о «прошлом в будущем», что тоже, наверное, зиновьевское понятие. Мы ходили к Зиновьевым, т.е. Александру Александровичу, Ольге Мироновне и Полине, которая была маленькой, когда мы сами работали в Москве, будучи студентами, или сразу после окончания университета, исполняя то, что во Франции называется службой содействия и кооперации с разными странами. Такая возможность была, в частности, у двоих из нас: Андрея Бирюкова и у меня. Мы были друзьями студентки, о которой вы, наверное, слышали, — Кристины Местр, которая сыграла большую роль в издании первых книг Александра Зиновьева за рубежом.

И общение это было интенсивное. Обо всем я не могу рассказать, но я хотел бы просто отметить то, о чем говорили предыдущие выступающие; раскрыть те разговоры, которые нас тогда волновали, учитывая, что мы жили во Франции — стране, которая только что пережила май 68-го года, следствием чего и были размышления об изменении общества.

С одной стороны, это теперь в прошлом, но, может быть, и в будущем. И это очень отличалось от того, чем были озабочены здесь, в Советском Союзе. Зиновьев, естественно, тоже. И подходы у нас, понятно, были очень разными.

В чем состояли наши разговоры в основном? Мы считали, что в Советском Союзе никакого коммунизма нет, что это какая-то вырожденная форма, что это тоталитаризм и что не на это может надеяться человечество, в том числе «сражающееся»: рабочий класс и те слои населения на Западе, которые хотели определенного изменения. Александр Зиновьев тогда считал, что, наоборот, коммунизм как реальность в совершенной форме существовал именно в Советском Союзе (он никогда, впрочем, не менял своего мнения по этому вопросу). Т.е. не то, что было в воображении Маркса, Энгельса и т.д., а именно то, что получилось в Советском Союзе, — это и есть коммунизм, и коммунизм не может быть другим. Ну, попробуйте представить, сколько ночей у нас уходило на эти споры. Мы высказывались довольно сильно. Он даже сердился, ходил кругом по комнате с руками за спиной, но мы выдерживали, даже иногда с комплиментами от Ольги Мироновны, которая говорила: вы все-таки молодцы, что не пасуете перед ним, что было совсем непросто, по ее словам, даже многим коллегам Александра Александровича.

Запад для него в то время представлялся все-таки скорее как защитник определенной цивилизации и до известной степени как примерное общество с точки зрения материальной и идеологической. Нас, это , конечно, раздражало, потому что мы-то считали, что ничего такого нет и что, наоборот, на Западе контроль над СМИ (как их теперь называют) и над обществом существовал, и, наверное, даже изощреннее, чем в Советском Союзе, но общая, системная идеология, принималась массой без сопротивления. Я говорю об определенных годах и определенной эпохе: я понимаю, что это сегодня может казаться странным и к этому могут подходить по-другому.

В чем мы сходились — и именно в этом Зиновьев для меня был учителем — это описание и понимание механизмов функционирования советской системы. И я бы сказал, что для нас это были и уроки по функционированию системы, которая была и на Западе, но которую он тогда или не видел, или игнорировал. Он объяснял нам, каким образом бюрократический аппарат может жить сам по себе. Аппарат стремится разрастаться, становиться все сильнее, толще и толще. И из-за этого он считал тогда невозможным изменение советской системы.

И я должен сказать, что, наверное, он был удивлен потом появлением перестройки, возможность которой он вначале совершенно не допускал. В этом мы отличались, потому что мы-то думали, что советская система в 70-е годы находилась именно в застое: управленческий аппарат имеет свою логику существования, аппарат состоит из людей (все эти мысли Александр Александрович разъяснял и повторял нам неустанно), и большое противоречие в советской бюрократии и номенклатуре заключалось в том, что они жаждали уже во 2-м или 3-м поколении закрепить возможность сохранения в семьях те преимущества, которые они получили в советской системе. И это, конечно, было основное противоречие в нашем понимании и это то, что объясняло, что они не будут защищать советскую систему, которая им обеспечивала легитимность того, что они имели: тех льгот и привилегий, которыми они пользовались тогда, во имя социализма, во имя рабочей революции, которую они, конечно, уже тогда предали. Так это мы трактовали, не соглашаясь тогда с Александром Александровичем, даже если потом согласились с ним во всем.

Потом произошла та переоценка, о которой многие говорили, что это кризис коммунизма. И опыт Зиновьева на Западе: с тем интеллектуальным инструментарием, который он использовал для анализа советского общества, он применил к западному обществу и, естественно, пришел к тем выводам, о которых вы теперь знаете.

Мнение об Александре Зиновьеве на Западе, можно сказать, радикально изменилось после того, как он занял свою независимую позицию по трагедии в Югославии, в которой он увидел возможный сценарий того, что может произойти с Россией. Именно потому тогда он принял историческое решение возвращения на Родину, т.к. по его словам, «моя страна в опасности».

Я помню, как в 2001 г. после 11 сентября я приехал в Москву. Александр Александрович был тогда один, семья была тогда где-то в других местах (кажется, Ксения выступала с концертом за границей). Он меня встретил в Чертаново. И сейчас же, как только мы поздоровались, он сказал мне: «Вы понимаете, что

произошло 11 сентября? Я-то ведь летчик, я и на истребителе никак не сумел бы в такое здание так точно попасть. Что произошло на самом деле? Это вопрос — абсолютное табу в теперешнем западном обществе, в особенности на фоне тех процессов, свидетелями которых мы с вами являемся».

Идеология «политкорректное™», единственная, повсеместно навязываемая идеология, завладела обществом, заявила о себе во всю мощь во время кавказских событий. Теперешняя единственная сверхдержава сумела-таки до известной степени внедрить свое мнение и здесь, будучи абсолютно уверенной в своей непоколебимой правоте, без конца повторяя, что все происходящее — хорошо. Это и есть самая главная западная ценность, навязываемая всему миру насильственная демократия.

Беспощадный анализ мировой системы Зиновьевым уже продемонстрировал и дал почувствовать и показать ту идею, которую вкратце можно выразить сравнением. Если вы окунете лягушку в кипяток, она сразу же станет дрыгаться и вероятнее всего погибнет. Если же вы окунете ее в теплую воду, и каждый день постепенно будете повышать температуру на один градус, она привыкнет. К сожалению, это именно то, что теперь происходит во всех или почти во всех обществах нашего политкорректного мира. Это тот процесс массового отупления, который ведет к поголовному превращению гражданина в потребителя, уже не задающего неудобные или некорректные вопросы, т.к. он — потребитель с атрофированным гражданским сознанием.

Александр Зиновьев был гражданином, и мы с ним хотели защищать и наши права, и образ мышления именно Гражданина с большой буквы.

Спасибо за внимание.

Ю.Н. СОЛОДУХИН,
кандидат философских наук,
государственный советник РФ 1-го класса

Мировой финансовый кризис или кризис сверхобщества?

Уважаемые коллеги!

Тема моего выступления: «Мировой финансовый кризис или кризис сверхобщества?»

Я исхожу из того, что аудитория знакома с идеями А.А. Зиновьева, образующими его теорию сверхобщества западнистского типа. Вместе с тем, по-видимому, будет целесообразно кратко воспроизвести ее основные положения.

Западнистское сверхобщество, согласно А. Зиновьеву, сложилось в процессе глобализации, которая сама по себе есть явление закономерное. Оно порождено тем коренным переломом, который произошел в эволюции человечества в XX веке и в основных чертах завершился в конце того же века.

Перелом этот заключается, во-первых, в том, что человечество стало переходить от объединений уровня обществ к объединениям уровня сверхобществ. Несмотря на то, что А. Зиновьев считал концепцию капитализма в том ее виде, какой она обрела в трудах К. Маркса, его последователей, в том числе советского периода, не адекватной современным реалиям, он рассматривал западнистское сверхобщество как объединение, которое выросло из капитализма и содержит его в снятом виде. Иными словами, по своей сути западнизм не является полным отрицанием и преодолением капитализма.

Во-вторых, эволюционный перелом, по А. Зиновьеву, заключается в том, что человечество вступило в эпоху, когда сознательный и планомерный элемент в его развитии приобрёл такую силу, что стал доминирующим в комплексе факторов социальной эволюции. Возросла степень изученности и осознанности социальных явлений и поведения людей, возросла степень контроля над ходом эволюции и следования планам.

Зиновьев выделил следующие качественно новые институты Запада, которые дают основание говорить о вступлении его в фазу сверхобщества. Это сверхгосударство, сверхэкономика, денежный тоталитаризм, сверхмедиа, сверхидеология. Они образуют единую социальную систему, которую А.А. Зиновьев охарактеризовал как сверхвласть. Именно ее возникновение позволяет осуществлять стратегическое планирование и управление социальной эволюцией, направляя ее в русло становления глобального сверхобщества западнистского типа.

Воспользуемся этим понятийным аппаратом для анализа кризиса, который возник в США и охватил современный мир.

Первый вопрос: природа, характер кризиса. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что западный мир переживает финансовый кризис. В то же время немало публикаций, в которых утверждается, что западный мир, другие страны, втянутые в его орбиту, претерпевают системный кризис. Одни пред-

вещают полный крах Запада. Другие — выздоровление, но в радикально обновленном виде, правда, без уточнения, в каком именно направлении. Третьи, ссылаясь на происходящее повышение роли государства, происходящую в странах Запада национализацию банков, финансовых и инвестиционных компаний, говорят о том, что кризис вынудил Запад встать на социалистический путь развития.

То, что, начавшись в финансовой сфере, кризис довольно быстро распространился на всю экономику, не вызывает сомнений. Вместе с тем вряд ли есть основания оценивать его как системный. Такой кризис проявляет себя как полная потеря управления системой. Однако этого не наблюдается. Фундаментальные основы западнистского сверхобщества, как их описал Зиновьев, не поколеблены, не размыты, не разрушены. Жизнеспособность государств, образующих ядро западнистского сверхобщества, в целом западнистского сверхобщества кризисом ослаблена, но не подорвана. Меры по его противодействию, принимаемые этими государствами, позволяют удерживать кризисные процессы в определённых рамках.

В то же время нынешний кризис нельзя считать обычным, циклическим. Многие специалисты, эксперты, политики сходятся в том, что это первый в истории кризис неолиберальной модели капитализма, которая начала утверждаться на Западе в середине 1980-х годов с избранием Р. Рейгана на пост президента США и М. Тэтчер на пост премьер-министра Великобритании. Кейнсианская доктрина с ее акцентом на государственное регулирование стала тесной транснациональным корпорациям, аккумулировавшим огромные финансовые ресурсы, сопоставимые с бюджетами иных государств, а то и превосходящие их. Господствующей идеологией стала неолиберальная доктрина полного невмешательства государства в дела бизнеса. В итоге в 1990—1999 годах транснациональные корпорации, базирующиеся в США, получили практически полную свободу финансовых операций. Это привело к накоплению диспропорций, обусловленных переизбытком в мире денег, которые, по сути, производились в США из воздуха. На один доллар прироста ВВП в реальном секторе приходилось около четырех долларов прироста финансовых инструментов.

При таком подходе кризис рассматривается как результат сбоя в функционировании западной финансовой системы, который в свою очередь вызван ошибками, просчетами, связанными с доминированием неолиберальной идеологии. Достаточно их понять, исправить, и кризис будет преодолен.

Однако представляется, что всё не так просто. Проблема не только в восстановлении регулирующей роли государства. Проблема в новом качестве самого западнистского уклада жизни. А. Зиновьев показал, что современный Запад — это такой тип человеческого объединения, в котором деньги приобрели самодовлеющее значение, из инструмента, средства стали целью, сутью бытия людей, общества. Западные люди, писал А. Зиновьев, одержимы деньгами, но вовсе не потому, что они морально испорчены, а потому что деньги стали абсолютно необходимым условием их жизнедеятельности. В деньгах концентрируется и символизируется вся суть жизни людей в этом обществе. Они одушевляют это общество. И потому западнистский человек, так или иначе, прямо или косвенно, вынужден быть участником, объектом и субъектом денежного тоталитаризма.

Коренной вопрос, следовательно, заключается в принципиальной возможности обеспечения сравнительно устойчивого экономического и социального раз-

вития в рамках человеческого объединения, базирующегося на денежном тоталитаризме. Такого типа развития, когда возникающие время от времени кризисы поддаются устранению, разрешению без изменения оснований, принципов, институтов данного объединения.

Ответить сегодня доказательно на этот вопрос, на мой взгляд, довольно трудно. Ведь западнизм еще в начале своего исторического пути. Во всяком случае, в работах А. Зиновьева, который сдержанно относился к выдвижению прогнозов, не подкреплённых эмпирическими основаниями, мы категорических суждений на этот счёт не найдем. Вместе с тем можно заметить, что он склоняется к тому, что с поражением советского коммунизма изменение направления мировой эволюции невозможно, сегодня инициатива принадлежит западнизму. Остается уповать лишь на изменение направления эволюционного процесса самого западнистского сверхобщества. Однако конкретные суждения на этот счёт он сформулировать не успел.

И здесь встает второй вопрос: в самом ли деле проект западнистского сверхобщества обречен на успех? Верно ли, что оно не содержит в себе никаких серьезных внутренних угроз, потенциала конфликтов?

Интересные идеи относительно направленности внутреннего развития Запада мы находим в работах российского ученого В.Л. Иноземцева. Его позиция заключается в том, что современное общество, основанное на информации, знаниях, движется к новому неравенству, которое чревато социальными катаклизмами.

По мере научно-технического прогресса, отмечает В. Иноземцев, капитал как основа влияния и могущества заменяется не трудом, а знаниями, которые являются, не в пример труду, редким производственным фактором. Спрос на этот фактор велик, предложение незначительное. Положение усугубляется тем, что интеллектуальные, творческие способности не могут быть приобретены ни мгновенно, ни в ограниченные сроки, а в определенной мере заложены на генетическом уровне. Таким образом, по мере того, как новый высший класс, состоящий из образованных и творческих личностей, будет вбирать в себя особо достойных представителей иных слоев общества, потенциал оставшихся будет снижаться.

О том, что это уже имеет место, говорит статистика. С начала XX века и вплоть до середины 1970-х годов имела место устойчивая тенденция к снижению разрыва между богатыми и бедными. Так, в США доля 1 % наиболее состоятельных семей в общем богатстве снизилась с 30 % в 1930 году до 18 % в середине 1970-х годов. В Великобритании доля 1 % богачей в национальном достоянии снизилась с более чем 60 % до 29 %, в Швеции эти показатели составили 49 % и 26 % соответственно.

Однако с начала же 1980-х годов наметилась и стала интенсивно развиваться противоположная тенденция. Ее носителями стали представители высокообразованного слоя, бурный рост их доходов, существенно обгоняющий рост доходов других социальных слоев. Вместе с тем богатство «класса интеллектуалов» не есть следствие эксплуатации трудящихся, оно во все большей мере выступает результатом собственных усилий представителей данного класса. В 2004 году среди лиц, входивших в число 1 % американцев с самыми высокими доходами, лишь 8% жили с процентов и дивидендов, тогда как 55 % работали управляющими или консультантами, 30 % имели врачебную или юридическую практики, а 10 % были людьми творческих профессий — артистами, учеными или профессорами.

Таким образом, складывается новый тип классового конфликта, который коренится в самой природе постиндустриального общества. Он разворачивается не вокруг собственности на средства производства, а формируется в результате неравного распределения самих человеческих возможностей, связан не с проблемой эксплуатации и распределения собственности, а вытекает из природного, генетически обусловленного неравенства интеллектуальных и творческих задатков людей. Похоже, что вырастающий из этого конфликт может породить больше проблем, чем экономическое противостояние прежних эпох.

Третий вопрос: что сулит наступивший эволюционный перелом России? На какие глобальные перспективы она может рассчитывать?

Главной пружиной становления западнистского сверхобщества выступают США. Но словам А. Зиновьева, они суть главная резиденция «мирового правительства», кузница управляющих, силовых и идеологических кадров этого процесса. США являются также его военной, политической, финансовой, экономической основой.

Несмотря на разразившийся кризис, Соединенные Штаты сохраняют эту «руководящую и направляющую» роль. По паритету покупательной способности на долю США приходится 20 % мирового ВВП и 25 % в текущем валютном курсе (13 триллионов долларов). Им принадлежит 40 % капитализации мировых финансовых рынков.

Экономика США остается самой эффективной в мире. По таким показателям, как производительность труда, фондоотдача, фондоёмкость, материалоёмкость, США занимают твёрдое первое место. США — научно-технический лидер мира. Америка расходует 342 миллиарда долларов в год на НИОКР. Это 40 % всех мировых расходов на эти цели. На долю США приходится 40 % мирового производства всей высокотехнологичной продукции. Даже имея 80 % экономики в виде сферы услуг, Америка производит треть всей продукции мировой обрабатывающей промышленности.

Однако в последние годы в развитии США наметилась нисходящая тенденция. Европейский Союз сегодня по экономическим возможностям уже превосходит США. Он является крупнейшим в мире инвестором. Количество евро в обращении уже превосходит количество долларов. Совокупный объем ВВП государств ЕС приближается к аналогичному показателю США. Мощный рывок совершил Китай. Сегодня это вторая по паритету покупательной способности валют держава, второй в мире экспортёр, обладатель крупнейших в мире валютных резервов.

Короче, соотношение сил на мировой арене меняется, что, несомненно, скажется на ходе становления западнистского сверхобщества. Но пока США остаются лидером.

Россия включилась в глобализацию. Но политические, военные, экономические, финансовые, социальные характеристики нашей страны не позволяют ей рассчитывать на вхождение в обозримом будущем в число государств, формирующих стратегию развития западнистского сверхобщества, управляющих ее осуществлением.

Основная причина — давно известные слабости российской экономики. Отечественный экспорт на 70 % состоит из энергоносителей и сырья, поступления от

них формируют почти 70 % всех валютных поступлений, 60 % доходов бюджета. Вот почему произошедшее снижение цен на нефть чувствительно сказалось на финансовом благополучии страны.

Проблема также в том, что о высоких темпах прироста добычи нефти, характерных для начала 2000-х годов, России придется забыть. Они неуклонно снижаются: 8—10 % в начале 2000-х годов, немногим более 2 % в 2006 и 2007 годах, фактическое отсутствие прироста в 2008 году. Аналогичная картина и в добыче газа. Доля углеводородов в российском ВВП с будущего года начнет сокращаться, и этот процесс, похоже, необратим. «Ехать» и далее на добыче и переработке энергоносителей как основе экономического роста мы более не сможем.

В этих условиях динамичное развитие России призван обеспечить перевод отечественной экономики на инновационные рельсы. На решение данной задачи направлена Концепция долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, точнее, сформулированный в ее рамках инновационный сценарий.

Однако технологическое отставание России от ведущих государств значительно. Наша экономика базируется преимущественно на технологиях четвёртого уклада, в то время как постиндустриальные страны базируются на технологиях пятого уклада и примеряются к шестому укладу. Структурную и технологическую деградацию экономики, спад научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, начавшиеся в последние годы советской власти, остановить не удалось, и потому наше технологическое отставание не сокращается, скорее, даже нарастает.

Так, сектор промышленности, базирующейся на производстве наукоёмкой продукции, сократился с 77,2 % в 1991 году до 9 % в 2007 году. Первая десятка крупнейших компаний России — это Газпром, Сбербанк, ведущие нефтяные и металлургические компании. Ни одного предприятия, ни одной фирмы, выпускающих промышленную продукцию с высокой степенью обработки, в этом списке нет. Доля России в мировом экспорте высокотехнологичной продукции составила в 2006 году 0,13 %, что в 17 раз меньше, чем аналогичный показатель Китая, и в 13 раз меньше, чем Южной Кореи.

Мир не знает успешного опыта перепрыгивания через технологические этапы. Япония, Китай, ряд других азиатских стран, на которые принято ссылаться как пример успешного экономического и технологического развития, прошли этап модернизации длительностью 20—25 лет, содержание которого составляло догоняющее развитие. Нам тоже надо настраиваться на упорную, длительную работу, выходящую далеко за рамки 2020 года. Иллюзий, что мы в состоянии совершить исторический прорыв, большой скачок, быть не должно.

Наконец, российские финансовые рынки структурно не приспособлены к удовлетворению того инвестиционного спроса, которые предъявляет российская экономика. У нас 80 % банков в состоянии предоставить максимальный кредит не более 10 миллионов долларов. Только 5 % банков были в состоянии участвовать в предоставлении крупных синдицированных кредитов. Доля корпоративных облигаций всего 4 % ВВП. 40 % инвестиций крупных компаний приходили в Россию из-за границы.

Наша страна не в состоянии реализовывать крупные инвестиционные проекты за счёт внутренних накоплений, без участия глобальных инвесторов просто

потому, что наш финансовый рынок мелок. Увеличение его масштабов — очень длительный процесс выстраивания институтов, укрепления доверия и т.п. А до тех пор необходимость открытия глобальных рынков для российских инвесторов на выгодных для нас условиях.

В конце 1970-х—начале 1980-х годов Советский Союз представлял собой державу с третьим по величине объемом ВВП, второй по численности армией, примерно одинаковым с США военным потенциалом. Сегодня ситуация иная. Если в 1980 году ВВП Советского Союза превышал ВВП Китая в 4 раза, то сейчас ВВП Китая в 4,5 раза превосходит ВВП России. Экономика ЕС превышает нашу экономику в 10 раз. Оборонная мощь России также снизилась.

Выводы очевидны. Первый вывод: Россия не в состоянии ощутимо влиять на дела в западнистском сверхобществе. Вывод второй: в его рамках нашей стране отведена роль сырьевого придатка.

Избежать этой незавидной участи мы можем только путем осуществления так называемого мобилизационного проекта. Того, который позволил Советскому Союзу стать сверхдержавой. Однако это потребует осуществления ряда непопулярных мер, смысл которых — затягивание поясов. У меня большие сомнения, что российское общество готово отказаться от такой хорошей жизни. Не только по социально-экономическим, но и по политическим причинам. Не хочется повторения даже ослабленного варианта тоталитарного режима, без которого, скорее всего, не обойтись.

В последней работе А. Зиновьева *«Фактор понимания»* высказана следующая парадоксальная мысль: колоссальный рост интеллектуального могущества человечества имеет неизбежным следствием снижение общего интеллектуального уровня человечества. Реальное будущее человечества видится автору книги как господство высокотехничных, но примитивных существ.

Воспрепятствовать осуществлению этой перспективы можно, по моему мнению, только путем изменения атмосферы в современном мире. Насыщения её высокими ценностями, идеалами. Одна из причин провала коммунистического проекта в том, что он предполагал гораздо более высокий уровень развития личности. Притом не столько уровень интеллектуальный, с этим реальный коммунизм как раз справился, сколько уровень нравственный, духовный. Требуемый тип личности как тип массовый, доминирующий не успел сформироваться.

Но западнистское сверхобщество не свободно от этой угрозы. Если оно не осознает ее, не поменяет, как теперь говорят, тренд оглупления и примитивизации на тренд возвышения, облагораживания, данный проект закончится торжеством антиутопии. Для всего человечества. Вопрос в том, как поменять тренд.

На мой взгляд, это может сделать только элита. Точнее, инициатива переналадки социальной организации общества на духовное и интеллектуальное развитие людей должно исходить от нее. Это важно и для самой элиты, так как чрезмерный ее отрыв от основной массы граждан рождает угрозу того, что однажды она окажется низвергнутой этой самой массой. Так бывало в истории.

Превратить весь народ в толпу и держать его в этом состоянии вечно не удавалось никому. Тем более в современном обществе, которое по самой своей сути требует поддержания достаточно высокого уровня интеллектуального и культурного уровня развития населения. Нужен диалог между элитой и массой.

Н.И. БУХТЕЕВ,
доцент, кандидат исторических наук
Донецкий государственный университет управления,
Украина

Методологические аспекты изучения глобализации

В моем докладе предпринята попытка осмыслить два аспекта глобализации как социального объекта. Первый сугубо интеллектологический, или «фактор понимания» (по определению А.А. Зиновьева). В его основании зиновьевская социологическая теория. Второй — сущностные грани самой глобализации как войны нового типа, эволюционной войны. Она стала нормой и формой основного содержания наступившего столетия. Глубинным механизмом здесь выступают законы социальности. Последние первыми «правят бал» не только в отдельных обществах, но и во всем мире. Знать и понимать их — центральная научная задача не только тех, кто исследует глобализацию, но всей современной социологии.

Познавательный срез глобализации имеет два уровня: теоретический и эмпирический. Первый является определяющим и ведущим. Пока мы не узнаем и не поймем, что представляет собой тот или иной объект в его концептуальном, целостном виде, то мы не сможем узнать и понять его истинное значение и назначение. Второй уровень — эмпирический. Он выполняет подсобные, уточняющие функции первого уровня.

Общая проблема перехода от представления и знания к пониманию заключена в его механизмах, а частная — как обосновать собственные суждения и убедить в их истинности себя и других. Здесь необходимо представлять и знать, о чём идёт речь (в нашем случае о глобализации), иметь способ обоснования, аргументацию и убеждение в истинности суждений. Для этого требуется определённая технология. На ней и остановимся.

1) Выделение объекта из потока конкретно-исторических событий. 2) Установление временных и событийных границ объекта, а также образующих его конкретных действий людей. 3) Осмысление того, что именно связывает эти действия в единое целое, в одно сложное, совместное действие множества различных людей. 4) Определение понятий объекта, их экспликация. 5) Мысленный эксперимент с объектом. 6) Применение социальной комбинаторики в виде различных диалектических приемов исследования. 7) Соблюдение принципов научного подхода к исследованию объекта:

а) субъективная непредубеждённость;

б) правдивое описание исследуемых явлений;

в) наблюдение реальных, существующих объектов, а не представлений, мнений, суеверий о них;

г) познается то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д., независимо от того, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть, по его мнению;

д) учет исторического характера объекта, его эволюции во времени и пространстве;

е) соблюдение правил логики и методологии науки (в частности, однозначность и точная определённость понятийного аппарата и вне идеологии; сравнение, отбор, обобщение). И, наконец, 8) эмпирические, прикладные исследования (когда встает необходимая задача зафиксировать количественные характеристики объекта и их зависимостей). Применительно к такому объекту исследования как глобализация, целесообразно проводить опрос экспертов по заранее составленному вопроснику. Обязательным условием его составления выступает логическая стыковка цели исследования — проблемы объекта и его темы и связанных с ними вопросов. Добрым подспорьем здесь может быть и контент-анализ документов, относящихся к глобализации.

Реализация такой последовательности позволяет решать аналитические и синтетические задачи исследования. Первая заключается в выделении составных частей и сторон глобализации, отдельных её свойств и закономерностей. Вторая состоит в выяснении того, каким образом и с какими последствиями указанные отдельности сливаются в суммарные тенденции и результаты глобализации.

Указанные проходы к интересующему нас объекту открывают доступ к освоению и усвоению нескольких уровней понимания:

1) лингвистический, 2) интерпретации, 3) трансформации, 4) постижения смысла, 5) собственно понимания [2]; 6) понимания процессов, 7) функциональных структур, 8) структур связей, 9) морфологии материала и 10) самого материала, образующего объект [3]. И все это при условии, если мы имеем дело с моносистемой. При наличии же полисистемы (а таковой является глобализация с ее сетевыми и иерархическими связями и взаимодействиями) верстается задача логической увязки составляющих ее моносистем, т.е. сложных индивидов современного человейника.

При исследовании их полезно использовать зиновьевский комплексный метод [4]. Применительно к нашей теме он выглядит так: $\mathbf{A = a^1,....a''}$ **(п>2),** где $\mathbf{a^1,....a''}$ есть причины появления, условия существования, специфические признаки и компоненты социального объекта **А,** т.е. глобализации. Они образуют соответствующий комплекс, если и только если выполняется такое условие: каждый из $\mathbf{a^1,....a''}$ по отдельности необходим для указанной роли в отношении **А,** а все вместе достаточны для этого. Такой комплекс определяется путём логического исчисления, а проверяется разрешением исследовательских задач. И если первое соблюдено, то и второе предопределено.

Вся совокупность вышеназванных операций сводится не только к знанию — обоснованному суждению, а главным образом, к пониманию — положению, которое и обосновано, и в этом есть убеждение.

Таким образом, познать объект означает понять его. Фактор понимания открывает дорогу научной истине и цели исследования — открытие законов объектов — причины всех причин [5]. Тем самым эвристической потенциал интеллектуального фактора предоставляет возможности преодолеть существующий кризис понимания современной глобализации. И они становятся реальностью в рамках зиновьевской социологической теории. В силу своей научной комплекс-

ной логики она помогает распознавать и осознавать не только прошлое и настоящее, но и провидеть в нём будущее глобализации.

Тем самым исследователи получают возможность стать дегустаторами социальных явлений, ориентироваться в глобализационных процессах, правильно понимать их, прокладывать изыскательские маршруты и обретать эвристическую методологию. Поэтому неудивительно, что из множества точек зрения на такое сложное социальное явление как глобализация[6] мы остановились на зиновьевской позиции.

Она поясняет, что всем человеческим миром правят законы социальности [7]. Обусловлены они природой людей и их социальных объединений — социальных объектов. В нашем случае это общество. А всякое общество стремится к самосохранению и самоупрочению. Одним из важнейших средств для этого является стремление общества к расширению. Причин тому много. В частности, увеличение общества означает увеличение его социальной значимости и новых возможностей своего дальнейшего существования.

В значительных масштабах тенденция к расширению подкрепляется целым рядом других стимулов. Основные из них — стремление сделать своё окружение однородным и себе подобным; исключить сопоставления своего образа жизни с другими объектами, подчинить их и заставить работать на себя. Отсюда — постоянно действующая установка проникать во все области социального пространства, куда есть возможность проникнуть.

Тенденция к гегемонии над другими обществами вытекает также из природы руководства обществом. Оно и в отношении других обществ ведет себя точно так же, как и по отношению к элементам своего собственного общества. Т.е. стремится включить их в сферу своего влияния, подчинить, навязать требуемую для него форму поведения.

В конечном сплетении тенденции к расширению и гегемонии самых различных обществ образуют тенденцию к превращению всего человечества в сверхобъединение, в сверхобщество, в единый социальный организм с единой системой управления.

Механизмами этого процесса являются законы социальной эволюции и экзистенциального расчета. Согласно первому закону отдельные общества преодолеваются на пути возникновения сверхобщества и его «каменщиков» — транснациональных корпораций (ТНК, сейчас их более 500 в мире). В «снятом» виде они содержат в себе отдельные общества и отдельные кампании.

В социальной организации глобализации такие диалектические отрицания между двумя состояниями объектов следуют во времени друг за другом. Их число образует эволюционное расстояние между ними. Такое утверждение можно принимать как аксиому: чем больше (меньше) эволюционное расстояние между двумя объектами, тем меньше (больше) влияние законов предшествующего на последующий [8]. Тенденции данного закона отчётливо прослеживаются в глобализированном мире уже сейчас. И проявляются они, прежде всего, в усложнении мирового эволюционного процесса.

Согласно второму закону каждый социальный индивид (простой или сложный) ведет себя, прежде всего, так, как «подсказывают» ему его собственные интересы, которые он и обеспечивает. Последние редко совпадают с иными. Поэто-

му нормой взаимодействующих сторон является превентация. Она породила и порождает все виды войн. Победителем в них на сегодня является Запад во главе с США.

Отсюда эволюционный процесс человечества принял вид покорения его западным миром как единым целым. Этот процесс, отмечает А.А. Зиновьев, имеет три переплетающиеся между собой линии: «западнизация», «американизация» и собственно «глобализация». Первая высвечивает реальное покорение всего человечества западным миром как единым целым. Вторая отражает хозяйничанье США в большинстве зон планеты. Третья показывает, что над всеми ими господствуют сверхобщественные явления [9]. Все они в своей мере и виде совмещения воплощают самотождественное различие общезападного сверхобщества.

Как видим, глобализация явление в истории человечества закономерное. Оно вызвано великим эволюционным переломом, который произошёл в истории человечества в XX веке. Его основное содержание заключается в том, что 1) человечество переходит от эпохи господства обществ к эпохе господства сверхобществ, 2) эволюционный процесс стал проектируемым и управляемым [10].

По своей социальной сути глобализация представляет собой новый вид масштабной войны западного мира. Войны не просто за мировое господство, а за овладение эволюционным процессом человечества и управление им в своих интересах. И обусловлена данная война послевоенным процессом превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа — глобальное сверхобщество с США во главе. Направленность острия этой войны — коммунизм и незападные страны, в первую очередь Россия как стратегический субъект и объект мировой цивилизации.

Виды и этапы этой войны: Холодная война (1946—1991), поражение в ней советского блока и развал Советского Союза, возникновение на его обломках постсоветских образований. Далее, по определению А.А. Зиновьева, разворачивается «Теплая война» (1991—>?). В ней агрессивные невоенные действия перемежевываются с «Горячей войной», т.е. прямыми военными действиями. Это Югославия, Ирак, Афганистан, Чечня, Ливия, Южная Осетия, Абхазия. Можно с большой долей вероятности утверждать, что за ними последуют и иные объекты, поскольку социальные законы продолжают действовать. К тому же коэффициент системности глобализации стремится к единице.

Инициатива и основания глобализации исходят с Запада. И осуществляется она силами Запада и в его же интересах. Все остальные участники глобализации являются её объектами и используются в качестве расходного материала (постсоветская Украина, например). Попытки же любого из них противиться, не подчиняться поставленным целям встречаются «в штыки» в прямом и переносном смыслах. Подтверждением тому может служить современная «тёплая» война против тех, кто в чём-то не согласен с США и его союзниками. Она стала нормой и формой основного содержания наступившего столетия.

Средствами и рычагами проведения такой стратегии и тактики выступают вооруженные силы Запада (НАТО), его денежный тоталитаризм, международное рейдерство, западная идеология (антисоветизм) и масскульт, разворовывание и понижение социального интеллекта незападных стран и народов, весь западный образ жизни — «мягкая сила» глобализации.

Она разворачивается по всему фронту задач, вытесняет, унифицирует и стандартизирует национальные устройства жизни, замещает их собою. Поглощает целиком и полностью по принципу «West am best».В его реализации задействованы подготовленные «лидеры мнений». Во всех средствах массовой информации и коммуникаций они рисуют благопристойный образ глобализации, не утруждая себя особенно доказательствам!!. Например, это можно видеть и слышать, чувствовать и осязать, в частности, в постсоветской Украине. Здесь местные и зарубежные глобализаторы прилагают максимум усилий для превращения страны фактически и потенциально в универсальный ресурс западнистского сверхобщества [11]. В частности, официальной внешнеполитической позицией Украины является евроцентризм и проамериканизм, а вступление в Североатлантический Альянс (НАТО) стало стержнем официальных внешнеполитических доктрин и моделей безопасности. Для чего в структуре Министерства иностранных дел Украины создан и функционирует специальный департамент НАТО. Более того, часть войск и вооружений с юга и запада страны передислоцированы к северо-восточным границам с Россией.

В призме этих и многих иных аналогичных событий на украинском объекте наблюдается парадоксальный, обратно пропорциональный процесс тому, к чему он стремится. В частности, чем чаще страна настаивает на своей независимости, тем меньше ее становится. Так, в ушедшем веке страна шесть раз провозглашала свою независимость в расчете на то, что эту независимость ей обеспечат ведущие мировые державы. И каждый раз неудачно. Но чем больше благих намерений, тем дальше от них.

Под их образами страна обернулась не только образцовым полем колониальной демократии, но и образцовым полигоном Холодной войны. А на войне как на войне. Да и социальные законы — не иконы. В любом социальном пространстве и времени, от кого угодно они требуют к себе без исключений серьезного внимания и отношения. А «ignorantio поп est argumentum»[1].

Сегодня, как и вчера, совсем не в духе Ж. Аттали [12], разрушительные «бомбы западнизации» продолжают взрываться [13]. Очередным, но не последним доказательством тому может служить вулканический кризис сверхобщества. По принципу домино он повлёк за собой финансовый и экономический обвал мирового миропорядка. Его социальные следствия и последствия мы наблюдаем и переживаем уже сегодня. А что ожидает нас в недаюком завтра, можно прочитать в прогнозном социологическом романе А.А. Зиновьева *«Глобальный человейник».* В нем предстоящая судьба человечества как целого очерчена в полный рост.

Логически обоснованный и продуктивный прогноз относительно эмпирических состояний глобализации выстраивается по схеме:

$$\mathbf{x^* \ {}^{л} \ y \text{—>} z^*,}$$

где х* есть совокупность высказываний х о состоянии объекта А (т.е. глобализации) во время t^1 (т.е. **х*** есть **«х** в **t^1»), z*** есть совокупность высказываний о состоянии **А** во время t^2 после t^1 (т.е. **z* есть «z в t^2»)**, а *у* есть совокупность высказываний, благодаря которой из л:* получается г* и без которой из х* получить 2* невозможно. Высказывание **z*** есть прогноз относительно **А,** если оно получено за время в t^1. В нашем случае х есть эмпирическое условие прогноза **z*,** а у — логическое условие прогноза **z*[14].**

[1] «незнание не есть доказательство».

Подведем некоторые итоги. Современное состояние глобализации, ее тенденции и потенции суть крайнее обнажение её социальных механизмов. В основе их лежат законы социальности. Именно они и есть наиболее глубокие и соизмеримые причины, следствия и последствия существующего и возникающего мироустройства. Архитектором и оргуправленцем в нем выступает западнистское сверхобщество. Его проводники развернули и ведут глубоко эшелонированную, системную и масштабную эволюционную войну, нацеленную на покорение всех незападных народов планеты.

Исследования глобализации продуктивны и научны настолько, насколько для них обязательна зиновьевская комплексная логика познания социальных объектов. Она извлекает на свет скрытое коварство и суть глобализации — уникальной войны нового типа — эволюционной войны, ставшей нормой человеческого бытия.

Зиновьевская интеллектология обосновывает и удерживает научную истину о глобализации в фиксированной выраженности. Тем самым она верифицирует, истинизирует наши представления, знания и понимания о глобализации. И не только. В своей совокупности указанная теория открывает «врата науки разума во всех его качественных и количественных формах». Дорогу же прокладывает идущий к ним.

Литература:

1. *Зиновьев АЛ* Логическая социология. — М.: Социум, 2002. С. 10—11; На пути к сверхобществу. — СПб.: Изд. дом «Нева», 2004. С. 41—49.
2. *Долгоруков А.М.* Практикум по общей социологии. Учебное пособие для вузов / Под ред. Н.И. Лапина,— М.: Высшая школа, 2006. С. 8.
3. *Щедровицкий Г.П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) // Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 5. ОРУ(2). М., 2003. С. 202.
4. *Зиновьев АЛ.* Фактор понимания.— М.: Алгоритм, 2006. С. 161.
5. Об этом в свое время задумывался еще Л.Н. Толстой, когда работал над романом «Война и мир», где он упоминает о многих законах жизни, и в частности, о «печальном законе необходимости». А в заметках по поводу этой книги он отмечал закон предопределения событий (См.: Собр. соч., в 12-ти томах. Т. 6. С. 196 и 525 соответственно).
6. См., например, *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация,— М.: Владос. — 1998; *Лазебник Л.Л.* Глобал1зацiя як середовище формування полгтики економ1чного розвитку краши // Актуальш проблеми економжи. — 2005, № 11. С. 94—100; *Юхименко В.* Укра'ша в глобальних штеграцшних процесах // Вкник КНТЕУ — 2007, № 3. С. 16—25; Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. 6-я ежегодная Международная конференция факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова; (29—31 мая 2008 г.): Материалы конференции / Отв. ред. Мысляева И.Н. — М.: Макс Пресс, 2008; Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. чл.-корр. РАН Горшков М.К. — М.: ИСРАН, 2008; и др.

Работ, конечно, много. Количество их увеличивается, можно сказать, в геометрической прогрессии, но прогресса в познании объекта не наблюдается. Гвоздь такого противоречия, на наш взгляд, в том, что имеющиеся средства познания и способы понимания глобализации неадекватны её новым реалиям и потеряли смысл. Их познавательная ценность невелика. Как следствие, последователи не приближаются к научной истине о глобализации, а отдаляются от нее. И чем дальше — тем больше. Попытка преодолеть этот барьер — цель и задача данной статьи.

7. Толстой Л.И. называл их таинственными силами, поскольку, по его мнению, законы, определяющие движущие силы человечества, неизвестны нам. (См.: Собр. соч., в 12-ти томах, Т. 6. С. 250). На основе работ А.А. Зиновьева они становятся нам известны.
8. См.: *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. — М.: Алгоритм, 2006. С. 95.
9. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. — М.: Алгоритм, 2006. С. 452; См. также: *Зиновьев А.А.* «На пути к сверхобществу». — СПб.: Издат. дом «Нева», 2004.
10. См.: *Зиновьев А.А.* Русская трагедия. — М.: Алгоритм и ЭКСМО. — 2005. С. 577-584.
11. См., например, http: *Выдрин Д.* Фаза полураспада // www.vydrin.com/ express/101436/. Общим же показателем несамодостаточности страны являются тенденции и потенции её постсоветской эволюции. Они показывают и доказывают, что постсоветская Украина не режиссер-постановщик своей национально?! исторической судьбы. Она — исполнитель роли, назначенной ей глобализацией. Иными словами, страна не самостоятельный субъект, а зависимый объект западнизации. Достаточно сказать, что имеющийся государственный внешний долг (с учётом долгов корпоративных структур) в 100 млрд. гр. отягощён в текущем году новым кредитом МВФ в 16,5 млрд. долл. Ежегодно растёт и энергетическая зависимость. Отсюда немудрено, что более 90 % принимаемых государственных решений обусловлены не внутренними, а внешними факторами.
12. См.: *Плохое В.Д.* Западная социология XIX—XX вв. От классики до постнеклассической науки: Эпистемологическое обозрение / *Плохое ВД.* Учебное пособие. Изд. 2-е. испр. и доп. — СПб, 2006. С. 111 — 112.
13. *Зиновьев А.А.* Идеология партии будущего. — М.: Алгоритм, 2003. С. 203—212.

    Фурсов А.И. Последний поклон капитализма. Статья первая и вторая. http://www.apn.ru/publications/printl7585.htm.
14. См.: *Зиновьев А.А.* Очерки комплексной логики / Под ред. *Сидоренко Е.А.* - М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 555.

Ф. хэнсон,
профессор Бирмингемского университета,
Великобритания

Взлеты, падения и всемирный экономический кризис

«Капитализм в безвыходном положении!» — заявляет не какая-нибудь газета, а *The Economist.* Вовсю идет национализация банков, и не где-нибудь, а в Великобритании и в США. Что бы сказал обо всем этом Александр Зиновьев? С момента заката коммунизма в России (истинного ли, мнимого ли — сказать сложно) не успело смениться и поколения. Неужели именно сейчас Запад готовится к принятию некоего варианта коммунистического строя?

Такое развитие событий поставило бы все наши представления о реальности с ног на голову — и, стало быть, Зиновьева бы оно вряд ли удивило. Но можно ли составить представление о том, что, по его мнению, должно было случиться с капитализмом в будущем, по информации, содержащейся в его работах? В те времена, когда он занимался наглядным препарированием Ибанска в таких книгах, как *«Зияющие высоты»* и «*Коммунизм какраалъностъ»,* ставших причиной радикальных перемен в мировоззрении многих из нас, Александр Александрович был довольно немногословен в том, что касалось другого строя — капиталистического. Тем не менее он сказал две поразительные вещи о том типе социального устройства, который он противопоставлял коммунизму — о цивилизации. Первая: «Цивилизация имела место по недосмотру властей». Вторая: «Цивилизация похожа на полет; коммунизм же скорее сродни падению». Он никогда не обозначал географических либо хронологических границ цивилизации, но создавалось такое впечатление, что он не отождествлял ее исключительно с древними Афинами — или, скажем, Эдинбургом в восемнадцатом веке, или даже североевропейскими странами в наши дни. Он просто давал понять, что цивилизация существует — или, по крайней мере, существовала когда-то, и что она никогда не имела ничего общего с Ибанском. Давайте ненадолго предположим, что подразумеваемый им под понятием «цивилизация» тип социального устройства более или менее сходен с западной моделью развитого капитализма.

Если наше предположение окажется верным, то получится, что зиновьевские рассуждения о естественности падения и о постоянном напряжении всех сил, требуемом для полета, перекликаются с книгой лауреата Нобелевской премии по экономике Джеймса Бьюкенена (James Buchanan), озаглавленной «Страх перед свободой: зависимость как объект вожделения» (Afraid To Be Free: Dependency As Desideratum, издательство центра *Public Choice,* Т. 124, №. 2. 2005 г). «Лишь находясь под защитой механизмов общественного контроля, воплощаемых в институтах государственной власти, индивид в состоянии уходить или увиливать от личной ответственности, и даже совершенно отрицать наличие таковой», — говорит Бьюкенен. Иначе говоря, стремление к уходу от личной ответственности и предоставлению государственным институтам права принимать судьбоносные

решения является настолько же естественным для человека, насколько для него естественно падение — и насколько неестественен полёт. Таких же взглядов придерживаются сторонники широких гражданских прав и свободного рынка, которые обычно упрекают своих сограждан в том, насколько легко последние соблазняются приманкой «социального обеспечения» и «перераспределения ресурсов», каковые неизбежно предполагают государственный контроль. Зиновьев сформулировал это в своей обычной манере, т.е. в несколько раз более емко и запоминаемо чем кто бы то ни было еще.

Всемирный финансовый кризис, начавшийся в 2007 году, вызвал всеобщую панику и попытки спрятаться за широкой спиной государства, как в США и Европе, так и в России. Для всех, кто искренне верил в свободу рынка, 3-е октября 2008 года стало траурной датой. В этот день нижняя палата конгресса США проголосовала со второй попытки за принятие пакета спасательных мер объемом в 700 миллиардов долларов, разработанного Генри Полсоном. Правительство поспешило на помощь финансовым структурам, и капитализм на самом деле оказался в безвыходном положении — по крайней мере с точки зрения борцов за широту гражданских прав.

Но если мы сворачиваем в сторону от свободного рынка, то куда же мы направляемся? Уж не в то ли «светлое будущее», которое так обстоятельно высмеял Зиновьев? Думается, что Запад этим путем все-таки не пойдет; что же до России, то здесь такого варианта развития событий исключать не стоит.

Невозможно отрицать того, что традиционный образ мышления, сложившийся на Западе, претерпевает значительные изменения. За последние 30 лет самым модным лозунгом политической элиты стал «com — хорошо, .gov — плохо» (речь идет о предпочтении свободы предпринимательства политике государственного контроля). За это время правящая элита России осуществила переход из одного строя в другой (сменив, так сказать, домен «gov» на «com»), так ни разу и не соблазнившись очарованием этой мании. У нее, в конце концов, есть своя мания, а именно, мания имперского величия, то есть «ги» — хорошо, любой другой домен — дайте срок, мы до вас еще доберемся».

В капиталистических странах старой формации мода на экономические доктрины меняется от государства к государству и от поколения к поколению. За последнее время Великобритания, США и Ирландия стали куда ближе к свободному рынку, чем Скандинавия, Франция или Германия сейчас, или по сравнению с самими собой в период между 30-ми и 70-ми годами XX века.

В 2000-м году Рональд Дор опубликовал довольно содержательную книгу, которая имеет все шансы оказаться пророческой — «Биржевой капитализм и капитализм «всеобщего благосостояния»: Япония и Германия против англосаксов» (*Stock Market Capitalism: Welfare Capitalism. Japan and Germany versus the Anglo-Saxons).* В ней он привел огромное количество сведений, свидельствующих о том, что «капитализм всеобщего благосостояния» (более регулируемый и склонный к интервенционизму) находится на пути к поражению. Япония и Германия начинают все сильнее походить на англосаксов. Экономическая динамика этих стран все в большей степени зависит от состояния рынка пенных бумаг, а не от деятельности государственных служащих и регулирующих органов.

Грянул кризис. Не сказать, чтобы он походил на грезы пламенных марксистов или кошмары убежденных сторонников широких гражданских свобод. Иными словами, не стоит воспринимать его, как тот самый последний и решительный кризис капитализма (или «то самое последнее бесславное бегство от свободы и ответственности», в зависимости от того, в какую из этих моделей верить). Как мы предполагаем, вместо этого нас ждет крах рынков ценных бумаг и политика более интенсивного вмешательства в финансовые структуры со стороны институтов государственной власти; маятник вновь качнется в сторону старого доброго государственного капитализма, который был последним писком экономической моды в эпоху президентов Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона. Мы не будем ни летать, ни падать. Вместо этого мы вернемся к нашему естественному способу передвижения — ковылянию наощупь.

Под словом «мы» подразумеваются капиталистические страны старой формации, а также те бывшие соцстраны, которые попали в капиталистический невод и оказались в итоге членами Евросоюза. А как насчет России и прочих стран СНГ?

Здесь все куда менее предсказуемо. Все, что мы можем предложить, это взгляд со стороны, не больше. Итак, мы предполагаем, что режим Путина окажется в состоянии не взлететь, а по-особенному проковылять наощупь так, что сторонний наблюдатель может принять это за попытку вернуться к коммунизму.

В настоящий момент вожди партии власти осуществляют контроль над оборотом капитала несколькими способами: являясь непосредственными собственниками таких компаний, как Газпром, Роснефть и Сбербанк, прибегая к посредничеству своих союзников в среде олигархов, таких, как Дерипаска или Абрамович, или используя секретные счета в дружественных «оффшорах». Результатом мирового финансового кризиса может стать запрос на увеличение маржи, адресованный находящимся по уши в кредите олигархам, который, в свою очередь, может привести к тому, что они передадут фонды наименее заслуживающим этого кандидатам, таким, как западные банки. Помимо этого (или в дополнение к тому), всемирный финансовый кризис способен поднимать бури, ввергающие места вроде Британских Виргинских островов в полнейший хаос. Возможным выходом из сложившейся ситуации представляется очередное сосредоточение внимания на практике непосредственного государственного владения собственностью.

Но даже в этом случае сомнительно, что обратная дорога в Ибанск на самом деле существует. В 1981 году Александр Александрович продемонстрировал, что о возвращении к сталинским временам не может быть и речи. Сталинизм, конечно, «нашей юности полет», но ведь нам уже исполнилось немало лет. Точно так же не может быть и речи о возврате к брежневской эпохе, т.е. системе, где у главного бонзы имеется «Кадиллак» и «Роллс-Ройс», и он ощущает себя повелителем вселенной. В любом из возможных будущих «Ибансков-2» главному Ибану будет хотеться владеть как минимум дюжиной-другой нефтяных скважин и несколькими алюминиевыми комбинатами. Вот уж воистину, Зиновьеву нашлось бы, над чем тут посмеяться.

Т.А. ЗИНОВЬЕВА,
преподаватель высшей категории дисциплин цикла информатики ГОУ Педагогический колледж № 5, Москва

Информационные технологии и развитие мышления

Данный текст представляет собой отчет о работе в русле исследовательского направления, у истоков которого стоит А.А. Зиновьев. Имеется в виду наука «интеллектология». Она изучает мышление специфическими для нее методами, чем существенно дополняет исследовательский аппарат сопредельных наук, имеющих дело с тем же объектом — человеческим сознанием.

Понятия «мышление» и «интеллект», часто употребляемые как синонимы, в интеллектологии несколько различаются.

Под мышлением подразумевается реальный процесс решения задач, который, будучи осуществляем во внутреннем плане сознания, отнюдь не всегда и не во всем доступен наблюдению и адекватному описанию в категориях психологии. Мышление «вычисляется» по наблюдаемым внешним проявлениям этого процесса и по анализу его продуктов.

Под интеллектом мы подразумеваем модель мышления — формализованную, отвлеченную от конкретного носителя. Интеллект описывается словесным или иным схематическим языком как совокупность действий, приводящих к решению задачи. Это некий свод законов и правил мышления. Мышление есть факт органический; интеллект же — факт культуры. Он изобретается как технология получения продукта, усваивается реальным умом и становится фактором его мышления.

Мышление, согласно психологии, бывает рациональным (рассудочным) и интуитивным («от балды»), и между этими его вариантами усматривается принципиальная разница. Для интеллекта здесь разницы нет. Решение интеллектуальной задачи описывается одним алгоритмом последовательных действий, и не важно, как они совершаются на самом деле: на уровне умения (последовательно, сознательно) или на уровне навыка (спонтанно, как бы сразу).

Интеллектология вторгается в область педагогики, чьей задачей является поиск форм и методов развития мышления. Интеллектологический подход позволяет проанализировать практикуемые педагогикой средства развития мышления и оценить их эффективность, а также предложить новые средства.

В настоящее время одним из важнейших средств развития мышления считается внедрение новых информационных технологий в образование. Под таковыми часто подразумевается любое использование компьютера в учебном процессе. Однако многие компьютерные технологии обучения лишь воспроизводят старые способы представления учебной информации и проверки знаний, при этом в более громоздком виде. Наша задача состоит в том, чтобы выявить в компьютерных учебных технологиях именно интеллектуально-развивающие. А, возможно, и изобрести их.

Здесь нам поможет исследовательская методика интеллектологии. Это логическое моделирование интеллекта как совокупности мыслительных действий; моде-

лирование типов интеллекта как вариантов комбинаций мыслительных действий; моделирование процессов развития интеллекта в онтогенезе и филогенезе; разработка методов диагностики уровня интеллектуального развития по анализу продукции интеллектуальной деятельности (так называемый когнитивный анализ). Все это необходимо для разработки учебных методик развивающего характера.

Зиновьев А.А. создал модель логического интеллекта и описал ее функционирование в разных областях познания. Мы продолжаем интеллектологические исследования в направлении моделирования пластического интеллекта. Все варианты развития конкретного человеческого интеллекта можно описать как комбинации базовых интеллектуальных действий, характерных для этих двух интеллектов. Эти базовые действия универсальны для любого вида интеллектуальной деятельности. Они реализуются в ее продукте, проходя ступени методических и технических действий, руководящих действиями внешнего физического плана.

Каждой ступени интеллектуального процесса восхождения от базового к внешнему уровню соответствует специфическая деятельность. Нас интересует информационная деятельность, которая состоит в получении, преобразовании и передаче информации.

У человека информационная деятельность выделяется из общего комплекса поведенческих актов в некое самодостаточное поведение. Информационное сообщение при этом не является командой, изменяющей поведение получателя. Оно порождает ответное сообщение. Объем и сложность продукта информационной деятельности по мере развития человечества неуклонно возрастает.

Информационная деятельность опосредует любую реакцию на внешние раздражители. Информация о раздражителях заменяет сам раздражитель. Из-за такого громоздкого опосредования страдает оперативность и адекватность реагирования, усиливается его вариативность. Автономизация информационной деятельности объясняет феномен человеческой глупости. Оказывается, глупость — это атрибут развитого интеллекта.

Информационная деятельность реализуется в продукте через так называемые информационные технологии. Будучи порождением интеллектуальной деятельности, они в свою очередь являются фактором его развития. Интериоризированные в сознании, такие действия, как получение, хранение, воспроизведение и преобразование информации, становятся алгоритмами мышления.

Алгоритмы информационной деятельности включают в себя действия двух взаимосвязанных категорий. Действия, заданные спецификой информационной технологии, дополняются действиями компенсационными, восполняющими ее несовершенства (например, соотнесение звучащих слов с объектами предметной области, перевод словесного текста в воображаемые визуализированные образы). Компенсационные действия сами включаются в информационные технологии и ведут к развитию последних. Тут мы можем говорить об экстериоризации мышления — о переходе действий внутреннего мыслительного плана во внешние материальные технологии.

Этапы развития интеллекта человечества соответствуют этапам развития информационных технологий. Это констатация исторического факта, в котором вряд ли кто-нибудь усомнится. Нам же важно выяснить, какова логика этого процесса, что позволит спрогнозировать изменения в мышлении, вызванные внедрением новых информационных технологий.

Анализ известных информационных технологий дал их общую классификацию на:

- Первичные
- Традиционные
- Новые.

Будучи этапами развития информационных технологий, эти виды технологий в комплексе обслуживают информационную деятельность человечества. В историческом аспекте можно говорить о преобладании того или иного вида информационных технологий и о преимущественном его воздействии на мышление людей.

Мы выявили характеристики информационных технологий, так или иначе влияющие на интеллектуальную специфику информационной деятельности. Это:

1. Носитель информации.
2. Кодировка, или система записи информации.
3. Объем информации.
4. Срок хранения информации.
5. Аберрации при передаче.
6. Канализация, или пути восприятия информации.
7. Характер обучения.

Первичные информационные технологии вырастают из органических возможностей человека, которыми он располагает на заре антропогенеза и в раннем возрасте. Информация передается без посредства каких-либо промежуточных информационных носителей, через использование человеком своих физиологических возможностей. Это двигательные действия, непосредственные манипуляции с предметами, звуковые сигналы и, как венец развития на этом уровне, устная речь. На первом этапе развития первичных информационных технологий натуральные объекты действительности означают то, чем они являются. В устной речи возникает символическое представление информации, с переносными значениями всё большей степени условности.

Человечество выработало способы хранения информации, специфичные для первичных информационных технологий: предания, обряды, передаваемые из поколения в поколение. Сложились формы информационных продуктов, обеспечивающие точность и полноту передаваемой таким образом информации. Они рассчитаны на запоминание и воспроизведение. Установка на воспроизведения тормозит включение нового опыта в информацию, передаваемую из поколения в поколение. При живом воспроизведении и восприятии информации неизбежны ее искажения и потери, особенно значительные, когда непосредственная преемственность передачи прерывается.

Отличительное качество первичных информационных технологий — их изначальная многоканальность, вовлечение в получение информации всех анализаторов. Многоканальная информация воспринимается сплошняком. Звучание слова не отделено от смысла, наглядные представления и двигательные действия дополняют и уточняют смысл. Средств одного канала недостаточно для передачи сообщения. Нерасчленённая многоканальность сообщения соответствует чувственному образу реальности.

Учеба в первичных информационных технологиях практически однокомпонентная. Отсутствует такой её компонент, как обучение информационным тех-

нологиям, поскольку овладение двигательными навыками и речью — это органический процесс. Обучение сводится к усвоению содержания передаваемого знания.

Поскольку основными функциями образования в культуре, построенной на первичных информационных технологиях, является сохранение информации в непрерывной преемственности поколений, учебная задача состоит в запоминании максимальной суммы знаний и ее ретрансляции. Из функций мышления в наибольшей степени востребованы запоминание и воспроизведение информации. Преобразование информации осуществляется в виде аберраций — ошибок, утрат.

Обучение происходит в формах непосредственной коммуникации учителя и ученика: диалога с учителем, ответов на его вопросы, воспроизведения его действий с возможностью оперативного уточнения передаваемой информации и проверки ее усвоения. Однако возможности хранения информации в первичных информационных технологиях ограничены памятью учителя и ученика, что сказывается на объеме передаваемой информации. Ограничено также количество учащихся, охваченных непосредственным контактом с преподавателем, как в пространстве, так и во времени.

В педагогической практике значение непосредственного контакта учителя с учащимися (рассказ, показ действий) никогда не потеряет своего значения. Особенно актуальны первичные информационные технологии в начальном образовании, когда учащиеся только овладевают информационными технологиями более высоких ступеней развития. Также важны они в технологическом образовании, когда приёмы работы перенимаются непосредственно у мастера.

Первичные информационные технологии вырабатывают конкретно-деятельное и конкретно-образное мышление, формируют воображение, внутреннюю звучащую речь. Нерасчлененная многоканальность информации приводит к преобладанию в информационной деятельности алгоритмов пластического интеллекта. Устная речь формирует интеллект логический.

Традиционные информационные технологии называются так потому, что на них с древнейших времен зиждется культура человечества. При всем их прогрессе, добавлении новых к давно существующим, у всех них есть общие черты, объединяющие иероглифическую надпись и киноленту в одну группу.

В традиционных информационных технологиях носителями информации служат внешние по отношению к человеку материальные объекты, специально предназначенные для хранения информации. Информация записывается на этих носителях посредством специальных операций, изменяющих чувственно воспринимаемые свойства их материалов. Техники записи подразделяются на ручные и механические, информационные продукты — на уникальные и тиражные.

Эти технологии позволяют зафиксировать информацию, исходящую от первичного носителя, в материальном виде, передать ее другим при отсутствии первичного носителя. Традиционные информационные технологии расширяют объём передаваемой информации, которая не ограничивается объёмом индивидуальной и даже коллективной памяти. Они обеспечивают более длительное ее хранение и воспроизведение при нарушении непосредственной преемственно-

сти; расширяют круг получателей информации не только в пространстве, но и во времени. При сохранности материальных носителей минимизируются информационные потери и искажения. Новый опыт получает свою фиксацию в новых информационных продуктах. Нарастает общий объём информационной продукции человечества.

Кодировки информации различаются по характеру носителей, зависят от техники записи. Разнообразные символьные системы разной степени условности подразделяются на две категории: образные и знаковые.

Особенностью традиционных информационных технологий является распределение по каналам: словесно-логическому и наглядно-образному, с разветвлением по видам носителей. Приоритетное развитие получила передача информации с помощью письменного текста, за нею следует визуальная информация.

Развитие традиционных информационных технологий заключается в накоплении информационных носителей и систем записи (от первобытной схематической изобразительности к письменности и изобразительному искусству); в тенденции к механизации ручных техник записи информации; в охвате материальными носителями разных каналов информации (звукозапись, запись движущегося изображения), иными словами, в усложнении и профессионализации технологий.

В ходе истории ручные способы фиксации информации дополнялись и оттеснялись на периферию культуры способами механическими. Прогресс традиционных информационных технологий состоит в изобретении технических средств записи чувственной информации, прежде бывшей прерогативой первичных информационных технологий.

Тем не менее и древняя рукопись, и современное видео принадлежат к традиционным информационным технологиям. Общим их качеством является именно моноканальность. У каждого канала имеется своя технологическая специфика записи информации, что приводит к специализации информационной деятельности.

Этого факта не отменяет существование синтетических информационных форматов (иллюстрированный текст, музыка в кино...) Они являются продуктом специализированного профессионального труда. Полноценный синтез каналов информации (когда многоканальная информация воспринимается целостно и с приращением смысла, отсутствующего в компонентах, составляющих это целое) осуществляется на высшем уровне мастерства. Поликанальный информационный продукт при этом является сложной в координации суммой моноканальных продуктов.

Традиционные информационные технологии усложнили, сравнительно с первичными, интеллектуальную составляющую информационной деятельности тем, что для усвоения знания необходимо овладеть информационной технологией, прежде всего, научиться читать и писать.

Учеба в условиях преобладания традиционных информационных технологий двухкомпонентная. Освоение информационной технологии является условием усвоения содержания предмета. При выполнении этого условия учебный процесс осуществим и без посредничества учителя, через восприятие информации с материальных носителей.

На традиционных информационных технологиях зиждется система современного образования, чьей базой является овладение письменной речью. Обучение грамоте дополняется освоением способов кодирования информации, характерных для различных учебных предметов, в каждом из которых имеются свои термины, знаки, визуальная и прочие составляющие специального языка. Изучение информационных технологий имеет тенденцию к специализации по мере восхождения по ступеням образования. Специальными технологиями овладевают не все, а лишь проходящие профессиональную подготовку в той или иной области. Владение информационными технологиями у человека традиционной культуры складывается из двух компонентов: активного и пассивного. Чтением-письмом овладевают в массовом порядке, для визуальной продукции большинство лишь зрители.

Интеллектуальная специфика традиционных информационных технологий определяется отвлечением речи от чувственной звуковой формы, её визуализацией в графических знаках, воспроизводящих последовательную структуру устной речи. Линейный строй письменного текста и плоскостной носитель графических знаков ведут к приоритетному формированию логического интеллекта с торможением и даже редукцией пластической стороны мышления.

Поскольку постоянно нарастающий объем информации на материальных носителях значительно превышает ёмкость индивидуальной памяти, становятся актуальными такие функции мышления, как обобщение и структуризация информации. Это ведет к развитию абстрактного мышления, к освоению интеллектом логических операций.

Пластический интеллект становится прерогативой специальной деятельности, опосредованной специальными техниками. Специализация мышления затрудняет перенос действий, характерных для одного канала, на информацию другого канала. Люди, которые на это способны, в традиционной культуре причисляются к гигантам мысли.

Новые информационные технологии принято связывать с появлением такого универсального технического устройства, как носитель и инструмент обработки всех видов информации — ЭВМ (компьютер). Компьютер аккумулировал и синтезировал технологии, первичные и традиционные.

Кодировка всех видов информации в компьютере также универсальная — цифровая, с выводом для восприятия в традиционных кодировках (образных, знаковых) и имитации первичной, натуральной.

Компьютер предоставляет широкие возможности для работы в традиционных специализированных каналах информации, как и используется в большинстве случаев. Вместе с тем, единый инструмент и стандартизация приёмов работы в разных программах максимально облегчает одному пользователю работу в разных каналах.

Наряду с традиционными, моноканальными форматами (текст, картинка, фильм, звукозапись), появился специфически компьютерный многоканальный формат — мультимедиа. Мультимедийный продукт совмещает разноканальную информацию, структурированную одним разработчиком. Это не просто арифметическая сумма текстов, картинок, звука и видео на одну тему, а качественно новое, более емкое (при количественном сокращении) пред-

ставление информации. К традиционным каналам присоединился еще один — интерактивность, предусматривающая вторжение пользователя в информационный продукт, изменение его структуры, определение порядка, объёма, ориентации в восприятии информации. Пример мультимедийного продукта — компьютерные игры.

Специфика мультимедийного продукта состоит в том, что он создается посредством одного инструмента — компьютера. Этот инструмент осваивается массовым пользователем значительно быстрее и эффективнее, чем происходит специализированное обучение по отдельным информационным каналам традиционных технологий. Массовый пользователь уже на первых шагах компьютерной учебы оперирует многоканальной информацией.

Учеба в новых информационных технологиях трехкомпонентная: освоение традиционных информационных технологий, освоение компьютера, усвоение содержания учебных предметов.

Компонент компьютерного образования предусматривает три уровня компетенции:

1. Пользователь — восприятие информации с компьютера, воспроизведение традиционных технологий (писать текст, рисовать картинки...) с помощью программного обеспечения ЭВМ.
2. Разработчик продуктов — комбинирование алгоритмов работы в разных программах для решения конкретных информационных задач.
3. Программист — разработка алгоритмов работы с информацией, создание инструментария информационных технологий.

Интеллектуальная специфика новых информационных технологий проясняет потенциальную роль компьютера в образовании.

Компьютерные программы представляют собой готовые функциональные модели интеллекта. Интериоризация алгоритмов работы в этих программах организует мышление.

Мультимедийное^ разрушает диктат логического интеллекта над пластическим, выравнивает их развитие. Информационные задачи решаются комбинированием действий логического и пластического интеллектов. В работу пластического интеллекта вносится рациональное начало. Формируется нелинейное мышление — пространственное представление и преобразование логической информации. На высшем интеллектуальном уровне формируется алгоритмическое мышление, оперирующее как материалом самими интеллектуальными действиями (программирование).

Нельзя сказать, что мультимедийное (нелинейное) рациональное мышление стало возможным только благодаря компьютеру. Компьютер с его программным обеспечением сам является продуктом такого мышления.

Но именно новые информационные технологии при должной постановке образовательного процесса могут обеспечить синтез логического, пластического и производных специальных интеллектов как массовой нормы; способствовать развитию нелинейного мышления, связанного с пространственным представлением логической информации.

Сравнительный анализ информационных технологий приведен в нижеследующей сводной таблице.

ПЕРВИЧНЫЕ	ТРАДИЦИОННЫЕ	НОВЫЕ
1. Носитель		
Человек, натуральные объекты	Материальные, специализированные по видам информации; ручные, механические (тиражные) техники записи.	Универсальное техническое устройство для всех видов информации — компьютер.
2. Кодировка		
Натуральная, символическая, (пластический образ), условная (звучащая речь)	Образная, знаковая — разной степени абстрагированности.	Универсальная — цифровая, с выводом для восприятия в традиционных кодировках (образных, знаковых, натуральных).
3. Объем		
Ограничен коллективной памятью, сопоставимой с индивидуальной. При передаче объем дублируется без количественного накопления.	Превышает объем индивидуальной и коллективной памяти. Постоянно прирастает. Количественное накопление информации ограничено физическими параметрами массы носителей.	Неограниченный — при малом физическом объеме носителей.
4. Хранение		
Без передачи ограничен жизнью индивида. С передачей — сроком непрерыиной преемственности.	Сохранность информации обусловлена сохранностью носителя. Не обусловлена преемственностью передачи. Увеличивается при тиражировании и распространении копий.	Срок хранения неограниченный, не обусловлен сохранностью носителя при неограниченной возможности копирования.
5. Аберрации		
Забывание, искажение при передаче.	При ручном копировании; уменьшаются при механическом тиражировании.	Возможность любых изменений в документе при сохранности исходника.

6. Канализация		
Нерасчлененная миогоканальность, соответствующая чувственному образу реальности.	Специализация каналов по носителям и системам записи (визуальной, текстовой, звуковой, двигательной).	Мультимедийное^, миогоканальность, обеспечивающая более емкое представление информации за счет синтеза информации разных каналов. К традиционным каналам добавляется канал интерактивных действий.
7. Обучение		
Однокомпонентное: воспроизведение и запоминание содержания учёбы без обучения информационной технологии. Непосредственная передача информации от учителя к ученику.	Двухкомпонентное: освоение информационной технологии как условие усвоения содержания предмета. Специализация в освоении информационных технологий: приоритет письменной речи; прочие — специальная профподготовка. Восприятие учебной информации с материальных носителей без учителя.	Трехкомпонентное: освоение традиционных информационных технологий, освоение компьютера, усвоение содержания предметов. Освоение суммы информационных технологий при работе в разных компьютерных программах. Интеграция компонентов обучения в проектной деятельности — создании информационного продукта. Интерактивность виртуальных носителей учебной информации. Дистанционное общение учителя и ученика.
8. Интеллект		
Конкретно-деятельное, конкретно-образное мышление, формирование воображения, внутренней речи. Преобладание алгоритмов пластического интеллекта. Основные функции: хранение и воспроизведение информации.	Приоритет логического интеллекта. Интериоризация операций со знаками в отрыве от чувственного образа. Развитие абстрактного мышления для оперирования информацией, превышающей объём памяти (обобщение, систематизация). Специализация мышления по каналам с затрудненностью переноса действий.	Интериоризация алгоритмов обработки информации в разных компьютерных программах с их вариативным комбинированием; развитие алгоритмического мышления (программирование). Синтез логического, пластического и производных специальных интеллектов при оперировании разноканальной информацией; развитие нелинейного мышления, связанного с пространственным представлением логической информации.

Итак, мы выявили особенности интеллекта, потенциально развиваемые с помощью новых информационных технологий при условии адекватной им организации учебного процесса.

В современном образовании компьютер является как предметом изучения, так и инструментом обучения. Первое обстоятельство служит условием эффективного использования его во втором качестве.

Тем не менее в практике компьютерного обучения эти два направления пока сохраняют автономию. Здесь сохраняется инерция традиционных информационных технологий.

Умению работать на компьютере, как правило, учатся ремесленным способом: осваивают отдельные программы как таковые. Печатные руководства по освоению компьютерных программ предельно специализированы.

В преподавание различных дисциплин компьютер как средство обучения привносит качества, потенциально оптимизирующие образовательный процесс. Это:

- Облегченный доступ к информации.
- Активизация самостоятельного поиска и переработки информации.
- Приспособление темпа, форм и методов обучения к индивидуальным особенностям учащихся.
- Дистанционность обучения при активном контакте с преподавателем.

Специализация компьютерной учебы, отрыв освоения компьютерных информационных технологий от усвоения с их помощью содержания образования тормозит реализацию возможностей использования компьютера как интеллектуально развивающего средства. Педагоги и учащиеся выступают, как правило, в качестве пассивных пользователей готовыми компьютерными продуктами.

С помощью компьютера осуществляется:

1. Использование информационных ресурсов по разным предметам. Это замена и дополнение традиционных информационных источников (книг, объяснений учителя, прочих).
2. Выполнение традиционных учебных заданий: составление учащимися текстов, произведение подсчётов, подбор изображений. Облегчённый доступ к разного рода информации зачастую провоцирует учащихся на компилятивный метод работы, когда почерпнутое из разных источников содержание не проходит процесса внутренней переработки, осмысления и понимания.
3. Использование учебных пособий, обучающих программ, тестов и прочих форм проверки знаний, дидактических игр. В работе учащихся с такими пособиями отрабатываются обычные учебные действия: запоминание и воспроизведение материала и изучаемых алгоритмов работы.

А вот принципы реализации интеллектуально развивающих возможностей новых информационных технологий при использовании компьютера как средства обучения:

1. Учебные пособия нелинейной структуры, предполагающие активное участие пользователя в структурировании информации. В частности, нами разработан новый тип учебной компьютерной игры творческого характера: задается материал, условия, алгоритмы работы с вариантностью ее выполнения.

2. Интеграция учебы по различным образовательным предметам с обучением работе на компьютере. Программное обеспечение компьютера подбирается в соответствии с информационной спецификой и интеллектуально развивающими задачами того или иного предмета.
3. В качестве учебных заданий учащиеся создают информационные продукты, предполагающие работу с материалом по предмету: поиск, отбор, структурирование, мультимедийное представление материала с возможностью использования этого продукта как игры или учебного пособия по данному предмету. На высшем уровне компетенции это программные продукты. Самостоятельное создание учащимися мультимедийных продуктов особенно важно для профессионального педагогического образования. Тем самым преодолевается зависимость педагогов от готовой продукции, наводняющей рынок; обеспечивается оперативное и гибкое удовлетворение конкретных потребностей учащихся в такого рода продукции.
4. Проекты учебных мультимедийных продуктов подразумевают использование при их создании комплекса разнообразных программ. Изучение программ не самодостаточно, а целенаправленно ориентировано на создание конкретного продукта, с перспективой дальнейшего расширения и совершенствования умений в индивидуально избранном направлении. Это укрепляет мотивацию компьютерной подготовки учащихся и вырабатывает у них навыки целенаправленной организации и планирования учебы.

Перечисленные принципы организации компьютерной учебы реализуются в экспериментальной работе преподавателей педагогического колледжа № 5 г. Москвы. Экспериментальная работа проводится нами по следующим направлениям:

Компьютер и изобразительное искусство

В течение ряда лет производится цифровая фото- и видеофиксация процесса обучения по предметам эстетического цикла студентов дошкольного и школьного отделений педколледжа, их занятий с детьми на педагогической практике, учебных и творческих работ студентов и детей, проводимых выставок и мероприятий. Из полученных материалов формируется база данных (электронный методический фонд), доступная преподавателям и студентам колледжа.

Пользуясь этими материалами, а также материалами из других источников (книги, Интернет), студенты в рамках занятий по дисциплинам цикла информатики выполняют мультимедийные учебные пособия по изобразительной деятельности для ДОУ и начальной школы. Для этого они изучают программу Microsoft PowerPoint, растровый графический редактор Adobe PhotoShop, технику цифровой фото- и видеосъемки.

Разработана концепция и примерная структура выполняемых студентами учебных пособий по изобразительному искусству (для детей, для педагогов), включающих учебный материал по теме (опорные конспекты, схематическое представление теории, тезисы методики преподавания), иллюстративный ряд, игры и тесты по проверке знаний, демонстрацию технологии и процесса выполнения учебных заданий.

Обучаясь компьютерной графике, студенты создают продукты по методике обучения изобразительному искусству. Технология выполнения студентами учебных заданий и творческих работ по компьютерной графике скоординирована с программой и методикой изобразительной грамоты, методикой занятий по изобразительному искусству с дошкольниками и младшими школьниками. Упор делается на развитие образного мышления, чувства композиции, цвета, пространственного мышления, освоение выразительных средств изобразительного искусства, освоение нетрадиционных изобразительных техник.

Разработана концепция и структура творческой игры по изобразительному искусству, чьё содержание, условия и запрограммированные интерактивные действия направлены на развитие перечисленных интеллектуальных способностей. Преподавателями и студентами колледжа выполнен ряд игр, для чего в учебном процессе освоена программа компьютерной анимации Macromedia Flash.

Работа проводится нами совместно с преподавателями изобразительного искусства М.Н. Пономаревой, Е.В. Виноградовой, Н.Н. Родиной.

Компьютер и музыка

Совместно с преподавателем музыки И.П. Куликовской разработана концепция использования компьютера в преподавании начального курса музыки. Эта концепция легла в основу факультативного курса И.П. Куликовской «Музыка и компьютер», предназначенного для студентов педагогического колледжа в качестве учебной дисциплины дополнительного образования, а также для повышения квалификации преподавателей музыки в ДОУ и общеобразовательной школе. Целью курса является освоение современных комплексных методик музыкального обучения, связанных с использованием компьютера.

Задачи курса: изучение информационных ресурсов по музыкальному образованию; освоение методики использования мультимедийных информационных продуктов музыкального содержания в учебной работе; освоение технологий разработки мультимедийных информационных продуктов для ДОУ и общеобразовательной школы; расширение музыкального кругозора обучающихся; углубление знаний по музыкальной теории; приобщение обучающихся к поиску новых нетрадиционных форм начального музыкального обучения.

Особенностями курса являются: обращение к визуализированной форме анализа музыкальных произведений и объяснения музыкальных понятий в синтезе со слуховой формой восприятия; связь теоретического и практического содержания курса с задачами индивидуального обучения игре на инструментах; формирование эмоционально-эстетического отношения к музыке, развитие тембрового слуха учащихся.

В ходе обучения учащиеся выполняют практические задания по планированию музыкальных занятий с детьми с использованием компьютерных средств обучения, самостоятельно создают мультимедийные учебные пособия по музыке.

В рамках данного направления экспериментальной работы выполнен ряд мультимедийных дидактических пособий по музыке просветительского и творчески-игрового характера.

Компьютер и «Технология»

Студенты отделения технологии в рамках дисциплин по выбору изучают программное обеспечение ЭВМ, программирование, методику организации компьютерных занятий. Содержание и методика занятий, посвягцённых освоению программ компьютерной графики, анимации, звукозаписи, видеосъемки скоординированы с курсами цикла технологии.

В качестве учебных заданий и творческих проектов студенты выполняют мультимедийные учебные пособия и дидактические игры по различным разделам курса школьной «Технологии»: по кулинарии, моделированию и конструированию одежды, обработке твердых материалов и т.п., апробируют их в ходе педагогической практики.

По направлениям *«Компьютер и художественный труд», «Компьютер и физкультура», «Компьютер и москвоведение», «Компьютер и литература», «Компьютер и математика»* также разработаны концепции и технологии создания интерактивных мультимедийных учебных пособий для начальной школы. Образцы пособий выполнены студентами и испытаны ими на педагогической практике.

Работа по всем направлениям организована по общей схеме, реализованной в большем или меньшем объеме. Этапы работы:

1. Согласование тематики и методики преподавания интегрируемых учебных дисциплин, выявление потребностей преподавателей различных предметов в определенных компьютерных учебных технологиях и мультимедийных продуктах.
2. Разработка концепций мультимедийных продуктов по задачам, структуре, направленности; определение круга информационных материалов для разрабатываемых продуктов.
3. Разработка учебных курсов цикла информатики (компьютерная графика, анимация, звуковой и видеомонтаж, web-дизайн, издательские системы, программирование) в расчете на выполнение студентами проектов по тематике и методике тех или иных учебных дисциплин.
4. В процессе преподавания соответствующих курсов — освоение студентами компьютерных технологий, направленных на получение и обработку информационных материалов, создание соответствующих продуктов.
5. Испытание студентами созданных продуктов в ходе педагогической практики.
6. По итогам обучения составление преподавателями методических пособий для студентов и преподавателей колледжа.

Н.В. ИВАНЧУК,
профессор, доктор философских наук,
Уральская академия государственной службы

Александр Зиновьев как глобальный и национальный мыслитель. Актуальность культуры памяти

Усиливающаяся глобализация обостряет проблемы взаимодействия различных цивилизаций, поиска и нахождения ими «своего» места в стремительно изменяющемся мире. В этих условиях актуализируется значение творческого наследия таких личностей, как Зиновьев. Он мыслитель не только глобального масштаба, но и с ярко выраженной национальной спецификой. Для него характерно реалистическое понимание как глубинных тенденций глобализирующегося мира, так и исторических судеб той культуры, цивилизации, к которой он сам принадлежит. Эта принадлежность не только не деформировала видение им глобальных проблем, но и позволила их осознавать более глубоко и адекватно.

Зло, судя по всему, извечный спутник человеческого существования. Зиновьев относится к тем мыслителям, которые исключительно остро чувствовали проблему зла, его огромную силу, способность постоянно приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни. В этом плане он продолжил традиции, которые существовали до него в отечественной культуре, искусстве, литературе, философии, связанные с глубинным постижением «метафизики» зла. Среди его предшественников можно назвать Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Н. Бердяева, В. Розанова. Список этот можно продолжить. Проявления зла многолики и имеют свои национальные особенности. Один из самых проницательных русских мыслителей В. Розанов отмечал такую разновидность отечественного зла: «Подойдя к Древу Жизни, мы можем взять, да и срубить его. Срубить, чтобы «ободрать на лапти» Обломову...»[1] Древо жизни у нас неоднократно рубилось и продолжает рубиться, хотя люди, ради которых это делается, уже другие. Забота о Древе российской жизни — и не только российской — пронизывает все творчество Зиновьева, хотя на роль духовного лидера он субъективно никогда не претендовал. Но объективно такую роль осуществлял и, полагаю, еще долго будет осуществлять.

Зиновьев не был бы Зиновьевым, если бы он просто воспроизводил идеи своих выдающихся предшественников, хотя это само по себе дорогого стоит, ибо процесс освоения «вечных» истин бесконечен и постоянно нуждается в акторах этого процесса. Идеи своих предшественников Александр Александрович без преувеличения развивал, обогащал. Так, в творчестве Зиновьева, на мой взгляд, ярко выражено чаадаевское начало — способность говорить собственному народу и его элитам правду, какой бы горькой она ни была. У Запада есть свои «зияющие высоты», свои миражи, увлечение которыми не менее опасно, чем обольщение ком-

[1] *Розанов В.В.* Опавшие листья: Лирико-философские записки. М.: Современник, 1992. С. 33.

мунистическими миражами и призраками. Зиновьев оказался одним из первых, кто такую опасность осознал и талантливо внедрял в общественное сознание. А это требовало и личного мужества, которое в полной мере оказалось присущим Зиновьеву.

Александр Александрович продолжил заложенные в мировой и отечественной культуре традиции противодействия злу, внес весомый вклад в освоение антропологии и социологии зла. Процесс познания, считал он, не может быть прямолинейным, односторонне развивающимся процессом все более глубокого и полного постижения истины. В нем есть свои взлеты и падения, свои «идолы», трудно преодолимые препятствия. «Мракобесие оказалось неизбежным спутником познания. Оно лишь меняло форму, становилось все более утонченным и изощренным. Оно пожирало плоды познания, оттесняло познание и само принимало обличие подлинности»[1].

Имитационные процессы, подделки под подлинность, научность, интересы прогрессивного человечества и человечества вообще, под права человека, оппозиционность и многие другие в современном глобализирующемся обществе, как российском, так и зарубежном, достигли поистине грандиозных масштабов. Следует признать, что в противодействии различного рода деструктивным манипуляциям, социальному злу Запад накопил огромный опыт. Но и его, следуя зиновьевскому пониманию этих проблем, нельзя идеализировать, ибо западнизм как социальный феномен, впервые выделенный Зиновьевым, угрожает не только Западу, но и всему человечеству.

Непрекращающиеся и сегодня попытки ряда представителей западных интеллектуальных и политических элит представить современную Россию, миллионы ее граждан, зачастую мучительно ищущих свой путь к новой жизни, в которой бы принадлежность к среднему классу стала массовым явлением, как «империю зла», конечно же, социально опасны. Они опасны не только для народов России, ибо делают этот путь более трудным. Но такого рода попытки опасны и для самого Запада, ибо реанимируют преодоленные им на высших стадиях его развития комплексы и фобии. Реанимация этих комплексов и фобий, — вполне возможно, один из признаков надвигающегося на Запад кризиса его цивилизации.

Хотя зло — атрибут человеческого существования, ему необходимо и вполне реально противодействовать, считал Зиновьев. Уже в первом произведении, принесшем ему широкую известность, *«Зияющие высоты»,* он четко сформулировал проблему «избыточной меры зла»[2]. Она, конечно, трудно разрешима. Но зло не может быть системообразующей основой жизни. Для избыточной меры зла характерны не только отрицание самоценности человеческой жизни, но и принесение интересов большинства интересам меньшинства, перспективных потребностей социума прагматическим интересам доминирующих в нем элит и некоторые другие критерии, требующие их осмысления и поисков социологического инструментария для их измерения.

Зиновьева, на мой взгляд, можно считать одним из ярких представителей, создателей стиля мышления, который утверждается эпохой постмодерна с такими

[1] *Зиновьев А.П.* Глобальный человейник. М.: Центрполиграф, 1997. С. 34.

[2] *Бачинин В.А.* Зиновьев // Политология. Энциклопедический словарь. СПб: Издательство Михайлова В.А., 2005. С. 98.

характерными для него чертами, как новый синтетизм, новый эклектицизм, парадоксальность и многими другими. Так, эклектицизм, ранее, казалось, навсегда скомпрометированный, в новых исторических условиях начинает раскрывать заложенный в нем потенциал, обнажает условность, относительность таких на первый взгляд извечных оппозиций, как глобальное и локальное, центр и периферия, «высшие» и «низшие» потребности, недостаточность механистической картины мира с ее застывшей иерархией. Для постмодернистского стиля мышления характерно новое, более глубокое понимание роли потребностей, взаимосвязей между различными их видами: «Низшая жизнь препотентна высшей, а это значит, что человек живет высшим во многом с позволения низшего. Необходимые предпосылки для высшей жизни чрезвычайно многочисленны»[1].

В то же время «высшие» потребности не обязательно рождаются из более высокого уровня удовлетворения «низших». Это блестяще показал Зиновьев в своем социологическом романе *«Глобальный человейник».* Да и жизнь современного российского общества подтверждает это. «Высшие» потребности значительной его части, несмотря на их освящение такими характеристиками, как «корпоративная этика», «цивилизованность», «разумность» и т.п., в таковые так и не превращаются. И здесь нам так часто не хватает присущей Зиновьеву принципиальности и проницательности. Мистификация, фантомизация, тривиализация и другие аналогичные процессы глубоко проникли в отечественную социологию и блокируют заложенный в ней огромный гуманистический потенциал.

Одну из задач чтений я вижу в том, чтобы память о Зиновьеве как о замечательном мыслителе и человеке не ослабевала, чтобы культура этой памяти росла. Культура памяти — сложное, многогранное явление. У каждого народа есть свои традиции этой культуры. Так, в Германии, в университете Гессена имеется специальное исследовательское направление «культуры памяти», в университете Лейпцига изучается история политической науки в этом городе и т.д.[2]

Скорее всего, мы тоже придем к этому рано или поздно, но как обычно, с опозданием. Но и у нас появляются лидеры этого процесса. Московский государственный университет, на мой взгляд, один из них. Однако эти процессы сильно осложнены рядом особенностей отечественной ментальности, драмами и трагедиями нашей судьбы. Одна из особенностей нашей ментальности — ее антиномичность. Конечно, антиномичность присуща не только русским людям, но и многим другим. Но у нас антиномичность носит скорее системный, нежели эпизодический, случайный характер. Мы государственники и одновременно анархисты, причем не просто анархисты, а с радикальным уклоном. Мы нуждаемся в героях, особенно мифологически достоверных, и вместе с тем готовы отречься от одних кумиров и возвести на пьедестал других. «Никакая философия истории, славянофильская или западническая, — писал Н. Бердяев, — не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могуществен-

[1] *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб: Издат. группа «Евразия», 1997. С. 340.

[2] См: *Шюттенмайер С.С.* Политическая наука в Германии: современное положение дел // Вестник Московского университета, Сер. 12. Политические науки, 2008. № 1. С. 64, 65.

ную государственность, почему самый анархический народ как будто бы не хочет свободной жизни?»[1]

Критика Зиновьевым Запада не лишена категоричности и излишней в ряде случаев абстрактности, ей не хватает дпфференцированости, ибо Запад многолик, многогранен. Франция, как известно, существенно отличается от США, а Англия от Германии. В той же Франции «влияние тем, поднятых американской политической наукой, существенно ниже, чем где бы то ни было»[2]. И это хорошо. А вот отечественная политическая наука сильно американизирована, что скорее плохо, чем хорошо.

Для изменения положения дел в лучшую сторону нам необходимы глубокое осознание собственной самодостаточности, вера в себя. «Изгойский знак отверженности и отсталости, исторической незадачливости и культурной несостоятельности» — характеристика, данная В. Расторгуевым, — очень не просто заменить на другой, более привлекательный. Тем более, если заинтересованных закрепить этот «изгойский» знак за Россией в современном мире немало. И без появления таких фигур, как Зиновьев, решить эту задачу было бы намного труднее, а в своей критике Запада он во многом оказался прав. В этой критике Зиновьев, бесспорно, опирался на своих выдающихся как отечественных, так и зарубежных предшественников. Многие чувства, переживания, настроения героев социологических романов Зиновьева перекликаются с настроениями персонажей знаменитого романа Джорджа Оруэлла «1984». Писатель так описывает переживания одного из своих героев Уинстона Смита: «Воспоминания о матери рвало ему сердце, потому что она умерла, любя его, а он был слишком молод и эгоистичен, чтобы любить ответно, и потому, что она каким-то образом — он не помнил, каким, — принесла себя в жертву идее верности, которая была личной и несокрушимой. Сегодня, понял он, такое не может случиться. Сегодня есть страх, ненависть и боль, но нет достоинства чувств, нет ни глубокого, ни сложного горя»[3].

Конечно, современное западное общество — более сложный организм, и в нем есть герои и героини не только такие, как Ева Адаме, но и такие, как Маргарет Тэтчер. Чтобы утвердить многополюсный мир, надо оказаться проницательней, дальновиднее и в конечном итоге социально эффективнее сторонников мира однополярного. Зиновьевская критика Запада имеет конструктивное значение, ибо направлена против идеализации не только уже существующих, но и уже будущих отношений между различными цивилизациями и культурами.

Судьба творческого наследия такого рода мыслителей, как Зиновьев, нередко складывалась трагично. Самих Зиновьевых депортировали, преследовали, возвращали. Но люди такого склада, если могли, возвращались сами. И здесь у Зиновьева тоже много предшественников. Более двухсот лет сочинения Юрия Крижанича пролежали на полках московских архивов. Еще более века про-

[1] *Бердяев НА.* Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 7.

[2] *Блондио Л., Делоа И.* Современное состояние политической науки: доклад по положению во Франции // Вестник Московского университета, Сер. 12. Политические науки, 2008. № 2. С. 75.

[3] *ОруэллДж.* 1984 и Эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 39.

должились споры вокруг имени Крижанича, и только в 1980-е годы началось переиздание его сочинений. «Первая помеха, — писал Крижанич, — общему народному благу — это незнание самого себя: когда люди слишком любят самих себя и свои поступки и обычаи, и считают себя сильными и мудрыми, не будучи таковыми»[1].

Отчуждение народа от преданных ему элит — огромное социальное зло, все последствия которого мы начинаем осознавать, быть может, только сегодня. Можно привести в качестве примера и судьбу другого замечательного предшественника — К.Н. Леонтьева. Творчество Леонтьева после 1917 года и до начала 90-х годов XX века предавалось забвению или дискредитировалось. «Мы не осуществили еще в истории назначения нашего, — отмечал с горечью К. Леонтьев. — Мы можем думать и мечтать об этом назначении весьма различно. Мировое не значит сразу и просто космополитическое, т.е. к своему равнодушное и презрительное. Истинное мировое есть прежде всего свое собственное, для себя созданное, для себя утвержденное...»[2] Собственное, — значит, самосозидаемое и самосоздаваемое, его надо утверждать прежде всего практическими делами, «не обрастая словами».

Культура памяти требует бережного отношения к тем, кто был несправедливо забыт. Это культура недопущения возможной несправедливости не только сегодня, но и в будущем. «Наши воспоминания не далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе... Наши умы не браздятся неизгладимыми следами последовательного движения идей, которые составляют их силу, потому что мы заимствуем уже развитые», — пророчески утверждал Г1.Я. Чаадаев[3].

Время подтвердило его правоту. Поиск отечественной гуманитарной мыслью российской идентичности в органической взаимосвязи с идентичностью других народов и цивилизаций представляет особый научный интерес. Зиновьеву в ряду такого рода мыслителей принадлежит видное место. Например, ему не был чужд тезис, который Достоевский вложил в уста Великого инквизитора : «Накорми, тогда и спрашивай добродетели. И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах пренебречь хлебом земным для небесного?» — говорит инквизитор, обращаясь к Иисусу[4].

Неудовлетворенность важнейших материальных и социальных потребностей человека обескровливает и резко сужает возможности реализации его духовного потенциала — одна из центральных мыслей зиновьевского *«Гомо советикус».* Самозванство, конфронтационность, недооценка, а то и отрицание роли традиций характерны для отечественной культуры памяти.

Отдавая должное таким мыслителям, как Зиновьев, мы формируем новые культурные ценности, новые приоритеты отечественной культуры памяти.

[1] *Крижанич Ю.* Политика. М.: Новый свет, 1997. С. 145.

[2] *Леонтьев К.* Записки отшельника. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 161.

[3] *Чаадаев П.Я.* Философические письма (письмо первое) // Философские науки, 1988. № 7. С. 93.

[4] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы: Собр. соч, Т. 9. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1958. С. 318.

А.В. ФОМЕНКО,
историк, политолог, директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий развития РГТЭУ, депутат Государственной Думы РФ четвертого созыва (2003—2007)

От сараевского выстрела до перемирия 1918 года. Четыре года, которые сокрушили Европу

Во всей Западной Европе 11 ноября — день Перемирия, знаменующий окончание Первой мировой войны, отмечается в качестве важнейшей памятной даты. А в странах, чьими союзниками мы когда-то были, это национальный праздник, значение которого сравнимо по значению с днём 9 мая для России и многих других стран бывшего СССР.

Ведь Вторая мировая велась со страшными разрушениями и с нечеловеческим напряжением всех сил лишь на Восточном фронте — только два государства, Советский Союз и германский Рейх, заплатили по всем ее счетам. Вооруженное сопротивление Гитлеру в Европе в силу разных причин имело вполне локальный характер: ни одно из государств континента не смогло или не захотело тогда меряться силами с Берлином.

И потому сегодня День Победы, вне границ России и СНГ, имеет непререкаемое значение лишь для Израиля. Ясно, что наше отношение к этому празднику не могут разделять граждане тех стран, для которых бедствия войны сводились к отсутствию кофе в свободной продаже.

Первая же Мировая, с невероятным ожесточением, велась и на Западном фронте. Не случайно именно эти четыре года стали для европейцев по-настоящему *Великой войной.* Хотя, по сути, всеевропейское вооруженное противостояние длилось с учетом всех перемирий и затиший на некоторых отдаленных фронтах, начиная с 1914-го, вплоть до 1945 года и вполне может считаться *второй Тридцатилетней войной'.*

Как и первая *Тридцатилетняя война* начала XVII века, эта, начавшаяся после сараевского выстрела, мгновенно обратилась в *войну всех против всех...»*[2].

Среди плодородных полей долины Марны и бесконечных виноградников Шампани, у Вердена и Соммы, стоят теперь мемориалы этому общеевропейскому безумию — не столько могильные кресты, сколько огромные, почти египетские, пирамиды служат напоминанием о 10-ти миллионах погибших солдат европейских армий. Страшное чувство рождают эти рукотворные пирамидальные холмы,

[1] См. например: Dominique Venner. Le Siecle de 1914. Utopies, guerres et revolutions en Europe au XX siecle. Paris, 2006, P. 395.

[2] Именно таков подзаголовок книги французского историка, посвященной анализу нематериальных последствий разрушения до основания старой Европы: Enzo Traverso. a feu et a sang. De la guerre civile europeenne, 1914—1945. Paris, 2007.

здесь и там возникающие перед взором современного путешественника. Ведь наш континент, по большому счету, так никогда и не оправился от физических и моральных людских потерь этой Великой войны.

Именно ее начало, а не русская революция 1917 года, как пытался уверить мир известный историк Эрнст Нольте[1], знаменовала крушение старого европейского порядка. В огне и крови этой мировой бойни исчезла та великая, уверенная в себе и своем будущем, Европа belle epoque, Европа старой аристократии, в которой (несмотря на все «свободомыслие») еще живы были представления о верности и чести, о которой остались сегодня одни воспоминания[2].

В послесараевской Европе стало возможным все то, что еще недавно было совершенно непредставимо. Уже между 1914-м и 1918-м годами столпы просвещенческой цивилизации применили друг против друга все средства из арсенала будущих «плохих парней» XX столетия: от депортаций неблагонадежных этнических групп вглубь территории страны[3] и до использования клеветы[1] и *contradictio in adjecto — судебного беззакония*в военно-политических целях. Европа за четыре года этой бойни самым очевидным образом мутировала.

История не знает, говорят, сослагательного наклонения, но мы не можем не размышлять об альтернативах случившегося, полностью соглашаясь с той логикой внутриевропейского конфликта, которая, в конечном счете, и обеспечила нынешний системный кризис Европы и Северной Америки — бывшего *христианского мира.* Ведь и причины, и, особенно, поводы для начала военных действий в 1914 году — сегодня выглядят явно не стоящими понесенных народами Европы потерь.

Да, британское противодействие впечатляющему росту германской хозяйственной мощи было *вполне* объяснимо логически. Ибо нежелание Лондона делить с кем бы то ни было лавры «мастерской мира» и допускать кого бы то ни было к «управлению морями» было очевидно всем и всегда — на протяжении всего существования Британской Империи. (Это при том, что доля тех же США в мировом промышленном производстве уже превышала тогда в два раза долю Германии!)

Но России-то зачем было, вместе со своим заклятым соперником в Азии, коварно туманным Альбионом, воевать против Германии, тем более если во внутриевропейском экономическом соперничестве преимущества были на стороне Берлина?

Да и противоречия Франции с Германией носили вполне иррациональный характер: французская одержимость «возвратом Эльзаса и Лотарингии» была столь же сильной, как и немецкое стремление к обладанию этой территорией *во что бы*

[1] Ernst Nolte. La Guerre Civile Europeenne, 1917—1945. National-socialisme et bolchevisme. Paris, 2000.

[2] См.: Мемуары испанской инфанты Евлалии: Me'moires de S.A.R. L'Infante Eulalie. 1868—1931. Paris, 1935.

[3] Enzo Traverso. Op. cit., P. 130, 154.

[4] Paul Gaultier. Germanophobie. Paris, 2002.

[5] О политически обусловленных фабрикациях «дел об измене» Мясоедова и Сухомлинова см.: *Александр Тарсаидзе.* Четыре мифа о Первой мировой. М. 2007.

то ни стало. Никто не догадывался тогда, во что, действительно, *встанет* одержимость правящих слоев европейских стран старыми культурно-историческими комплексами.

Не менее трудно, видимо, стороннему наблюдателю понять всю остроту русско-австрийского соперничества на Балканах в начале XX века. По большому счету, нам ведь совершенно незачем было волноваться относительно того, что кому-то казалось «неукротимым стремлением Австро-Венгрии полностью подчинить себе балканских славян»[1]: Вопреки страхам некоторых журналистов и генштабистов, у Вены тогда явно не было ресурсов для полного контроля над этим, как оказалось, «пороховым погребом» континента.

После болгарской авантюры, после огромного и, как оказалось, напрасного напряжения сил в русско-турецком столкновении 1877—1878 годов, наша имперская бюрократия должна была бы быть куда более осторожна с покровительством разнообразным балканским славянам.

Напротив, чем больше славян было внутри империи Габсбургов, чем большую роль они там играли, тем лучше было для России: и с финансовой, и с политической точки зрения. Затраты наши были бы куда меньше, а естественная языковая и культурная близость балканских славян с русскими не была бы отягощена отношениями прямого или косвенного подчинения их нашему государству. Идеологема *австрославизма*, уже в середине XIX столетия достаточно разработанная, например, австрийским ученым и политиком чешского происхождения Францем (Франтишеком) Палацким, предлагала вполне реальный выход и из внутриимперских противоречий Австрии, и из противоречий внешнеполитических, чрезвычайно серьезных.

Странно, что в дореволюционной России к *австрославизму* относились, в целом, отрицательно: даже весьма проницательный Н.Я. Данилевский по прочтении сочинения Ф. Палацкого «Идея Австрийского государства» (*Idea statu Rakouskeho,* 1865) признавался, что так и не смог усмотреть в нем этой идеи[2]. (Хотя тот же К.Н. Леонтьев, например, находил «прекрасным делом бережное, так сказать, обращение наше с *хрупкой* Австро-Венгрией»[3].)

Превращение двойственной австро-венгерской империи в тройственную, австро-венгерско-славянскую, к чему стремился Франц-Фердинанд, могло повлиять на выбор, как целей австрийской политики, так и средств их достижения. Если бы чешско-словацким и хорватско-сербским подданным Габсбургов удалось стать ключевыми игроками — на фоне немецко-венгерского сотрудничества-соперничества, то русская власть могла бы тогда особенно не озабочиваться их судьбой. Украинский же проект мог и вовсе не получить развития — без субсидий венского кабинета и Генерального штаба империи. Он ведь, во многом, был не инициативным, а реакционным, оборонительным проектом: преувеличенные страхи перед «русской угрозой» панславизма на фоне

[1] *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М. 2004. С. 167.

[2] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Спб. 1995. С. 298.

[3] См.: Панславизм // *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М. 1996. С. 233.

вполне реального натиска пангерманизма заставляли Вену инвестировать в «украинское движение»[1].

К сожалению, разнообразные неопанслависты начала XX века (вроде русского графа В. Бобринского, чеха К. Крамаржа или словенца И. Грабара) своей политической проповедью межславянского объединения перед лицом «немецкой угрозы» успели внести свою лепту в подготовку самоубийственного столкновения континентальных империй. Даже далекие от всяких идеологических конструкций русские военные и чиновники не могли не находиться под воздействием тех умственных веяний, которые исходили от разнообразных проповедников революционного этнонационализма. Именно поэтому, видимо, не были услышаны летом 1913 года призывы редактора «Гражданина» князя В.Г1. Мещерского «покончить раз и навсегда с рутинными традициями дипломатической славянофильской сентиментальности, стоившей нам сотни миллионов денег и потоки святой русской крови и ничего нам не приносившей, кроме позорной роли быть всегда одураченными этими квази-братушками...»[2] Как не был услышан в феврале 1914 года и член Государственного совета П.И. Дурново, предупреждавший Государя в своей «Записке» обо всех, страшных и неизбежных, последствиях войны с Веной и Берлином.

Это теперь мы, русские, знаем, что за свои увлечения политическими мифами приходится платить: патриотический восторг безумного лета 1914 года обернулся февральско-октябрьским крахом страны в 1917-м, демократический восторг не менее безумного лета 1991 года — лишил нас страны сразу, по прошествии всего нескольких месяцев.

Надо сказать, что после победы прусов над австрийцами в битве при Садовой, именно тогдашний Берлин представлял действительно серьезную опасность для целостности Австрии, а вовсе не ее венгерские или славянские подданные. Ибо созданнная Бисмарком новая, протестантская и либеральная *империя Германской нации* «основывалась исключительно на принципе национальности (в соответствии с которым она, кстати, и была создана), которому теория Священной Империи столь очевидно противополагалась»[3]. Несмотря на то, что еще в начале XIX века под давлением наполеоновских претензий на наследие Карла Великого[4] австрийский монарх отказался от титула римского императора, традиционный для «римской» Европы династический и сверхэтнический характер австрийской государственности сохранился.

Союз консервативной и католической монархии Габсбургов, где высшей политической ценностью почиталась верность династии, а не этносу, с протестантской

[1] Украинский проект в целом надо признать наиболее успешным проектом XX века: он живет и дышит. После исчезновения с исторической сцены его первоначальных спонсоров и операторов, каковыми были не только униатский митрополит Шептицкий или австрийский Генеральный штаб, но и коммунистические украинизаторы 1920-х годов.

[2] Цит. по: *Князь В.П. Мещерский.* Гражданин консерватор. М. 2004. С. 83.

[3] James Bryce. Le Saint Empire Romain Germanique et L'Empire Actuel d'Allemagne. Paris, 1890, P. 570.

[4] О противоречивости этого наследия и несовместимости его с собственно имперской универсальностью см.: *Назаренко А.В.* Империя Карла Великого - идеологическая фикция или политический эксперимент? // Карл Великий. Реалии и мифы. М. 2001. С. 11—24.

и революционно-этноцентричной монархией Гогенцоллернов был внутренне не просто противоречивым, но прямо противоестественным, а значит чисто ситуативным и недолговечным, вынужденным совершенно особыми геополитическими обстоятельствами рубежа веков.

Ведь внутри Австрии именно немецкие национал-революционеры и антиклерикалы разного рода всеми доступными способами боролись с габсбургской династией и с католической церковью, ставя под сомнение основы имперского общественного порядка[1]. Хотя не только Францу-Фердинанду было ясно, что «разрыв с Римом — это разрыв с Австрией!»[2]

Сегодня нам остается только сожалеть о том, что в далеком 1891 году предложение Наследника австрийского престола русскому Императору Александру III вновь обратиться к естественной для континентальной Европы политике австро-германо-русского *согласия* — так и не было воплощено в действительность. Такое *согласие* (не сердечное, но рациональное!) могло бы уберечь не только Венскую, Берлинскую и Санкт-Петербургскую монархии, но и весь континент, включая сами Францию и Великобританию, от культурного и цивилизационного самоистребления в Великой войне.

Хотя много сил и средств было задействовано в противоположном проекте, в начале — франко-русской, а затем — англо-франко-русской *Антанты*[3], но далеко не всем в России военный союз с Францией представлялся естественным: в зрелище непокрытой головы православного русского Царя при исполнении якобинской «Марсельезы» было что-то странное. В императорской России кто мог искренне надеяться на военный союз с Францией в разыгрывавшейся тогда большой геополитической партии, кроме иррациональных германофобов и англоманов и клиентелы французских банков?[4]

Ведь в культурно-религиозном смысле между Россией и Францией была пропасть: мы жили в разных мирах. Антицерковная одержимость пребывавших у власти тогдашних французских радикалов доходила до того, что армейские офицеры, желавшие производства в следующий чин, должны были скрывать от окружающих свою церковную религиозность.

В то же самое время в России Царь Николай II, верховный вождь русской армии, лично участвовал в торжествах по случаю прославления Серафима Саровского в лике святых. Да, личная религиозность русского Царя, видимо, далеко превосходила *средний* уровень религиозности его офицерского корпуса. Но во Франции-то все было наоборот — антирелигиозный радикализм правящих кругов далеко превосходил *средний* уровень «свободомыслия» все еще традиционного по своему воспитанию французского офицерства.

[1] Различные политические модели немецких национал-радикалов Австрии описаны в кн.: Brigitte Hamann. Hitlers Wien. Lehrjahre eines Diktators. Miinchen-Ziirich, 1997, S. 337—435.

[2] Brigitte Hamann. Hitlers Wien. Lehrjahre eines Diktators. Munchen-Zurich, 1997, S. 357.

[3] От Entente Cordiale - сердечное согласие (франц.)

[4] Были и другие силы и лица, много поработавшие над заключением военных соглашений, приведших европейский континент к катастрофическим последствиям. См.: George F. Kennan, Soviet American Relations, 1917—1920 vol. 1, Russia Leaves the War. Princeton, 1956.

Та республиканская Франция, повседневная реальность которой дала материал и повод блестящему публицисту Максу Нордау, будущему отцу-основателю сионизма, написать книгу «Вырождение»[1], не имела никаких оснований считаться настоящим союзником монархической России. По крайней мере, после того, как возникшая было, вследствие поражения Наполеона III в войне с Пруссией и его отречения, возможность возвращения на трон представителя королевской династии Бурбонов[2] была осенью 1873 года упущена.

Опасность русско-австрийского военного столкновения для судеб не только двух империй, но и самого монархического принципа в Европе, австрийский Наследник понимал лучше многих тогдашних так называемых монархистов (и тем более, разнообразных патриотов), обуянных демонами времени, демонами либерально-революционного этнического национализма — подданных как Дунайской монархии, так и Петербургской. В 1913 году Франц-Фердинанд писал своему советнику Шпицмюллеру: «Я никогда не буду воевать против России. Я принесу все жертвы, дабы этого избежать. Любая война между Австрией и Россией закончится падением либо Романовых, либо Габсбургов, а возможно их обоих». Всего через несколько месяцев он заявил своему адъютанту фон Барлоффу: «Любая война с Россией обернется нашим поражением. Если мы начнем кампанию против Сербии, Россия поддержит ее, и мы получим войну с Россией. Должны ли Император Австрии и Царь лишать друг друга тронов и открывать дорогу революции?»[3]

Между прочим, не в Германии и Австрии, а в Англии и во Франции традиционно находили политическое убежище русские революционеры и террористы: традиционалистские монархические режимы противостояли тогда революционному сепаратизму (в Австрии) и Революции как таковой (в России). Париж и Лондон противодействовали любым попыткам сближения Берлина, Вены и Москвы, тогда как, хотя бы из соображений поддержания и укрепления общего (при всех оговорках) для трех континентальных империй принципа *монархического консерватизма*, австрийский эрцгерцог был готов всеми силами способствовать сближению с Россией не только Австрии, но и Германии[4].

Сегодня, через 90 лет после завершения Великой войны, невозможно повторять пропагандистские клише «антантовского агитпропа»: пора разбираться с ролью конкретных людей, отвечать на те вопросы, которые современники событий часто даже не ставили.

Почему, например, русские революционные либералы — как кадеты, так и октябристы — столь истерично кляли тогда Берлин и восхваляли Лондон? Ведь

[1] *Макс Нордау.* Вырождение. Современные французы. М. 1995.

[2] Речь идет о Генрихе V, графе Артуа, герцоге Бордоском, внуке короля Карла X, известном под именем графа де Шамбор, 1820—1883 гг. Споры о причинах и следствиях его отказа занять престол ценой признания революционного триколора в качестве национального флага - не утихли до сих пор.

[3] Цит. по: Jean-Louis Thieriot. Op. cit., P. 239.

[4] Jean-Louis Thieriot. Op. cit., P. 243.

представительная власть в империи Гогенцоллернов была не слабее, нежели в империи Ганноверов-Виндзоров.

И что, собственно, кроме политических и дипломатических предрассудков, мешало в 1914 году создать международную (австро-сербскую) комиссию для расследования убийства престолонаследника и разрешить ей действовать на территории обеих стран?

Как могло случиться, что участник террористического убийства главы династии Обреновичей, сделал карьеру при следующей династии, Карагеоргиевичах, а затем приложил свою «чёрную руку» и к террористическому убийству Габсбурга? Почему русские дипломаты и русские генералы безоговорочно поддерживали сербского премьера Пашича, считавшего возможным держать на действительной военной службе подобных лиц?

Почему, наконец, под суд полковника Димитриевича отдали только после войны, а процесс над ним завершился подозрительно скорой казнью?

Сегодня вполне очевидно, что в развязывании и развитии конфликта виноваты были все стороны. Как в странах Антанты, так и в Центральных державах были и действовали как ястребы, так и голуби. PI надо признать, что все ястребы: Пуанкаре, Мольтке-младший или Сазонов равно виновны в катастрофе. И что все, кто противился разжиганию войны, — от социалистов Жана Жореса и Валентина Плеханова до радикала Жозефа Кайо и консерватора Владимира Мещерского — равно заслуживают благодарности потомков.

То, что даже во время войны не вся Европа сошла с ума, доказывает длинный перечень попыток остановить ее культурный и цивилизационный суицид. Попытки такие предпринимались не только летом 1914 года, но и после того, как пушки заговорили, причём не только американскими филантропами, вроде Генри Форда или Вудро Вильсона, но и самими европейцами.

Уже в декабре 1914-го, при посредничестве датского короля и графа Витте, немцами была произведена первая попытка предложить России мир.

Весной следующего года немецкий министр иностранных дел фон Ягов переслал в Петербург через фрейлину императрицы Марию Васильчикову новые предложения относительно сепаратного мира, учитывавшего даже русские притязания на Проливы.

В том же 1915 году офицеры бельгийской службы принцы Сикст и Ксаверий Бурбон-Пармские, с одобрения Папы Бенедикта XV, исколесили воюющие западные столицы, пытаясь добиться их примирения.

В 1916 году даже Лондон, главный соперник Берлина, был готов к миру без победителей и побеждённых: коалиционный кабинет либералов и консерваторов, возглавлявшийся лордом Асквитом, вполне осознал, что продолжение войны может привести к исчезновению всего старого европейского порядка и даже самой Великой Британии, и попробовал начать контакты с немцами. Эта политика прекратилась лишь с приходом к власти в декабре 1916 года фракции вполне буржуазного ястреба Ллойд Джорджа, предпочитавшего вести переговоры с американцами о вступлении их в европейскую войну, плохо понимая при этом «цену вопроса».

В 1917 году едва взошедший после смерти Франца-Иосифа на престол Император Карл I Габсбург снова пытался выйти из войны — при посредничестве

того же Сикста Бурбон-Пармского[1], дабы спасти Австрию, а значит, и Европу. Но вновь не встретил понимания.

К несчастью, все более чем своевременные попытки примирения «без аннексий и контрибуций» не увенчались тогда успехом. Прежде всего потому, что обуянным либо демонами этнонационализма, либо простой жадностью разнообразным либералам и радикалам (которые и разожгли, собственно, этот конфликт) казалось, что победа, их победа так близка!

Что касается России, то любой мир в 1915 или 1916 году был бы для нашей Империи благом, как показали дальнейшие события. Ибо, даже в случае возможной военной победы, Россия не могла стать более сильной и могущественной, нежели до начала противостояния. Ведь у нее уже не было ни кадрового офицерского корпуса, выбитого в первые годы войны, ни надёжной армии вообще, как показали дальнейшие события; социальная структура страны была надломлена, миллионные людские жертвы подорвали мораль народа. (Прогноз П.Н. Дурново полностью сбылся!)

Но даже страны, официально победившие в той войне (как Великобритания или Франция) надорвались в ней настолько, что вскоре на повестку дня встал вопрос о прекращении существования их колониальных империй. Победа над Германией стала для них поистине пирровой, а главный финансово-политический приз войны достался, между прочим, не Лондону или Парижу, а Вашингтону.

Самоуверенная близорукость многих тогдашних политиков, военных, промышленников и финансистов подозрительно напоминает таковую же близорукость наших современников. Ведь внутриевропейские противоречия были, при всей их остроте смешны, если иметь в виду действительные общеевропейские, общецивилизационные интересы, которые сегодня столь очевидны перед лицом настоящих цивилизационных вызовов.

[1] См.: Gottfried Zarnow. Verbiindet - Verraten! Habsburgs Weg von Berlin nach Paris. Bern, 1936.

А.А. СКВОРЦОВ,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры этики
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Социальная теория А.А. Зиновьева и судьба нормативности

С интеллектуальным миром Александра Александровича Зиновьева я познакомился семь лет назад и сразу же увлекся его бесконечным идейным содержанием. Некоторое время спустя, в связи с болезнью Александра Александровича я взял на себя смелость заканчивать его лекционный курс «Социология и логика» на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Разумеется, столь большая ответственность потребовала от меня более детального изучения его теоретических положений. Помню, что по итогам серьезной работы, больше всего в философии А.А. Зиновьева меня привлекло гармоничное сочетание социальной теории и этики; сочетание, которое, на мой взгляд, не было достигнуто ни в одном из современных течений социальной философии. Дело в том, что в отличие от их абсолютного большинства, в системе А.А. Зиновьева выводы о социальной природе личности не отбирают у нее статус свободного, ответственного существа. Напротив, социальные установления, довлеющие над человеком, лишь подчеркивают его возвышенный статус в универсуме. Поэтому свое выступление я назвал столь громко с одной лишь целью — показать, какие следствия из социологии А.А. Зиновьева можно сделать для этической теории.

Этический характер социологического учения А.А. Зиновьева не вызывает сомнения, поскольку в его центре находится не судьба общества как самодовлеющего образования, а судьба человека в этом обществе. По сути, идея Зиновьева о человеке сводится к следующему положению: Человек (с большой буквы, как нравственное существо, как творец, духовная Вселенная) настолько останется самим собой, насколько захочет остаться личностью в противостоянии с обезличивающими тенденциями социального окружения. Можно сказать, что в основу социологии А.А. Зиновьева положен некий «антропологический парадокс»: в мире, где происходят столь стремительные изменения, где уходят в прошлое целые цивилизации, где общество становится сверхобществом, а государства теряют свой суверенитет, только человек должен и может стать независимым государством.

Ключевой момент, раскрывающий этот парадокс, заключается в мысли А.А. Зиновьева о соотношении социальных законов и норм. Действие людей в социуме подчинено законам — инвариантным связям, которые, с одной стороны, нельзя обойти или изменить, ибо они существуют вне воли людей, с другой. А с другой стороны, каждый социальный закон имеет конкретные условия своего

действия и касается лишь ограниченного класса объектов. Однако оригинальность взгляда Зиновьева состоит в том, что в его теории социальным законам подчинены не люди как личности, а социальные атомы, т.е. модели людей, наделенные свойствами, нужными для социального взаимодействия. «Социальные атомы», говоря его языком.

В качестве социальных атомов поведение индивидов в социуме достаточно легко предсказуемо: атомы всегда стремятся к достижению собственного интереса, а сами интересы не отличаются большим разнообразием. Конечно, в обыденной действительности увидеть или смоделировать действие социальных законов не так просто. В любом явлении скрещивается действие многих законов, переплетаются сами законы и их следствия, некоторые действующие лица из социальной действительности пытаются идти против них или замалчивать их наличие. Все эти указанные факторы позволяют смягчить или скрыть действие социальных законов, но все равно они не могут их отменить.

Однако люди постоянно пытаются их нарушить или обойти; более того, у А.А. Зиновьева встречается мысль, что одна из ключевых особенностей законов общества как раз и состоит в постоянных попытках индивидов их игнорировать. Еще чаще люди о них просто ничего не знают и поэтому поступают себе во вред. Нередко существование объективных законов отрицают, подключая для этих целей идеологию, сулящую скорейшее благоденствие на земле, невозможное с точки зрения элементарных фактов социального взаимодействия.

Социальные законы — это, следуя мысли А.А. Зиновьева, родовое проклятие человечества. Все общественные беды и конфликты происходят из того, что, согласно важнейшему общественному закону, социальное равенство между членами социума невозможно. На протяжении многих поколений люди были склонны обвинять в своих бедах судьбу, тоталитарные режимы и идеологии, невежество правителей, олигархов, террористов и т.д. Но, как иронично замечает автор, настоящим тираном человечества являются именно социальные законы, ибо все указанные выше ужасы существуют в силу их действия.

Социальные законы пронизывают все пласты общественной иерархии, но правила, по которым осуществляется взаимодействие индивидов, выделяются в особый класс, называемый «законами экзистенциального эгоизма». Уже из самого обозначения понятно, что поведение людей в обществе далеко от идеального. А если принять во внимание, что люди всегда поступают сознательно, то их можно назвать также «законами рационального расчета». Рационального в том смысле, что индивиды прекрасно понимают своё положение в социуме, отлично знают свои желания, цели и способы их достижения. Тем не менее мы не должны питать иллюзий относительно мотивов и стремлений социальных атомов. Как было уже сказано, индивид всегда преследует свой интерес. Он прекрасно понимает сильные и слабые стороны своего социального статуса и желает его повысить. Ожидания других людей он станет учитывать только в том случае, если они помогают достижению его личных целей. Данный закон самый глубокий из всех, обусловливающих жизнь индивидов. Люди всегда знали, что, согласно своей сущности, человек желает получить удовольствие и избежать страдания. Иное поведение было бы для всех желательно, но никогда полностью недостижимо.

Законы рационального расчета наследуются индивидами биологически. Они — багаж, доставшийся нам от длительной эволюции. И они действуют в силу того, что людей много и они все одинаковы в своих первичных стремлениях. По сути, они сводятся всего к нескольким нехитрым принципам: люди стремятся не действовать во вред себе, не позволяют другим действовать во вред себе, избегают ухудшения условий своего существования и пытаются их улучшить. При этом прослеживается закономерность: чем умнее и образованнее человек, тем вернее он станет следовать этим законам. С точки зрения А.А. Зиновьева, в основании законов «экзистенциального эгоизма» лежит один самый важный, базовый принцип: если индивиду, желающему улучшить своё положение в обществе, требуется нанести вред другому (при этом он знает, что его не поймают), он обязательно поступит таким образом.

Мы понимаем, что картина взаимодействия индивидов, нарисованная А.А. Зиновьевым, носит не только социологический, но и культурологический характер. Таков и есть мир с его царством эгоистического интереса, культом потребления и животной страсти наслаждаться. И не только есть, но, вероятно, был всегда, о чем свидетельствует обличительный пафос моральной философии всех времен и народов. Но возможно ли достойно жить в такой реальности? И желаем ли мы жить в ней?

Но разве есть выбор? Если так действуют законы экзистенциального эгоизма, сущностные законы социальной действительности, то как мы можем им противостоять? Оказывается, можем, ибо еще раз акцентируем внимание — законы эгоизма распространяются на упрощённые модели людей, социальные атомы. Но когда мы стремимся строить свой мир, исходя не из безличных отношений делового или житейского партнёрства, вытекающих из личной выгоды, а на основе отношений свободных личностей, то мы в значительной степени избегаем действия социальных законов. И по большому счету нам интересны не модели — социальные атомы, а именно отношение между людьми как свободными существами. Здесь мы уже покидаем пределы социальной теории и переходим к этике. А с точки зрения этики («учения о житии», в терминологии А.А. Зиновьева), никто не обязан жить по законам экзистенциального эгоизма. И никто не обязан, если не желает, причинять вред другому человеку.

История человечества свидетельствует, что люди всегда стремились защититься от действия социальных законов и смягчить их последствия. Самая удачная попытка на этот счет — именно моральные нормы, призывающие людей переступить через свою эгоистическую природу. Отметим: в отличие от некоторых других исследователей, склонных толковать моральные нормы как безличные, А.А. Зиновьев, наоборот, усматривает в них развитие межличностного аспекта взаимодействия. Во-первых, мораль обращается не к сотруднику или должностному лицу, а к человеку как таковому, способному на свободное решение, а во-вторых, мораль трактует отношения между людьми как вменяемыми и ответственными личностями, обладающими системой ценностей.

В этом плане при интерпретации идей А.А. Зиновьева на ум приходит сравнение с этикой И. Канта и его мысли о двух мирах, в которых живет человек. Один мир — природной необходимости, где человек подчинен всем закономер-

ностям физического и психического воздействия, дугой — мир свободы, стоящий над причинностью и дающий возможность своим поступком начинать причинно-следственный ряд. Так же и у А.А. Зиновьева: мир безличных, социальных отношений, устроенный на эгоистических основаниях, не отменяет особой подлинно нравственной регуляции, существующей на уровне межличностных отношений.

В отличие от законов, моральные нормы не наследуются биологически, а выдумываются людьми как раз ради защиты от бесчеловечных последствий законов. Как говорит А.А. Зиновьев, «от самих себя», от своей родовой сущности. Но не только защищают. Нормы морали указывали человеку иную, совершенную жизнь, свободную от гнёта социальных установлений.

Более того, тот, кто поймет законы, составляющие суть общественных отношений, не пожелает становиться их рабом. Социальная жизнь не годится для свободной личности, желающей развить свои творческие способности. В сущности, этика А.А. Зиновьева сводится к призыву пройти дорогу от сугубо социального существа, до человека в подлинном смысле этого слова. Поэтому, если автор что-то проповедует, то именно те ценности, которые полностью противоположны законам эгоистического социума. Они предполагают отказ от эгоизма и построение отношений людей на принципиально иных основаниях взаимной симпатии и сотрудничества. В противоположность основополагающему принципу социальной организации человек должен руководствоваться правилом: если для достижения личных выгод мне потребуется нанести ущерб другому, то я должен отказаться от этого поступка. Тем более от него отказаться, если я уверен, что он останется безнаказанным.

Что касается самих благ, то автор призывает довольствоваться малым; что касается должностей, никогда не лезть в начальство: целеустремленно работать над наиболее интересными для себя вещами. В любом случае, мы должны поступать согласно такому правилу: при распределении благ будь всегда последним, при распределении тягот и обязанностей — всегда первым.

Получается дилемма. С одной стороны, жить исключительно по законам рационального расчета — означает лишить себя настоящей человеческой жизни. И, к сожалению, не мало людей, устремившихся за обещанной идеологами массовой культуры лёгкой наживой, низводят себя до уровня элементарных социальных функций, например, начальства и подчинения. Но, с другой стороны, жить исключительно по нравственным, межличностным основаниям — означает не вписаться в общество и стать изгоем.

Действительно, тот, кто решит жить не по социальным законам, а согласно принципам самой человечности, должен быть готов к тому, что против него обратится весь социум. Ни одна корпорация не позволит, что бы кто-то желал жить не по ее законам, а по собственным нравственным убеждениям. Жестокость, с которой социум набрасывается на противостоящего его устоям индивида, — один из основных сюжетов социальных романов А.А. Зиновьева. Самый яркий пример — роман *«Зияющие высоты».* Много раз в них приводятся примеры, как начальственные элементы, т.е. социальная элита, осуществляющая власть, нетерпимо относилась к межличностным отношениям среди подчиненных. Руководство не терпит таких отношений, ибо люди, готовые жертвовать чем-то друг для друга,

становятся опасными для сложившихся, чисто эгоистических отношений делового партнерства

Человек, желающий жить по-человечески и быть независимой личностью, должен заранее согласиться на добровольное изгнание, т.е., говоря словами автора, стать отщепенцем. Существует ли выход из этой дилеммы? С точки зрения А.А. Зиновьева, выхода нет, но и никакой дилеммы также нет; она выдумана сознанием насмерть запуганного обывателя. Быть настоящим отщепенцем — не означает соглашаться на униженное положение в обществе. Отщепенец считает себя не только независимой личностью, но и ни в коем случае не признает свое положение ниже довлеющего социума. Творческий потенциал личности не меньше, чем у ее социального окружения, ибо населяющие социум атомы озабочены не стремлением к истине, а приобретением благ. В этом плане личность должна научиться жить так, как живёт само общество: по внутренним законам, но законам автономным. Если подбирать параллели этой жизненной позиции из философской этики, то можно вспомнить линию, идущую от стоиков к И. Канту. Сам же А.А. Зиновьев формулирует ее в виде утверждения: «Я — независимое государство». Данную фразу автора цитируют все, кто упоминает имя А.А. Зиновьева. Но ее истинный смысл становится понятен только после сопоставления его логической социологии и учения о житии. Человек как независимое государство живет по своим нравственным убеждениям и не согласен делать то, что требуют от него законы экзистенциального эгоизма.

И теперь уместно еще раз задать вопрос, вынесенный в заглавие. Какова же, в таком случае, судьба нормативности? Насколько мораль, занимающая ярко выраженное промежуточное положение между социальной регуляцией и внутренней личностной системой ценностей, может противодействовать законам экзистенциального эгоизма? Этот вопрос сейчас приобретает колоссальную значимость, ибо в трактовке ряда современных постмодернистских учений морали придаётся исключительно корпоративный характер. Мол, универсальных ценностей нет, есть только требования налагаемые сообществом. Иными словами, в своей частной жизни человек может жить, как хочет, а вот в его корпорации он должен следовать установленным кем-то требованиям. Причём некоторые постмодернистские идеологи таким образом обосновывают свободу человека: абсолютные нормы над ним уже не довлеют, а корпорацию он в праве выбрать сам, т.е. способен выбрать — подчиняться ли её внутренним нормам или нет.

Именно таким идеологам отвечает социология А.А. Зиновьева: внутри корпорации никакой свободы нет, а есть лишь подчинение законам безудержного эгоизма. Причем сама корпорация делает все ради закрепощения индивида, который должен приложить максимум усилий, дабы вырваться из ее пут. Единственный способ получить свободу — это не бежать от сообщества, а пытаться, находясь внутри него, следовать ценностям межличностного общения, того самого — независимого государства нашей личности. И в своих деловых обязанностях, и в действиях, вытекающих из социального статуса, не позволять себе ничего такого, что бы противоречило нормальным, нравственным человеческим отношениям. Просто следовать совершенно очевидным, интуитивно постигаемым ценностным основаниям и для построения нормальных отношений отказаться наносить вред окружающим людям. Здесь становится очевидным, что свобода состоит не в

выборе корпорации, а в выборе своей жизни как подлинно человеческой, а главное — в отказе от эгоизма.

Теперь, отвечая на заданный вопрос, справедливо утверждать: мораль, взятая в своей нормативной составляющей, сможет настолько противостоять социальному эгоизму, насколько сама от него откажется (то есть останется именно моралью, а не корпоративной регуляцией). Дело современной морали, часто существующей в виде миссий и кодексов различных организаций и сообществ, — не обслуживать интересы элит, становясь частью пиар-технологий, а устанавливать систему незыблемых человеческих ценностей, которые не имеет права нарушать ни один коммерческий интерес. Моральная регуляция должна обращаться к человеку как вменяемому, свободному существу, требуя от него также относиться к другим людям. Только в этом случае она выполнит свое истинное назначение — указывать людям на наилучшие из возможных отношений, будь то в межличностном, будь то в коммунальном, деловом общении, и, конечно, показывать путь к установлению этих отношений.

Е.И. РАЧИН,
доктор философских наук,
профессор общеуниверситетской
кафедры философии
Московского городского педагогического университета

Природа и поэзия

Александр Александрович Зиновьев писал не только сочинения по логике и социологии, не только художественно-документальную прозу, но и стихи. Его поэзия может многое сказать о характере, образе мыслей и способах самовыражения его яркой и незаурядной личности. Общие закономерности построения стихотворного текста требуют системности мышления поэта, гармонии между образами и символами, игры (а не просто комбинаторики) метафор, образов и символов в сознании поэта, парадоксальности словосочетаний, необычности и красочности в описании явлений природы и состояний человеческого духа. Зиновьев А.А. использовал в своих стихотворениях не все эти приемы, ведь он прежде всего мыслитель, логик, для которого ясность есть основа доказательности. Но между понятийным (знаковым) мышлением, которое А.А. Зиновьев считал определяющим для сознания, и образным мышлением есть связь. Объединяют их алгоритмы природы в виде диалектики единого и многого, игра случайностей и необходимостей, гармонический синтез частей в целое, выражаемый в понятии Бога. Для поэзии Зиновьева характерны такие черты, как игра понятиями, смысловая целостность произведений, парадоксальность в выражениях, иногда проявляющаяся в виде афоризма. Эти же черты присутствуют и в его научной прозе. Поэтому его можно по праву назвать *поэтом мысли.* Это достоинство мыслителя, его неуспокоенность в поисках истины говорят об оригинальности, самобытности его личности, о её разносторонности и широком видении мира.

Научное и поэтическое творчество А.А. Зиновьева имеет одни корни — природные архетипы, обнаруживающиеся в его сознании как *одержимость поисково-мыслительной деятельностью.* Необычность стихов А.А. Зиновьева требует все же более обстоятельного анализа. В нижеследующем тексте статьи содержится понимание неразрывной связи природы, поэзии и творчества человека, которое поможет уяснить и особенности творческого почерка А.А. Зиновьева.

Взаимосвязь природы и поэзии неочевидна, но доказуема. На первый взгляд поэзия является искусственным образованием в культуре, ведь нигде в мире не говорят стихами. Все говорят обыденной прозой, которая гораздо лучше и точнее выражает смыслы действительности. Но при рассмотрении сути поэзии можно показать, что истоки её находятся в природе и что поэзия сама является частью действительности, внешним выражением глубин человеческого духа.

Единое и множественное в природе и поэзии

Природа есть праматерь тела и духа. В ней находится то семя, из которого вырастает труднообъяснимая, таинственная энергия, зовущая человека искать необычные слова, играть образными выражениями, создавая духовную красоту. Истоки поэзии лежат в природе. Поэтическая гармония как квинтэссенция поэтического чувства и поэтического мастерства отражает гармонию природную. Аналогично этому PI поэтический поиск, порыв, поэтическое напряжение духа являются внешним выражением стремления материи к разнообразным изменениям. Немецкий философ XVII века Якоб Бёме называл его «мукой материи», напряжением материи. Истоки эти в природе выражаются через взаимодействие единого и многого, идей и вещей предметного мира. В поэзии это взаимодействие проявляется как игра единой гармонии и частей, из которых она складывается.

Поэтический образ есть та идея, которая определяет ткань стихов. Когда мы говорим «солнце», то имеем в виду не небесное тело или источник света для жителей земли, но то впечатление, которое возникает у нас, когда мы наблюдаем его. Наше настроение, меняющееся под влиянием разных обстоятельств, порождает в нас разные поэтические образы. Если мы с восхищением наблюдаем восход, то говорим «солнце красное взошло». Если мы в добром расположении духа, то говорим «ласковое солнышко». Если мы утомлены или испытываем боль, досаду, то говорим «знойное солнце». Если мы мучительно идем по пустыне, томимые жаждой и усталостью, то выражаем наши чувства к небесному светилу словами «злое солнце».

Образ солнца поэтически выражается через его состояния, отраженные в человеческом сознании в форме впечатлений. Эта связь природы и духа подобна природной взаимосвязи единого и многого. Идея, которую греческий философ Платон называл красотой, или родовой гармонией, выражает себя во многих гармоничных состояниях. В природе это называется диалектикой единого и многого, в поэзии — диалектикой образа и его различных проявлений. Такую естественную игру древние египтяне наблюдали в виде влияния яркого солнца на разнообразие форм растительной жизни после разлива Нила. Эта игра косвенно отражалась и во взаимоотношениях бога солнца Ра и множества окружавших его «младших» богов: бога земли Геба, богини неба Нут, богини любви Бает и др.

Ритмы природы в поэзии

Единая жизнь природы и поэзии наблюдается в *ритмах природы,* или периодически повторяющихся событиях и явлениях. В природе ритмы, если они совершаются необходимо и без нарушений, становятся проявлениями закона. Например, смена дня и ночи, смена времен года содержат в себе зародыш той пульсации, которая присутствует в духе поэта и неотвратимо вызывает у него желание выразить себя в стихах. Ритмы природы присутствуют в ней как проявления гармонии, или того случайным образом возникшего порядка, той системности вещей и явлений, которые мы называем красотой ландшафта, красотой звёздного неба, красотой заката. Наконец, ритмы природы есть проявления упорядоченного разнообразия, которое временами наблюдается людьми и вы-

зывает у них смутное ощущение промысла Божия, или разумности Природы. Это мы можем видеть и в упорядоченной смене звёзд на небосводе, образующих знаки Зодиака, и в смене посева и урожая в деятельности людей, и в жизненных циклах растений, и в периодической миграции животных, и в успокаивающем рокоте волн. Повторения, таким образом, составляют суть природных явлений, выражают идею вечного возвращения, вечного воскресения, которые в религии обнаруживаются в *образе чуда.*

В поэзии мы наблюдаем отражение этих ритмов в форме духа. В стихах присутствует *смена ударных слогов* в каждой строке, которая и образует ритм. Например, в стихотворении И.А. Бунина можно ощутить чередование ритмических волн разной насыщенности:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной-
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

В первой и третьей строках сделано по четыре ударения, во второй и четвертой — по три. Такое чередование отражает переливы чувства, нарастание эмоционального настроения поэта. И это чередование ритма сопровождается чередованием смыслов понятий: в первой и третьей строках речь идет о конкретных предметах и событиях, во второй и четвертой — об абстрактных понятиях, о состояниях природы и души (например, «полуденный зной», «счастье» и т.п.).

Поэтические ритмы могут выражаться в виде *смены окончаний* в строках. Эта смена может проявляться в чередовании окончаний прилагательных и глаголов, или прилагательных и существительных. Ритмика стихов бывает выражена также через *смену преобладающих гласных звуков.* Например, в стихотворении Е.И. Рачина «Звездная ночь» читаем:

Выйду в поле я ноченькой звездною.
Наверху кружевной хоровод...

Если в первой строке можно услышать часто встречающиеся мягкие гласные **е, ё, ю, я,** то во второй заметно преобладание твердо звучащих **а,** у, **о.**

Наконец, ритмика стихов может обнаружить себя в виде *ритмики метафор.* Продолжив две упомянутые выше строчки, читаем:

И сияют алмазные россыпи,
Белым жемчугом вышитый свод.

Строфа состоит из четырех строк, в первой строке употреблена метафора, передающая умиление поэта красотой, «ноченька звездная», во второй «кружевной хоровод» выражает состояние неба, движение звезд. В третьей строке небо сравнивается с «алмазными россыпями», в четвертой оно уподобляется «жемчужным кружевам». Можно заметить, что в первой и третьей строках, где употреблены глаголы, *метафоры выражают действие,* во второй и четвертой — результат действия, пассивное *состояние природы.*

В чем смысл ритмов, ощущаемых, наблюдаемых, слышимых человеком? Поэтический слух и поэтическое видение открывают нам интуитивное прозрение, откровение в сознании. Ритмы природы — это пульсы жизни, ритмы в поэзии — пульсы духа. Пока есть пульс, жизнь продолжает себя, подает сигналы о том, что

она есть. Взаимосвязь этих природных и духовных импульсов простым человеком не наблюдается. Поэт же чувствует ее и трубит в свой рог, надеясь, что его звуки, слившись с ритмами природы, дойдут во вселенной до той души, которая их услышит и поймет.

Игра природных сил и ее отражение в поэзии

Взаимосвязь природы и поэзии выражается с помощью понятия «игра». В природе всегда присутствует игра случайностей и необходимости, явлений и сущности, форм и содержания. Для живописца источником его вдохновения может быть игра теней и света, для архитектора важны форма, конфигурация и цвет, для музыканта — игра звуков в виде журчания ручья, пения птиц или шума мельничных жерновов, для экономиста высшую красоту имеет игра ставками на бирже. Голландский философ Иохан Хейзинга считал, что «игра старше культуры, ибо понятие культуры, как бы несовершенно его ни определяли, в любом случае предполагает человеческое сообщество, а животные вовсе не ждали появления человека, чтобы он научил их играть». Всякая игра предполагает цель и смысл, победу и поражение, борьбу и радость борьбы, смену надежды, горя, радости и торжества, если только они касаются человека, осознающего себя играющим. Физическая природа не ставит целей и не испытывает чувств, но она тоже играет чередованием разнообразных форм, взаимодействиями сил и проявлениями порядка и хаоса. Для человека игра может показаться несерьезным делом, отвлечением от жизни. «Но уже в ...качестве возобновляемого разнообразия она становится сопровождением, приложением, частью жизни вообще. Она украшает жизнь, она дополняет ее и вследствие этого является необходимой». Жизнь культуры и жизнь поэзии как ее части проходят в форме игровой деятельности, которая и определяет их суть.

В поэзии игра слов, понятий, рифм, образов выражает игру случайностей. Когда поэт ищет рифму и долго не может её найти, он в конце концов выбирает рифму приемлемую, полученную путём перебора вариантов. То же касается и слов, и образов, выбор которых ограничен количеством ударных слогов, соотношением гласных звуков, наличием шипящих и нешипящих согласных. Очень часто наилучший вариант строки оказывается за пределами рамок возможного, оказывается не необходимым, а случайным. Но в каждую строку, в каждую строфу и в целом в стихотворение поэт вкладывает смысл, значение, которые выражают необходимость. Она складывается не только в результате сочетания случайных слов и понятий, но и в результате игры смыслов, которая часто наблюдается в чередовании сущностного содержания строф. Неожиданная концовка в басне, заключительный аккорд в стихотворении часто завершают игру слов, метафор и смыслов и обнаруживают себя как поэтическую мудрость, афоризм, которые и являются результатами интеллектуально-поэтической игры.

Гармония природная и поэтическая

Природа и поэзия близки друг другу присутствием в них *гармонического начала.* Гармония в природе не существует статично. Она, обнаруживаясь часто случайно как целесообразность без цели, в конечном счете является вектором антиэнтропии, или организованности и системности. Природа боится не только

пустоты, но и рассеивания энергии через хаос — и то, и другое означают для нее конец существования. Владимир Соловьев связывал красоту в природе со светом и жизнью. По его мнению, хотя уголь и алмаз имеют одну углеродистую основу, но красивым мы называем только алмаз, поскольку он являет собой возможность игры света, воплощенную идею света. Точно так же пение соловья и мяуканье кота имеют в основе своей половое стремление, но восхищаемся мы лишь пением соловья, потому что оно выражает идею любви, а не физиологический аффект. Отсюда следует, что «красота или воплощенная идея есть лучшая половина нашего реального мира, именно та его половина, которая не только существует, но и заслуживает существования.

В поэзии гармония есть достигаемое через игру метафор и образов *единство идеи и чувства* — как проявление мудрости в красиво звучащих словах. Поэтическая гармония есть воплощенная в словах идея красоты, в которой соединяются внешняя гармония природы и внутренняя гармония человеческой души. Красивые формы природы требуют символизации, воспринимающий их дух человека ищет и слова-символы, и образные метафоры, их сопровождающие. Чувствующая душа рождает символичные идеи, которые выражаются звучащими словами с парящими вокруг них метафорическими образами. Без шлейфа образов слова в поэзии не будут парить в пространстве вселенной и вызывать впечатления чуда и божественности. А ведь именно они порождают удивление и восхищение поэзией, именно они несут в себе энергию и ценность стихов. Например, единство природной и поэтической гармонии выражено в стихотворении И.А. Бунина:

Звезда дрожит среди вселенной...
Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?

Звездой пылающей, потиром,
Земных скорбей, небесных слез
Зачем, о господи, над миром
Ты бытие мое вознес?

Здесь звезда является и символом природной гармонии, и образом человеческой судьбы. Идея стихотворения — в единстве мира и человека, в цельности гармонии, которую в состоянии обнаружить и выразить через красоту только дух поэта.

Предмет, знак и значение в поэзии

Природа и поэзия взаимопроникают друг в друга не напрямую, а через посредствующее звено — ценности. Взаимодействие предмета, знака и значения позволяет обнаружить ценностный смысл любого явления, будь оно природным или поэтическим.

Предметом мы называем объективную реальность, или цельную вещественность в ограниченном пространстве. Знак может быть предметом или явлением, если он выступает посредником между вещью и другой вещью, или между вещью и именем. Значение есть тот ценностный смысл, который заложен в предмет или явление. Понять сложную взаимосвязь предмета, знака и значения мо-

жет только человек, поскольку он может наделять разными значениями, или смыслами, один и тот же знак и делать выбор между значениями. Например, в процессе познания мы можем иметь дело с предметом (луной), знаком (яркий диск луны в полнолуние) и значением (любовное чувство человека, время посева сельскохозяйственных растений и т.п.). Знак в этом случае обозначает предмет и выражает значение, которое определяется в конечном счёте человеком через выбор из трех-четырех возможностей: сеять рожь, идти на свидание, выступать в военный поход и т.п.

В процессе поэтического творчества предмет, знак и значение (смысл) мы понимаем иначе — как флуктурирующую взаимосвязь, светящуюся разными смыслами объект-субъектную реальность. Луна может стать знаком тревоги и одновременно объектом мольбы, молитвы. Слова «бледножелтый диск луны» могут иметь значение измены, насмешки, предупреждения, наблюдения за ходом событий и т.п. Одновременно они могут обозначать состояние ночи, в которой преобладает неестественный, искажённый свет. В то же время слова для поэта являются предметом поэтического творчества: он их ищет в памяти, видоизменяет, сообщает им ценностный смысл, рассматривает их как образ, связанный с чем-то иным, нематериальным. Здесь выбор значений осуществляется между огромным числом возможностей, которые создаёт фантазия поэта. Реальность, миф, образ и ценность присутствуют вполне естественно в диалектических взаимопереходах знака и значения. Поэтический процесс становится сродни религиозному откровению, а сам поэт подобно колдуну-шаману обращается к Музе как Богине, знающей суть вещей беспредельного мира.

Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр выделял *означающее* как материальную сторону знака, называя его «акустическим образом» — «психическим отпечатком звука, представлением, получаемом нами о нем посредством наших органов чувств». В то же время, как он полагал, в знаке присутствует *означаемое,* то есть понятие о предмете, идеальное начало. Следовательно, двойственная материально-идеальная природа знака говорит о *воспринимаемом* и *понимаемом* с помощью знака явлении. В поэтическом процессе к этим двум сторонам знака добавляется третья — *выражаемое* и четвертая — *выбираемое.* Поэт выражает свои чувства и мысли через огромное множество вариантов стихотворных строк и бесконечное число образов и метафор. Он выбирает из них варианты, в которых обнаруживает *ценностные смыслы.* Иногда он *порождает* эти ценностные смыслы с помощью образов и символов, выступая уже не только как глашатай идей, но и как их творец. Таким образом, поэтическая деятельность оказывается гораздо более многограннее и сложнее поисково-обозначающей деятельности. Поэтическая фантазия по своей сложной структуре на порядок выше рационального интеллектуального поиска.

Синтезирующая роль Бога

В конечном счете Природу и Поэзию объединяет Бог. Вопрос о существовании Бога не подлежит сомнению. Просто в разные времена он имеет у людей разную природу. В эпоху каменного века он был бесплотным духом, неопределенной сущностью. У первобытных народов он приобрел мифические черты: вера в бога стала частью мистическо-созерцательного отношения к природе. Во

времена первоначального христианства Бог приобретает черты Творца, энергии, изливающейся на мир как Благо, дающей Жизнь, обладающей Разумностью и Справедливостью. Христианская Троица говорит уже о возможностях Преображения Бога, о его не только животворной силе, но и о его самоуправлении. С современной научной точки зрения Бог есть универсальная и вечная целостность вещей и идей мира, взаимосвязь единого и множественного, абстрактная родовая идея, без конца генерирующая себя в многообразных рамках материи и духа. Бог есть символ оправдания человеком своей жизни в этом мире как жизни по желаемым законам Разума и Любви. Вера человека в Бога оказывается в процессе исторического развития образно-символической духовной деятельностью. Она проявляется по-своему и в экономике, и в морали, и в политике, и в искусстве.

В поэзии образно-символическая деятельность становится осознанной и целенаправленной деятельностью, которую Андрей Белый называл не только миропониманием, но и мироустроительством. Создание символов есть одновременно и сотворение образов, которые могут стать для человека моделями бытия, содержащими в себе новое ценностное начало. «Действительность, сотворённая Богом, — пишет А. Белый, — есть действительность символическая; о такой действительности нельзя сказать, что она проявляется в нашей действительности; но о ней можно сказать, что она — есть...» Ввиду этого поэт, творящий символы и образы, становится подобным Богу: словами он творит духовную красоту мира, а через нее — душу человека. И если Бог есть Любовь, как об этом говорит Евангелие, то поэт, поющий о любви как созидающей основе жизни, становится творцом души человека. В стихотворении А.Н. Апухтина «Любовь» творчество поэта доходит до высшего предела выразительности:

Когда без страсти и без дела
Бесцветно дни мои текли,
Она, как буря, налетела
И унесла меня с земли.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла,
Дала мне счастие без меры
И слезы, слезы без числа...

Я все забыл, дышу лишь ею,
Всю жизнь я отдал ей во власть,
Благословить ее не смею
И не могу ее проклясть.

Противоречия мира и души сложили эти строки. Этот образ разрыва вселенной надвое, нестыковки и соединения, добра и зла, счастья и несчастья, стихии вечного поиска идеала, обретения и утраты — относится не только к окружающему миру, но и к самой душе поэта. Поэзия есть вечное и таинственное странствие в поисках чуда, озарения души красотою, сотворения радости духа. В поэтической деятельности поэт соединяет свою душу, творящую божественную красоту,

с вечным движением Природы. Крылатые слова: «Если бы Бога не было, то его надо было бы придумать» превращаются в свое новое выражение: «Если Природа, Бог и Любовь — одно и то же, то их связующим звеном становится Поэт». В этом вся суть поэзии, истоки которой скрыты в бесконечном разнообразии Природы. Поэт по праву самой жизни делается богом-ремесленником, Демиургом, творящим красоту мира, соединяя в гармоническом порядке символы и образы бытия.

Литература:

1. *Бунин ИЛ.* Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. — М,, 1988. С. 155
2. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992. С. 9.
3. Там же, С. 19.
4. *Соловьев В.С.* Красота в природе // *Соловьев В.С.* Соч. в 2-х томах. Т. 2. — М,, 1990. С. 361.
5. *Бунин ИЛ.* Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. — М., 1988. С. 154.
6. *Ф. де Соссюр.* Курс общей лингвистики. — М., 2004. С. 78.
7. *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1. — М., 1994. С. 108.
8. *Апухтин А.Н.* Песни моей Отчизны. — Тула, 1985. С. 92.

Ф. ФАССИО,
философ, писатель,
Буркина-Фасо.

Мыслители западнизма

К моменту прибытия в Германию в 1978 году за плечами Александра Зиновьева были годы работы в области логики и научной методологии в ее приложении к социальным системам (моделям). Его опыт жизни в советском мире, так же как и его личные исследования, позволяют ему опубликовать множество произведений, посвященных его стране и коммунистической (социалистической) системе. По мнению русского социолога, коммунизм сначала получил развитие в сталинский период в России, а затем был внедрен в других странах мира, в частности в Китае. Эта социальная модель серьезнейшим образом отличается от ее соперника, родившегося в Северной Америке и в Западной Европе примерно 200—250 лет назад. В силу различных причин, раскрываемых Александром Зиновьевым в работе *«Западнизм, или Триумф идеологии»,* автор предпочитает традиционному названию «капитализм» такие термины как «западнизм» и «западничество».

Конечно, русский логик — не первый мыслитель, попытавшийся понять природу социальной системы, действующей в настоящее время в западных странах. В 1835 году Алексис де Токвиль, вернувшись из путешествия по Соединенным Штатам, опубликовал первый том произведения, остающегося актуальным и поныне, «Демократия в Америке». В этой книге французский социолог поделился своими размышлениями об американском обществе, родившемся несколькими десятилетиями ранее и развивавшемся на его глазах. Через 20 лет французский мыслитель создаст другой труд «Старый режим и революция». Эта книга является уже не историческим, а весьма глубоким социологическим исследованием. К тому же весьма интересно читать эту работу вместе с первыми главами книги русского мыслителя, посвященными истории западнизма. Когда Алексис де Токвиль писал свои труды, он понимал, что западнистская система, называемая социологом «демократическим обществом», постепенно укореняется и во Франции, где она вскоре окончательно вытеснила умирающий феодализм. Революция 1789 года только ускорила неизбежный процесс. В начале XIX века французский мыслитель не только понял, что будущее Франции принадлежит западнизму, он также предчувствовал то, какую фундаментальную роль сыграют Соединенные Штаты в будущем всего мира.

Через 150 лет после публикации произведений французского социолога Александр Зиновьев начинает работать над своей книгой, и к этому времени западнизм — это уже не зародыш, он давно прочно укоренился во многих странах мира; кроме того, он только что одержал важную победу над своим соперником — европейским коммунизмом. Именно эту торжествующую систему и описывает русский мыслитель, не претендуя на осуществление исчерпывающего исследования.

Я же в свою очередь хотел бы предложить читателю краткую сводку анализа, выполненного философом, дабы продемонстрировать радикально новаторские качества зиновьевской теории западнизма.

Три столпа западнизма

Западнистская модель — это совокупность черт или качеств, общих западным странам; эти качества в большей своей части были порождены одними и теми же внутренними законами, что объясняет сходства между образами жизни, встречающимися в столь отдаленных друг от друга в географическом отношении странах, как Франция, Австралия или Канада. В своем произведении, посвященном западнистской системе, русский философ утверждает, что эта модель стоит на трех столпах: экономическом, коммунальном и человеческом факторах.

Экономический фактор основывается одновременно на правилах, руководящих профессиональной деятельностью, и на правилах, относящихся к инвестированию и к способности извлечения прибылей. Западный мир, глубочайшим образом связанный с частным предпринимательством, является, следовательно, миром со строгой трудовой дисциплиной, в котором предприятия обязаны быть рентабельными, если они вообще хотят продолжить свое существование. Западный тип производства и распределения благ и услуг является совершенно особым феноменом, отличающимся от существующего в социалистической системе. В последней трудящиеся, выполняющие определенную деятельность, в целом зарабатывают меньше, чем западные работники на аналогичных должностях, однако работают они явно меньше. Для выполнения той же задачи здесь требуется больше работников, кроме того, их занятость гарантирована; что касается предприятий, их выживание не зависит от их способности порождать деньги.

Коммунальный фактор — это феномен, общий совокупности обществ, насчитывающих тысячи или миллионы человек. Разделение на руководителей и подчиненных, иерархия руководителей, формирование слоев и каст, создание идеологии и государственного аппарата как органа, ответственного за управление многими аспектами общественной жизни, — все это коммунальные феномены. Без них общество не может существовать в качестве целостности, способной на длительную жизнь. Поэтому государство является феноменом, общим для всех человеческих образований, достигших определенной стадии развития, однако оно приобретает различные формы в зависимости от природы общественного организма, которым оно призвано руководить. Западную форму государства традиционно называют «парламентской демократией». Человеческие образования, не относящиеся к западному миру, создали формы власти, отличные от парламентской демократии.

Человеческий фактор проявляется в коллективных действиях членов определенного общества. Образование, культура, идеология, религия и власть, помимо остальных своих функций, нацелены на то, чтобы контролировать воспроизводство человеческого материала, необходимого для выживания данного общественного образования. Индивидуализм, предприимчивость, вкус к кропотливой работе, бережливость или способность к самоорганизации — лишь некоторые из

психологических качеств, получивших развитие в западных странах. Знаменитая «протестантская этика труда» сыграла, например, важную роль в формировании человеческого материала в Соединенных Штатах. В других частях мира народы развили другие качества, необходимые для выживания общественного организма, которому они принадлежат.

Западнизм — это модель, которая родилась и созрела на западе Европы и на других континентах, заселенных европейскими колонистами. Затем она получила распространение на многих других территориях планеты, подвергая западному влиянию иные народы, которые подчас яростно ему сопротивлялись. В XIX веке создание колониальных империй европейскими державами было проявлением этого распространения. Сегодня же оно приобретает другие, отличные от прошлых, формы, но все равно продолжается, например, в России.

Вопрос о будущем

В последних главах своей работы Александр Зиновьев обращается к фундаментальному вопросу о будущем и его предсказании. Это дает нам пример использования методологических принципов, созданных русским логиком, когда он работал в Москве.

В социологии предсказание возможно только на основе анализа настоящего. Когда исследователь анализирует данное общество, он обнаруживает тенденции (законы), которые действуют в настоящем и продолжат свое действие в будущем, если ничто не помешает этому действию. На основе этих законов исследователь конструирует модель «возможного будущего». Как отмечает русский философ в конце своего произведения, будущее не вписано в настоящее в форме некоей судьбы.

Прежде чем завершить свое исследование, посвященное западнизму, Александр Зиновьев приводит несколько внутренних законов, которые будут определять лицо будущего, если никакое явление не воспрепятствует их действию. Я хотел бы несколько задержаться на двух из этих законов.

Во-первых, философ отмечает, что структура западного населения претерпевает серьезное изменение. Доля лиц, занятых в производстве благ и услуг, уменьшается, тогда как растет число индивидуумов, осуществляющих ту или иную деятельность в сфере управления или администрирования страны, так же как в сфере идеологии и средств информации.

Во-вторых, философ отмечает, что сфера средств информации и идеологии усиливает свою власть над западным населением. Этот момент приобретает огромную значимость.

После Второй мировой войны средства коммуникации и информации — пресса, книгоиздание, радио, телевидение — претерпели трансформацию. Новые технические изобретения, усилившиеся связи между различными типами средств информации и рост числа занятых в этом секторе вызвали «качественный скачок». Иначе говоря, средства информации стали существенной сферой общества, а также привилегированным средством распространения идеологических тем среди широкой публики. Идеология состоит из совокупности суждений и понятий, предназначенных для моделирования сознания общественного индивидуума. Процитируем в произвольном порядке несколько идеологических

тем, распространяемых средствами информации в Западной Европе в течение последних десятилетий: «молодежная культура», то есть чрезмерное превознесение молодежи; защита гомосексуальности; заслуги демократии; экология и окружающая среда; стандартизированный образ страны, сопротивляющейся западному влиянию. Идеология определяет табу, которые следует уважать: например, запрет на упоминание вопросов, связанных с массовой иммиграцией в Европу. Она также фабрикует «культы личности», часто выдавая за исключительных фигур весьма посредственных индивидов (звезд спорта, политики или шоу-бизнеса). Одна из идеологических тем занимает ныне особое место — ведение западного образа жизни в целом и американского в частности. Книги, публикуемые огромными тиражами, крупнобюджетные фильмы или телепередачи, производимые в США или создаваемые по американским лекалам, так или иначе задают картинку, положительно оценивающую американский стиль жизни. Идеология и культура являются частью того, что американские политологи называют «мягкой властью» *(soft power).* Последняя весьма эффективна в начале XXI века, в буквальном смысле слова она душит культурные формы, происходящие из других стран.

Два закона, сформулированные в начале этой главы, упрочили свое действие уже во второй половине прошлого столетия. Поэтому разумно полагать, что в будущем это движение еще больше усилится и что мы будем иметь дело со все более явной идеологической обработкой западного населения. «Единое мышление», предназначенное для удержания масс в определенных рамках и для создания стандартизированного общественного сознания, следовательно, находится на пороге своего расцвета.

Во времена Холодной войны Александр Зиновьев написал мне письмо, в котором утверждал, что было бы интересно изучить Запад, начав с анализа его идеологии. Философ понял, насколько колоссальна обработка западных масс; также он знал, что западная идеология оказывает разлагающее воздействие на высшие слои его родной страны. «Мягкая власть» оказалась мощным оружием в борьбе против Советского Союза. Последний рухнул, хотя американцы и не использовали свои вооруженные силы, то есть «жесткую власть». Таким образом удалось избежать кровопролитного конфликта. Соединенные Штаты, оставшись на планетарной сцене, по крайней мере на некоторое время, без соперника стали хозяевами мира через 150 лет после путешествия Алексиса де Токвиля, первого мыслителя западнизма.

Ю. ФИЛИППОВ,
независимый эксперт,
Франция

Антанта — крестная мать СССР, или Революция и Гражданская война в России

Западная концепция: по причине тяжелых поражений в Первой мировой войне, спасая Великую Россию от поражения, ее прогрессивные силы, опираясь на народное волеизъявление, свергают царя Николая Второго. Происходит либерально-демократическая Революция февраля 1917 года, власть переходит к Временному правительству Керенского, которое продолжает войну на стороне Антанты. Премьер-министр Англии Ллойд Джордж восторженно заявляет: **«одна из главных задач этой войны решена!»**

Тем временем коварные большевики, то есть агенты Германии, Троцкий и Ленин, готовят и проводят Октябрьский переворот, захватывают власть, разваливают Западный фронт и разгоняют штыками Учредительное собрание (парламент). Троцкий начинает в декабре 1917 года переговоры о перемирии с немцами в Бресте, но гордо отказывается подписать перемирие на кабальных германских условиях и вместо этого выдвигает оригинальный лозунг «ни мира — ни войны», который Германия интерпретирует по-своему и за пару недель без единого выстрела оккупирует Прибалтику, Украину, Бессарабию, и поэтому большевики все-таки подписывают Брестский мир на немецких условиях, нанося тем самым коварный удар в спину союзников (Антанты). Возмущению русских прогрессивных, национальных, консервативных сил и союзников по Антанте нет предела. Они всячески группируются, формируются и объединяются: Юденич на Севере, Деникин на Юге, Колчак в Сибири. Антанта оказывает Белому движению **всемерную помощь людьми, деньгами и оружием.** Уинстон Черчиль призывает «задавить большевизм в колыбели» Совершенно очевидно, что 200 ООО храбрых и опытных русских офицеров + 50 ООО вольнолюбивых чехов, которых поддерживает победоносная Антанта (четыре миллиона солдат) + симпатия значительной части российского населения смогут играючи исполнить пожелание Черчилля? Увы, не смогли! Гражданская война длилась пять лет и обошлась России в 20 миллионов жизней и все-таки закончилась победой фанатичных большевиков. Почему? Потому что, во-первых, типичная русская дезорганизация, а, во-вторых, опять виновата загадочная русская душа («Вишневый сад», «На дне» и т.д.)

Советская концепция: по причине тяжелых поражений в Первой мировой войне, спасая Великую Россию, революционный народ свергает в феврале 1917 года ненавистного царя Николая Второго Кровавого, власть переходит к Советам депутатов и Временному правительству, которое продолжает войну на стороне Антанты вопреки воле народа. Тем временем истинные большевики под руководством Ленина, Троцкого, Сталина, опираясь на революционный энтузиазм

народа, совершают Великую Октябрьскую революцию, дают «Мир солдатам!», «Землю крестьянам!», «Власть народу!», демобилизуют Западный фронт, мирно распускают Учредительное собрание (парламент). К сожалению, провокатор Троцкий проваливает в декабре 1917 года переговоры о перемирии в Бресте, подготавливает кабальный для России договор, однако из упрямства отказывается его подписать, и вместо этого объявляет сюрреалистический лозунг «ни мира — ни войны», который Германия понимает конкретно и за 11 дней, начиная с 18 февраля 1918 года, грубо попирает все нормы международного права и оккупирует Прибалтику, Украину, Бессарабию. Поэтому большевики, уверенные в конечной и скорой победе Мировой революции, все-таки подписывают 3 марта 1918 года Брестский мир. Антанта в отместку всячески подстрекает сторонников бывшего царского режима, которые предательски группируются, формируются и объединяются: Юденич на Севере, Деникин на Юге, Колчак в Сибири. Антанта оказывает Белому движению **огромную помощь людьми, деньгами и оружием.** Уинстон Черчилль призывает «задавить большевизм в колыбели» Но, несмотря на то, что более 200 ООО обманутых монархической пропагандой русских офицеров + 50 ООО до зубов вооруженных белочехов принимают участие в Белом движении, которое всячески поддерживает коварная Антанта (четыре миллиона солдат), пожелание кровожадного Черчилля невыполнимо. Ура! Революционный народ побеждает в пятилетней братоубийственной кровопролитной Гражданской войне, которая обошлась России в 20 миллионов жизней! Почему? Во-первых, благодаря мудрому руководству Ленина, Троцкого, Сталина и большевиков, а во-вторых, помогла загадочная русская душа (романтика революции, «смело мы в бой пойдем...»)

Давайте посмотрим на эти, якобы взаимоисключающие, концепции внимательней и проверим, насколько хорошо они соответствуют фактам.

«...по причине тяжелых поражений...»

Каких поражений, спрашивается? Да, к концу 1916 года Россия потеряла на войне около двух миллионов солдат и офицеров, однако ее военная промышленность уже полностью сама удовлетворяла все потребности семимилионной русской армии в патронах, снарядах, минах, винтовках и пулеметах, а сельское хозяйство кормило страну досыта. Так как при этом Россия практически не имела территориальных потерь, то снова мог возникнуть сильный соблазн сепаратного мира с Германией.

Пошли слухи о прогерманском настроении немки-царицы Александры Федоровны под влиянием некоего фаворита-целителя Григория Распутина. С одобрения английского посла лорда Букэнэна группа аристократов-англофилов-германофобов по-азиатски зверски казнила германофила Григория Распутина. Слова монаха-расстриги Григория Распутина к российским монархам Романовым «если я умру или Вы покините меня, то и шести месяцев не пройдет, вы потеряете, и сына, и царство...» оказались пророческими.

12 января 1917 года состоялась последняя беседа английского посла лорда Букэнэна с царем Николаем Вторым, который в ходе этой беседы сообщил Букэнэну, что скоро должна состоятся мирная конференция с Германией, на что лорд Букэнэн ответил, что царю следует последовать примеру Англии, провести конституционные реформы и тоже ввести в свой кабинет «умеренных левых».

Царь совсем не понял намека лорда Букэнэна, и поэтому уже через несколько дней включаются «прогрессивные» силы. В столице начинаются крупные забастовки, столкновения с полицией, происходит «народное» волеизъявление, заканчивающееся арестом царя в Могилевской ставке, революцией в феврале и отречением от престола 2 марта 1917 года.

«одна из главных задач этой войны решена!» —

восторженно говорит парламенту его Королевского Величества премьер-министр Англии Ллойд Джордж по поводу события, равному, по крайней мере, поражению главного союзника в крупнейшем сражении. Здесь новый премьер-министр Англии на радостях просто выболтал всегдашнюю цель Англии — ослабление России. Ему вторит президент США Вильсон, сообщивший конгрессу о «чудных событиях в России... автократия свержена!»

«...коварные большевики, то есть немецкие шпионы Троцкий и Ленин...»

В каком агентском чине пребывали господа архибольшевик Троцкий (этот вождь приплыл на пароходе в апреле 1917-го из Нью-Йорка через Швецию делать революцию в России), большевик Ленин (этот вождь приехал в апреле 1917 года руководить революцией из Цюриха в пломбированном вагоне через Германию) и меньшевик Плеханов (этот патриарх прибыл в марте 1917-го на революцию прямо из Лондона на английском миноносце). Были ли они чьими-либо агентами вообще — вопрос вторичный и технический, а вот то, что некое политическое движение (партия), созданное для свержения правящего тогда режима в России, в котором Троцкий и Ленин были ведущими фигурами, находилось в той или иной степени под английским контролем с самого начала, — это вопрос первичный и принципиальный.

Почему-то, например, съезды РСДРП проводились в Лондоне. Отметим при этом, что англичане всегда были непревзойденными мастерами добиваться своего чужими руками, а в данном случае финансировании большевиков руками германского Генштаба, который, будучи переполненным сознанием своего прусссского превосходства, тупо шел на поводу у английского агента Парвуса (А.И. Гельфонда).

Февральская революция отнюдь не была стихийным народным восстанием, не была «страшным и кровавым русским бунтом» — она была либеральным (made in liberal England) путчем, целью которого было сохранение Восточного фронта, но уже под руководством «конституционного», гарантированно антигерманского регента (план А — конституционная монархия — точь-в-точь как в любимой Англии). Февральский путч был совершен руками полудюжины генералов, лихо арестовавших русского царя в Могилевской ставке и принудивших его к отречению. Так как при этом никакого формального акта отречения не было вообще, то заговорщики распрекрасно обошлись телеграммой царя от 2 марта 1917 года из Пскова самим себе же, в Могилевскую ставку, и поддержкой столичных гарнизонов.

Гладко было на (английской) бумаге!

План А: Либеральный кабинет опирается на парламент (Совет во главе с меньшевиком Плехановым), присягает царскому дому, любимому русским народом. Война с Германией продолжается до... победного конца.

Но попались (русские) овраги!

Великий князь Михаил, явно перенасытившись левой литературой, отрекся от царского трона напрочь, сказал, что не хочет быть преемником Николая Второго Кровавого, а хочет быть всенародно избранным монархом и, чтобы рыбка золотая... За восемь месяцев до Октябрьского переворота Временное правительство очень много натворило законов и проектов, но не сумело хотя бы остановить развал Восточного фронта. Начались военные выступления монархистов, например, генерала Корнилова. «Допустить, чтобы верные германофильской монархии генералы захватили власть, спелись с немецкими генералами, а там, глядишь, заключили русско-германский сепаратный мир, а там уже и до антианглийского союза недалеко, — ну, никак совсем нельзя! Генералы-монархисты Корнилов, Деникин, Алексеев арестованы и помещены под стражу.

План Б: Отдать к черту власть большевикам! Как эти большевики подпишут сепаратный мир с Германией, так же и расторгнут его при первой же возможности. Большевикам и Германской империи с ее генералами и юнкерами не по пути.

Английский посол в России лорд Букэнэн докладывает в сентябре 1917 года своему премьер-министру Ллойд Джорджу: «...Только большевики, являющиеся комппактным меньшинством... имеют четкую политическую программу... а так как у Временного правительства не хватает сил разогнать большевиков силой из-за риска развала Совета (парламента), то большевики являются единственной им альтернативой.»

Несколько ключевых дат революции:

22.02.1917 — Февральская революция (путч).

02.03.1917 — Царь отрекается от престола (насильственно?).

01.04.1917 — Троцкий арестован в Канаде, выпускается по команде из Лондона.

06.04.1917 — Президент Вильсон объявляет войну Германии.

16.04.1917 — Ленин прибывает в Петроград из Швейцарии через Германию.

18.05.1917 — Троцкий прибывает в Петроград из Швеции.

29.05.1917 — Генерал Першинг отплывает в Европу бить немцев.

Примечание: начиная с июня 1917 года, США отправляют в Европу по 300 000 солдат в месяц; численность экспедиционного корпуса на 11.11.1918 года составила два миллиона солдат, расходы США на войну составили более 35 миллиардов долларов.

07.11.1917 — Октябрьский переворот под руководством вождей Троцкого, Ленина.

19.11.1917 — Генералы Корнилов, Деникин, Алексеев бегут из тюрьмы на Дон.

02.12.1917 — Начинаются переговоры в Брест-Литовске по мирному договору с Германией.

04.12.1917 — Донские казаки генерала Каледина берут город Ростов-на-Дону.

Так началась Гражданская война. Большевикам, конечно, вот-вот наступит конец. Тем временем в России вождь Троцкий формирует новую Красную армию путем откровенно насильственной мобилизации солдат и принудительного

привлечения офицеров царской армии, а монархические силы формируют Белую Добровольческую армию, которая наносит Красной Армии одно поражение за другим. Антанта тем временем занята завершением войны с Германией, ей пока не до России.

В июле 1918 года левые эсеры организуют убийство посла Германии графа Мирбаха, а в августе эсерка Фаня Каплан тяжело ранит Ленина. На Украине происходит инспирированная Антантой (опять французы) анархо-социалистическая революция Махно, немецкой армии приходится все-таки уйти из Украины, так как в самой Германии, похоже, тоже начинается революция.

Под прямым руководством французов (генерал Жанэн) 50-тысячный Чешский легион, сформированный из австрийских пленных и дезертиров, восстает при попытке большевиков его разоружить и захватывает в июне 1918 года всю Транссибирскую магистраль и Поволжье с тем, чтобы не допустить сдачу царского золотого запаса немцам. Меньшевики и эсеры настраивают крестьянство против большевиков, опираясь на Чешский легион, захватывают Самару и Саратов, образуют Комуч, т.е. комитет членов учредительной думы.

Вдоль всей Транссибирской магистрали, на всех территориях, контролируемых Чешским легионом, мгновенно изгоняются большевики и возникают консервативные, промонархические, националистические «правительства»: Башкирское, Татарское, Сибирское. Уже в сентябре в Омске формируется Временное Российское Правительство, управляемое Директорией из трех эсеров и двух кадетов, но уже 18 ноября 1918 года министр обороны этого правительства, явный английский агент адмирал Колчак, опираясь на те же самые штыки Чешского легиона, производит военный переворот, и становится (правда, под чутким руководством английского генерала Нокса, французского генерала Жанена и под внимательным наблюдением американского генерала Грейвса) Верховным Правителем Сибири.

Наконец-то 11 ноября 1918 года Германия и Антанта подписывают в Версале перемирие. Вот теперь-то красным точно наступит конец. Но большевики контролируют жесточайшим образом центрально-европейскую часть России с населением в 70 миллионов человек и Красной армией в три миллиона штыков, а белая и прочая контр-революция контролирует на Севере Мурманск, на Востоке — Сибирь, на Юге — Кавказ с общей численностью добровольческих сил всего-навсего в 250 ООО человек. Все без исключения контрреволюционеры всех мастей поют дифирамбы и клянутся на все лады Антанте в любви, а красные извергают дежурные потоки проклятий в адрес «либеральных демократий».

Антанта изо всех сил всячески имитирует борьбу с красным чудовищем, отгружает «белым» пару-тройку пароходов списанного барахла из военных неликвидов, направляет символические экспедиционные корпуса в Одессу, Крым, Мурманск, Владивосток. Смысл всего этого театра «интервенции» состоял в общем контроле ситуации, в недопущении опасного для нее слияния белого и германского генералитетов, но при этом Антанта умело подзуживает и подталкивает «белых» к очень рискованным военным операциям.

Например, для пущего вдохновения армии генерала Деникина дают несколько самолетов и устрашающих английских танков, обмундирование, тяжелую артиллерию. Бравые деникинцы доходят до Орла, а тем временем в их тылу армия

Махно полностью перерезает линии коммуникации армии Деникина, и это наступление заканчивается разгромом.

На вопросы недоумевающей западной публики, включая собственный парламент, премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж невозмутимо заявил, что для серьезной интервенции нужно никак не менее 400 ООО штыков, а это роскошь, которую Антанта не может себе позволить, поэтому придется обойтись ограниченной интервенцией. Премьер здесь здорово лукавил. Так, например, опытный французский маршал Фош предложил во время переговоров в Версале навести четкий полицейский порядок на территории России как бывшего союзника Антанты, заявив, что для этого ему вполне хватит 100 ООО солдат и пары месяцев, благо, что железнодорожная сеть в России превосходная.

Не больше года адмирал Колчак проходил в сверхбогатых Верховных правителях. Как только, воодушевившись победами, он начал по-настоящему формировать собственную Сибирскую Белую добровольческую армию, снова начались проблемы с Чешским легионом. Тем временем на вооружение Белой добровольческой армии, а также прочие нужды колчаковской Сибири через Владивосток безвозвратно ушла в японские и американские банки приблизительно треть царского золотого запаса (1 400 тонн золота) в качестве обеспечения кредитов, предоставленных Сибирскому правительству.

Чешский легион вдруг снова захотел домой в родные Чехию и Словакию. При этом, чтобы случайно не навредить большевикам, дышавшим именно в этот момент на ладан, и не допустить попадания громадного царского золотого запаса в руки белых генералов, легион решил почему-то идти домой не кратчайшим путем через Юг России, например, вниз по Волге от контролируемого ими же города Самары до города Царицына (Сталинграда), контролируемого генералом Деникиным, а длиннейшим, то есть путем медленного, поэтапного отступления вместе с «похудевшим» на одну треть царским золотым запасом через всю Сибирь и кругосветного путешествия с начальным пунктом во Владивостоке.

Вот таким образом в Сибири к ноябрю 1919 года адмирал Колчак был уже кончен как Верховный правитель. Нет, хозяева адмирала Колчака не заготовили ему ни высокой должности в Адмиралтействе Великобритании, ни скромной службы в Британском музее. Управляемый Антантой, Чешский легион медленно, но верно двигался в сторону Владивостока и вполне организованно и согласованно сдал адмирала Колчака, несмотря на все данные ему генералами-кураторами гарантии, вместе с оставшимися 2 800 тоннами золотого запаса большевикам в Иркутске, ну а те на скорую руку ревтрибунала шлепнули Верховного и его «премьер-министра» Попеляева по законам революционного суда.

На юге России Франция подсказала своему послушному союзнику Польше подписать перемирие с Москвой, что позволило бойкому Тухачевскому, к которому присоединился по французскому же намеку анархист батько Махно, разбить благодаря чудовищному численному перевесу осенью 1919 года армию генерала Деникина; летом 1920 года разбить армию генерала Врангеля в Крыму, расстрелять без суда 5 000 сдавшихся в плен офицеров, ну а летом 1921 года разгромить наголову того же самого батьку Махно.

На Крайнем Севере англо-американские «интервенты» потеряли около 500 человек при эвакуации из Мурманска и Архангельска. Это и были, собственно

говоря, единственные потери «интервентов» в России. Всего же Антанта направила в Россию не более 20 ООО военнослужащих, т.е. всего полпроцента от своих вооруженных сил и, якобы, истратила 300 миллионов долларов, т.е полпроцента от военного бюджета Антанты, тоже по тем временам большие деньги (приблизительно 30 миллиардов долларов США сегодня).

Кстати сказать, тот же Уинстон Черчиль, как истинный английский джентльмен, честно сознался в том, что эти цифры расходов Антанты на Россию просто дутые, так как, в первую очередь, эти миллионы просто приписали «белым» за послевоенные неликвидные излишки. Надо полагать, что 1 400 тонн золота более чем покрыли все расходы на борьбу с коммунистическим красным дьяволом.

А вот на Балтике реально складывалась ситуация, при которой вся послевоенная история России и Европы могла пойти совсем другим путем. Так как Версальский договор предусматривал создание буферных государств между Германией и Россией, то немцы их быстро создали, мгновенно выбив отовсюду небоеспособную Красную армию. Более того, 100-тысячная прекрасно вооруженная армия («железная бригада») генерала Гольца, находившаяся в Прибалтике, серьезно собиралась принять участие в походе генерала Юденича на Петроград, но была срочно расформирована по указанию **бдительной** Антанты и отправлена в Германию!

Несмотря на то, что щедрая Англия выдала Юденичу целых семь штук тихоходных танков, плохо экипированная пятнадцатитысячная армия генерала Юденича, конечно, не справилась с милионным Петроградом и стотысячной армией Троцкого. Последовал разгром Юденича и создание концлагерей в свободной Эстонии, в которых в ожидании «видов на жительство» погибло за несколько месяцев от холода, голода и болезней более половины белых офицеров.

Из всего вышесказанного следует простой вывод: **Белые не могли победить в принципе,** так как их победа могла быть чревата германо-российским сближением, что совершенно противоречило целям Антанты, а точнее говоря, — Великобритании и США. Россия нужна была Антанте в роли заклятого противника Германии, которую еще предстояло окончательно сломить в неизбежной будущей войне. Поэтому псевдоинтервенция Антанты против большевистской России имела главной целью вовсе не свержение большевистского режима, а недопущение реставрации германофильской монархии. **Антанта — крестная мать СССР.**

Список литературы:

Victor Alexandrov. The End of The Romanovs, London, 1966.
Greg King and Penny Wilson. The Fate of the Romanovs, 2003.
Ascher Abraham, ed. The Mensheviks in the Russian Revolution, Ithaca, 1976.
Pipes Richard. The Russian Revolution, New York, 1990.
Fitzpatrick, Sheila. The Russian Revolution, Oxford University Press, 2nd Reissue edition, 2001.
R. Abraham. Kerensky: First Love of the Revolution, Columbia University Press, 1987.
Taylor, A.J. P. ed. Lloyd George. Twelve Essays, New York, 1971.
Deutscher, Isaac. Ironies of History, 1966.

Daniels, Robert V. Trotsky, Stalin & Socialism, Westview Press, 1991.
Gilbert, Helen. Leon Trotsky: His Life and Ideas, Red Letter Press, 2003.
Richard Pipes, ed. The Unknown Lenin, Yale University Press, 1996.
Anton Ivanovich Denikin. Biographies, Answers Corporation, 2006.
Kenez P. Civil War in South Russia. 1917-1920. The defeat of the Whites, Berkeley, 1972.
Evan Mawdsley. The Russian Civil War, Edinburgh, Birlinn, 2008.
Overy, R.J. The Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia, W.W. Norton & Company, 2004.
Goltz Riidiger von der. Meine Sendung im Finland und im Baltikum, Leipzig, 1920.
Relevant WIKIPEDIA pages on characters and events referred to in the present story.

А.И. ФУРСОВ,
кандидат исторических наук,
директор Центра русских исследований
Московского гуманитарного университета

Глобализация — мир на краю пропасти (истоки и последствия)

Уважаемые коллеги! Я постараюсь уложиться в регламент и кое-что изложу тезисно. Я хочу сегодня порассуждать о проблеме, о которой писал Александр Александрович Зиновьев, — это проблема глобализации. Это слово постоянно на слуху, и термины «глобальный», «глобализация» используются повсеместно и не по назначению: говорят о «глобальных проблемах» Украины, Узбекистана, «глобальных проблемах» какого-то института. И сейчас трудно представить, что до 1983 года, когда Робертсон придумал этот термин, термин «глобальный» и не существовал как научный термин. Было слово «глобальный», но не было термина «глобальный». В 1983 г. появляется термин «глобализация», и очень интересно, что в этом же году, одновременно с этим термином, появляется другой, который отражает некий очень важный аспект реальности, связанный с глобализацией, «виртуальная реальность».

Глобализация — это одна из проблем, о которой ведутся ожесточенные споры, как национальные, так и научные. Если говорить о научных спорах, то один из важных — спор о том, когда стартовала глобализация. Одни говорят, что давно, первая глобализация была еще в XVI веке или даже раньше. При таком подходе глобализация смешивается с интернационализацией и интеграцией. Есть другой подход, и я принадлежу к его сторонникам. Глобализация стартовала недавно, и связана она непосредственно с научно-технической революцией, но ею не исчерпывается. Дело в том, что первопроходцами научно-технической революции были сначала Япония и Германия (потом этот процесс возглавили США). Вопрос: почему две страны, которые потерпели поражение во Второй Мировой войне, оказались на какой-то момент лидерами (причем, на момент очень важный) начальной глобализации. И здесь я должен сказать, что, по моему мнению, глобализация есть побочный продукт всеобщей Холодной войны. Прежде всего, Япония и Германия смогли совершить тот рывок, о котором я говорил, потому что по логике Холодной войны Соединенные Штаты вкладывали средства и в Японию, и в Германию. В Японию — как форпост против Китая и Советского Союза на востоке, в Германию — как форпост против ГДР и Советского Союза на западе. Таким образом они одновременно растили себе и конкурентов, и экономические «треноги». Но и Советский Союз тоже косвенно посодействовал становлению этих двух центров, в том числе и в плане научно-технической революции. Дело в том, что в середине 50-х годов Гамаль Абдель Насер убедил Хрущева начать продавать нефть на рынке. Цель была простая: Гамаль Абдель Насер считал, что если Советский Союз выбросит дешевую нефть, то посыпятся реакционные арабские

режимы. Из реакционных арабских режимов посыпались только два: в 1958 году Ирак, а в 1969 году совершил переворот Каддафи, но зато нефть подешевела так, что Япония, которая в 1959 году свои энергетические потребности удовлетворяла за счет нефти только на 7 %, в 1971 году удовлетворяла их уже на 77 % благодаря советскому понижению цен на нефть.

Холодную войну часто называют «Третьей мировой». Это не Третья мировая — это Первая глобальная война. Это была принципиально другая война и велась она по-другому. Игорь Алексеевич Михайлов совершенно правильно сказал: Советский Союз не проиграл Холодную войну, он вышел из нее на одном уровне. Но, с другой стороны, то, что Горбачев и его команда (Шеварднадзе, Яковлев и прочие) вывели Советский Союз из Холодной войны, — это и была победа Запада. Это была психоисторическая победа, потому что Холодная война была психоисторической войной.

Итак, глобализация есть косвенный продукт глобальной Холодной войны и непосредственный результат научно-технической революции. Но остается открытым вопрос: а что такое глобализация в социально-экономическом плане? И вот здесь я хотел бы связать глобализацию с очень непопулярной сегодня тематикой и непопулярным термином: «капитализм». Это слово в общественной науке сегодня почти забытое. Оно почти неприличное. Прилично говорить о современном обществе, о постиндустриальном обществе, об индустриальном обществе, об обществе эпохи модерн, но только не о капиталистическом обществе. Потому что если ты говоришь о капитализме, то скорее всего ты марксист. Хотя на самом деле «Капитал» никто не отменял, капиталистическое накопление как мотор движения современной мировой системы никто не отменял. И в том, что у нас всерьез не занимаются широкомасштабными исследованиями капиталистического общества, капитализма, я вижу провинциализацию постсоветской науки по сравнению с советским временем. Хотя справедливости ради нужно сказать, что мы уже с середины 50-х годов начали переставать изучать капитализм. С середины 50-х годов мы стали изучать капитализм по коммунистическим пропагандистским книжкам, потом по переводам левых, потом либералов и, наконец, в 90-е годы по неолиберальным книжкам, т.е. сам капитализм мы не изучали. Одна из задач — вернуться к серьезному изучению капитализма.

Кстати, одна из причин, почему мы проиграли Холодную войну, заключается в том, что, не изучая капитализма, советские идеологи и ученые проглядели формирование в послевоенный период очень мощного, принципиально нового, жестокого и хищного сегмента мирового капиталистического класса — корпоратократии (еще его называют гипербуржуазией). Дело в том, что буржуазия старого, довоенного типа, как показала история, в общем-то уживалась с такой системой-антикапитализмом, какой был Советский Союз. А вот тот слой, который заявил о себе после Второй мировой войны свержением Моссадыка — это была первая акция западных спецслужб, проведенная в интересах транснациональных корпораций, затем стали развиваться такие структуры, как Римский клуб, Трехсторонняя комиссия, которая в конце концов посадила своего президента Рейгана в кресло Соединенных Штатов. Вот этот слой корпоратократии и разгромил Советский Союз в 3 пятилетки.

Если говорить о глобализации в этом плане, то для меня глобализация — это явление позднего капитализма, причем явление, которое полностью реализует потенциал капитализма как системы, демонстрирует его полный успех, а следовательно, и волю к смерти. Вот что я имею в виду. Чем определяется жизненный цикл капиталистической системы? Очень простыми вещами. Первая: наличие в ней капиталистической зоны, которую превращают в капиталистическую периферию каждый раз, как только снижается мировая норма прибыли. Часть бывшего некапиталистического мира включается в капиталистическую периферию, туда выбрасываются товары, и эта зона становится зоной дешевой рабочей силы. Этот процесс был хорошо изучен у нас, им занимались в 20—40-е годы, и на Западе это тоже хорошо изучено такими людьми, как Валлерстайн и еще двумя десятками других. Вторая вещь — это поддержание стабильности и социального мира в ядре капиталистической системы с помощью эксплуатации периферии. И наконец, очень важная вещь — институциональные ограничения капитала: об этом очень проницательно писали в начале XX века, но об этом как-то забыли, и особенно у нас. Наши реформаторы из бывших коммунистов полагали, что капитализм — это нечто, так сказать, почти бандитское и ничем не ограниченное. Капитал существовал до капитализма и будет существовать после капитализма. Капитализм — это институциональная система ограничения капитализма. Об ограничениях я скажу позже. Но в этом плане очень интересно по-другому оценить левое и даже само коммунистическое движение в самом Западе, ограничивая капитал, они в общем-то продлевали жизнь капиталистической системе.

Глобализация, превратив капитал в электронный сигнал (очень хорошо об этом написал Зигмунд Бауман), лишается всех ограничений пространственного, локального, институционального и государственного характера. Глобализация — это победа времени над пространством и географии над историей. Не прав был Фукуяма, говоря о конце истории. Нужно говорить о конце географии. Капитализм сегодня везде. Российская Федерация — это капитализм. Те, кто считают Китай социалистической страной, пусть посмотрят пенсионное законодательство этой страны: там пенсии упразднены вообще, и там неолиберализм, так сказать, под коммунистической китайской оболочкой совершенно очевиден.

Исчерпанность капиталистических зон заставляет капсистему перейти от 500-летнего режима экстенсивного развития к интенсивному. Здесь просматриваются два варианта развития. Первый: к эксплуатации и частичному экономическому уничтожению истории тех слоев, которые были главными бенефикторами капсистемы в XX веке — это прежде всего средний слой; и второе — это создание новых низов афро-азиатского происхождения, разрешение миграции, разрушающей социальную ткань западных обществ, но зато приносящей прибыль. Кто-то скажет: вот таким образом капитализм и решит свои задачи. Да, в краткосрочном плане безусловно решит. Наступление Рейгана и Тэтчер на средние слои в 80-е годы оказались успешными. В 1980-е МВФ своими реформами уничтожил средний класс Латинской Америки. Что такое горбачевщина и ельцинщина? Это очень сложное историческое время, но если подходить к этим явлениям с точки зрения чистой логики, то ельцинщина — это схватка советско-

го (постсоветского) среднего слоя, с одной стороны, и определенных сегментов номенклатуры и их союзников — криминалитета и иностранного капитала, — с другой. В 1989 году в Восточной Европе, а также в Восточной части Советского Союза за чертой бедности жило 14 миллионов человек. Это очень немного. В 1996 году — 168 миллионов человек. Это небывалое изничтожение среднего слоя. Конечно, советский средний слой нельзя сравнивать с западным средним слоем, это разные вещи, но, тем не менее, это середина общества. «Под нож» пошли врачи, учителя, ученые, военные. Таким образом, здесь сработала эта логика изничтожения среднего слоя.

Какие институты ограничивают капиталистическую систему? Первый, как это ни парадоксально, — рынок. Фернан Бродель, великий французский историк, сформулировал это таким образом: капитализм — враг рынка, потому что капиталист стремится в условиях рынка к монополии, и рынок — это то, что объективно ограничивает капитализм. Второе — национальное государство, нация-государство, где значительная часть населения включена в госсистему. Третье — гражданское общество и его демократические институты. Четвертое — политика, политические институты. Пятое — рациональное мировоззрение, светская идеология и наука. Шестое — массовая армия, и седьмое — массовое образование.

Каковы нынешние тенденции на Западе? Это не значит, что капитализм сейчас умирает или через 10 лет умрет, но тенденция очевидная. Вместо рынка — олигополия. Разговоры о мировой валюте как шаге к мировому правительству. Я не знаю, видел кто-нибудь вышедшую полгода назад в серии «ЖЗЛ» книгу «Карл Маркс». Ее автор Жан Жак Аттали. Что Ж.Ж. Аттали интересует в Карле Марксе? — идея мирового правительства, то же, что нравилось в Марксе Арнольду Тойнби и старшему Даллесу. Они были фанатами Маркса в этом отношении. Это тот самый Аттали, который был советником Миттерана и который вместе с Кашогги и Хож-Ахмед Нухаевым владеет банком «Кавказ», который работает в Чечне. Т.е. это серьезный человек. Во Франции таких называют «мондиалист». И вот этот человек пишет биографию Маркса, и в Марксе его интересует идея мирового правительства. Интересная метаморфоза: идею мирового правительства излагает не представитель пролетариата, а представитель буржуазии. Вторая вещь, очень важная: когда мы видим государственную структуру, мы привыкли за последние 100 лет воспринимать это как нацию-государство, национальное государство. «Не все то золото, что блестит». Не все, что выглядит как нация-государство, это государство. На наших глазах за последние 15—20 лет возник новый феномен. Я называю этот феномен «корпорация-государство». Я имею в виду не превращение корпорации в государство, хотя бывают и такие случаи (корпорация Леваева — один из случаев). Я имею в виду ситуацию, когда государство превращается в корпорацию, когда оно отказывается от своих социальных обязательств по отношению к огромной части населения, когда оно начинает вести себя, руководствуясь только законами экономической прибыли.

Все группы населения, которые нельзя эксплуатировать прямо или косвенно в качестве потребителей, оказываются «за бортом». Если задачей нации-государства было максимальное включение в государственную сферу максимум населения, задача корпорации-государства очень проста: отсечение от обще-

ственного пирога всех тех групп, которые были в выигрыше в период с 1945 по 1975 год. Это тот период, который французы называют «славное тридцатилетие», когда поднялся средний класс. О «скукоживании» гражданского общества на Западе не пишет только ленивый. Политика превращается в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса: достаточно посмотреть, например, на американские выборы. Рациональное мировоззрение отступает, причем я имею в виду не только крах светских идеологий — есть вещи, так сказать, на уровне более широком. В 80-е годы научную фантастику сменило фэнтези — это очень важный показатель. И, наконец, последнее, о чем я хочу сказать, это упадок образования и деинтеллектуализация самой научной сферы. И решающую роль в этом играет корпорация-государство.

Что нужно, чтобы вообще выживать в такой ситуации? Ясно, что нужны политическая воля и разум. Политическая воля — это за политиками. Но что могут ученые и люди, которые работают в сфере образования? Нам нужна новая наука о мире и о самих себе. В свое время Карл Поланьи написал, что в основе побед многих политических групп в XX веке лежит зловещее интеллектуальное превосходство над их оппонентами. Нам тоже нужно такое превосходство. И мы должны ответить себе в этой новой науке на следующие вопросы: что такое современный мир, как он работает, что такое Россия, и как Россия функционирует в мире. Нам нужно беспощадно честное, но без очернительства, знание о самих себе и о собственной истории, мужество быть и мужество знать. Чтобы иметь мужество быть, нужно иметь мужество знать. К этому нас призывал А.А. Зиновьев. И он продемонстрировал своей жизнью великого вопрекиста. Спасибо.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Философский факультет

ШПШВДНВШШ ТИНПШ

В

Ш Ш Ж К Ш О Ш

ЖЕПЕЗаКШПШЕ

Материалы Международной научной конференции (6 — 7 ноября 2008 г.)

Издательство «Современные тетради»
Лицензия № 040548 от 30.12.1997 г.

Главный редактор,
генеральный директор издательства — Красненков В.Г.

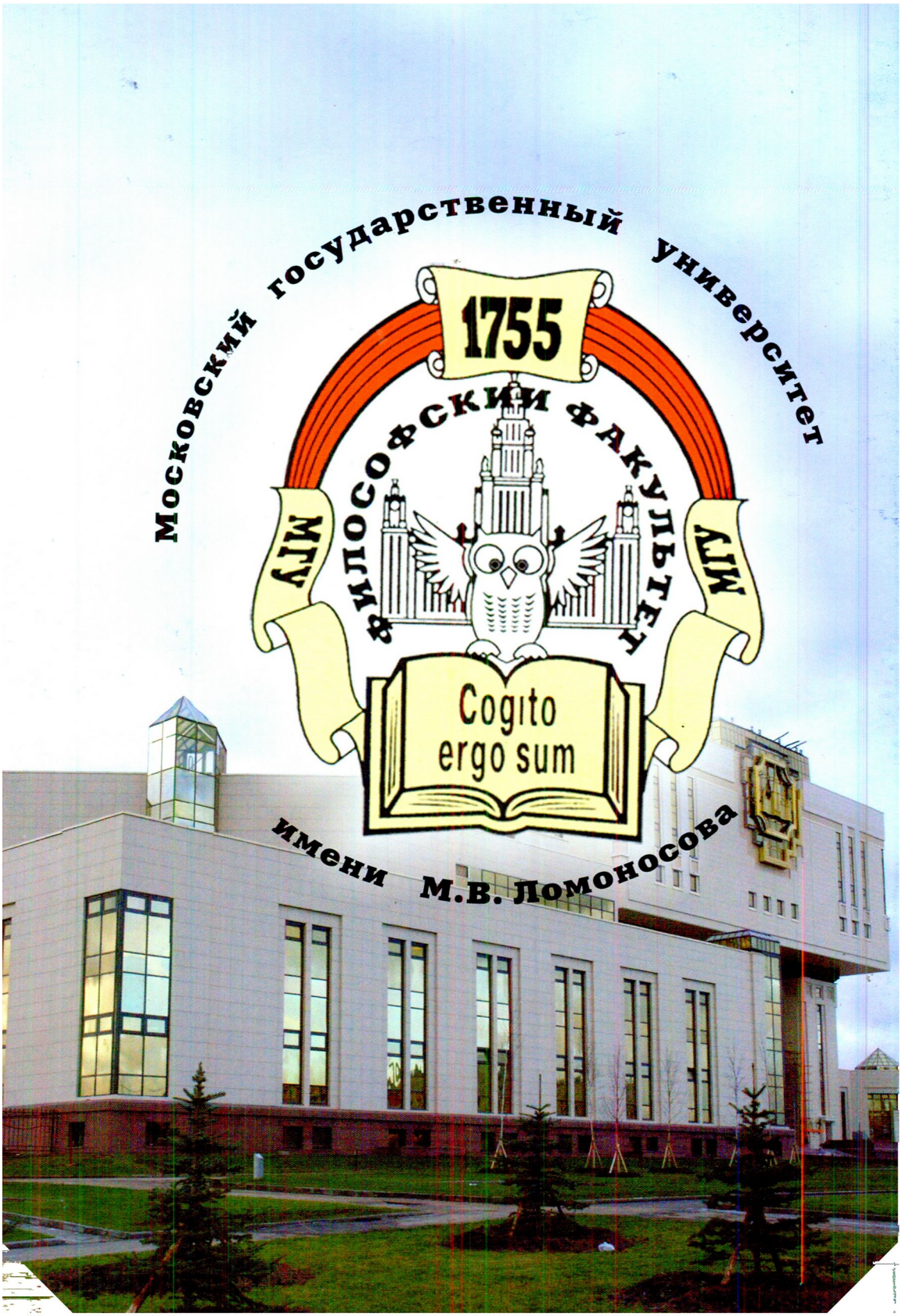
Редакторы — *Рубцова М.В., Гордусенко ГД.*

Верстка, дизайн — *Давыдова ЕЛ.*

Подписано в печать 20.10.2009 г.
Формат 70x100 1/16. Объем 11 усл. иеч. л. Тираж 500 экз.

Почтовый адрес издательства — ЗАО «Современные тетради»:
117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 8. Тел.: 333-65-79

21-1 - Программа просмотра изображений и факсов


Московский государственный университет
1755
Философский факультет
МГУ
МГУ
Cogito
ergo sum
имени М.В. Ломоносова